

Валерий ХАТЮШИН

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

ТОМ ПЕРВЫЙ

*Стихотворения
Лирические циклы
Поэмы*

1964 — 1992

Москва
«Голос-Пресс»
2012

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Х-25

Выдающийся современный писатель Валерий Хатюшин в 2013 году отметит своё 65-летие. К этой дате приурочен выход в свет первых томов давно ожидаемого Собрания сочинений широко известного в России автора, продолжателя пушкинской классической культурной традиции.

Поэт, прозаик, критик, публицист Валерий Васильевич Хатюшин снискал высокую признательность нашего народа своим объемным, неповторимым по глубине выражения творчеством. Верим, что данное Собрание произведений нашего замечательного современника займёт достойное место на книжной полке и в душе заинтересованного русского читателя.

В первый том настоящего Собрания вошли стихотворения, лирические циклы и поэмы, написанные с 1964 по 1992 год.

Валерий Хатюшин
Собрание сочинений. Том первый. М.: Голос-Пресс.
2012. — 528 с.

ISBN 978-5-7117-0617-5

© В.В. Хатюшин. 2012
© Издательство «Голос-Пресс». 2012

НЕРАЗРЕШИМАЯ ТАЙНА

Почему я стал поэтом? На этот вопрос у меня ответа нет. Но первые стихи, которые запали мне в сердце, я прочитал во втором или в третьем классе в учебнике «Родная речь», и с тех пор почувствовал какую-то странную, знобящую тягу к напевным, ритмичным строчкам, необъяснимо волнующим душу. Они захватывали меня, будоражили детское воображение и накрепко отпечатывались в памяти.

До восьмого класса я учился в сельской школе возле станции Фрязево в 50 километрах от Москвы, и в начальных классах был отличником, получал похвальные грамоты и благодарности. Но потом вдруг как-то резко, неожиданно для самого себя повзрослел, стал прогульщиком и дебоширом.

Рос я в основном на улице, вернее, на природе, в окружении леса: наш военный поселок отстоял от школы на три километра. Учиться мне стало неинтересно. Гораздо с большим удовольствием я целый день пропадал в лесу или по вечерам до упаду гонял футбольный мяч с местными пацанами. Мать вызывали в школу, жаловались на мою нерадивость, неусидчивость, непослушность и на другие выходки. Мать расстраивалась, даже злилась, но смотрела на меня сочувственно. Однако я много и всеядно читал — книжки из школьной библиотеки, журналы, газеты, отрывные календари — всё, что попадалось под руку. Тягу к знаниям я ощущал постоянно.

Мне безмерно повезло, что русский язык и литературу в нашем классе преподавал Александр Иванович Самохин — учитель оригинальный, добрый, но строгий, бывший в годах и умевший так подавать урок, что все мы, даже самые отпетые разгильдяи, слушали как замороженные. Он, конечно, заложил в мою душу любовь к русской словесности. И я платил ему той же отдачей — сам просился отвечать на задание. Он придумывал нам темы сочинений, и я писал эти сочинения с такой увлеченностью, что он читал их перед всем классом. Однажды на роди-

тельском собрании, где меня опять пропесочивали, Александр Иванович подошел к моей матери, отвел ее в сторону и тихо сказал: «У вашего сына литературные способности. Чувствую, он будет писателем». Мать призналась мне в этом, когда я уже широко печатался.

Отца помню лишь фрагментами. Но отчетливо осталось в памяти, как мать уходила от него. Мне было года четыре. Он просил меня остаться, и в его глазах стояли слезы.

Мать увезла меня к бабушке в подмосковную деревню Починки. Там я и прожил всё время до школы. Навещала она меня редко, и каждый ее очередной отъезд сопровождался моим горьким рёвом и следовавшей затем долгой недетской тоской. Быть может, эта тягучая тоска дала сильный толчок к развитию и взрослению души. И, видать, она же оставила свой след на всех моих будущих стихах. (Эти детские переживания, спустя многие годы, я описал в стихотворении «Разлука».) Иногда навевывался отец, но всякий раз минуты нашего расставания превращались в очередную мою слезную сцену, и ему было запрещено приезжать, «чтобы не расстраивать ребенка».

Бабушка была неграмотной и не могла читать мне книжек. Поэтому все сказочные истории, особенно в зимнее темное время, я придумывал сам, буквально живя в этом мечтательном мире. Бабушка непрестанно была занята какой-то работой по дому и постоянно молилась — перед едой, перед сном, после сна... Свои молитвы она пела. Я в них ничего не понимал, но слушал с интересом. Иногда она рассказывала евангельские истории о Христе, и я воспринимал их подобно сказкам. Как-то я спросил ее: «Откуда берется хлеб?» — «От Бога», — сказала она. «Как это?» — не понял я. «Очень просто — дает Бог». — «А люди?» — «И люди тоже». Только став взрослым, я осознал ее правоту.

Летом же вместе с деревенскими мальчишками я всё время проводил на речке. В этой речке я дважды тонул, но меня спасали. (Теперь ее нет — она пересохла и заросла кустарником.) Темно-коричневый от загара, худющий, босой, бегал я по деревенской пыли и жесткой скошенной траве, пока наконец перед самой школой мать не забрала меня в новую семью, к отчиму, во Фрязево. Как мне стало потом известно, отец уехал на Украину, и я с ним больше не виделся никогда.

С отчимом мать рассталась в мои 14 лет, после чего мы переехали с ней жить в г. Ногинск. Там же я закончил среднюю школу, оттуда ушел служить в армию, в Сибирь. Первое опубликованное стихотворение как раз и появилось в армейской газете «Патриот Родины». Но еще до армии я сочинил более двухсот ученических стихотворений и написал свою первую повесть.

После службы началась моя строительная эпопея: сначала северный газопровод, потом КамАЗ. Для меня это было время романтики и молодого энтузиазма. В 1973 году перебрался в Москву и пять лет строил жилые дома, обитая в общежитии, пока не получил здесь собственную комнату в коммуналке.

В 1982 году в «Современнике» вышла моя первая книга стихов «Быть человеком на Земле», по которой я был принят в Союз писателей СССР. С 1987-го по 1989-й учился на Высших литературных курсах при Литинституте. В это же время в разных журналах опубликовал несколько статей и в 1990 году был приглашен на работу в журнал «Молодая гвардия».

Можно сказать, непростая биография и судьба. Но за сухими вехами жизни скрыты гораздо более важные для меня события, оставившие нестираемый отпечаток в душе и изменившие мое сознание, мой взгляд на мир, мое отношение к людям и явлениям бытия.

Примерно в тридцать лет или около этого от бабушки я получил в подарок дореволюционное, с пожелтевшими страницами Евангелие. (Бабушка была евангелисткой. К ней время от времени приходили такие же верующие, пели молитвы и читали евангельские тексты...) Этот момент стал для меня судьбоносным, перевернувшим весь мой внутренний мир, направившим мою жизнь в иное русло. После прочтения Евангелия я стал другим человеком. Моему сердцу открылся Бог. А вслед за этим произошло и творческое перерождение: лирика, которой я был и остался верен неизменно и полнокровно, получила органическое христианское наполнение.

В 37 лет я крестился в церкви, в 38 — женился, а в 39 у меня родилась дочь.

Огромную роль в моем становлении и в понимании сущности творчества сыграло знакомство и продолжительное общение с Вадимом Кожиновым, Анатолием Передреевым, Татьяной Глушковой, Владимиром Цыбиным... Рядом с ними планку поэзии требовалось держать на достойном уровне.

Потом случилась трагедия — мы потеряли страну, в которой родились. Этот жизненный перелом опалил сердце и отразился на всём моем дальнейшем творчестве — на стихах, на прозе, на статьях. Ведь мы не просто утратили бывшую Родину, у нас выбили почву под ногами, отняли русское духовное пространство, а народ подвергся моральному и физическому террору.

Писать как раньше уже было нельзя, хотя многие пишущие вокруг жили так, будто ничего не произошло. Но мое сердце позволить себе этого не могло. Книга стихов «Русская кровь» с подзаголовком «Поэзия русского сопротивления» в 1992 году за мой счёт была отпечатана в одной из ведомственных типо-

рафий. Затем она дополнялась и переиздавалась несколько раз, стремительно расходясь среди равнодушных людей. Последнее ее издание в 2011 году вышло под названием «На переломе».

Практически через номер в «Молодой гвардии» печатались мои хлесткие статьи. Но враги, укравшие у нас Родину, тоже не дремали. «Либеральная» пресса требовала расправы за эту непозволительную «смелость», и коллективные доносы лиц «демократической» национальности сыпались в прокуратуру, как из рога изобилия. К счастью, уголовные дела заводились реже, и с Божьей помощью от них удавалось отбиваться.

Самое поразительное то, что в окружении вражеской ненависти, травли, замалчивания и финансового удушения удалось отстоять, не дать загубить журнал и более того — поднять его художественный уровень, сделать еще острее, интереснее, актуальнее в освещении русских национальных проблем. Хотя стоило это огромных напряжений и нервов.

В 2009 году, в марте, умерла мать. Эта смерть на какое-то время подкосила мои моральные силы и опустошила сердце. Восстанавливать себя пришлось усилием воли. Судьба словно потребовала тяжелой жертвы: через два месяца, в мае, я стал главным редактором журнала. Работы прибавилось, хотя в течение двадцати с лишним лет редакторской службы мне всегда удавалось писать своё. А за 45 лет творческой жизни вышло в свет более тридцати книг. В конце концов объем и груз написанного подвели к мысли об издании Собрания сочинений.

Я часто спрашиваю себя: кто вел меня к достижению моих целей, кто определял их направление, отсекая ложные, ненужные пути, всё лишнее и никчемное? (Отсекая нередко с сердечной болью и кровью...) Судьба, Провидение?.. Кто оберегал меня порой в самых безвыходных и безысходных ситуациях?.. Ответ знала моя неграмотная бабушка...

Однажды в детстве, в том военном поселке, я заболел коклюшем. Кашель меня забивал страшно, до посинения. Во время сильных приступов спазмы сдавливали горло, и я задыхался. Но какая-то сила толкнула меня ранним утром, чуть свет, ходить с удочкой на затопленные песчаные карьеры — там водились огольцы и караси. И как-то неожиданно быстро после этого я вылечился. Уже будучи взрослым я узнал, что лучше всего от коклюша и бронхита помогает влажный утренний воздух...

Так отчего же я стал поэтом? Только вся жизнь может ответить на этот вопрос. Но всё равно в нем останется для меня неразрешимая тайна.

Валерий ХАТЮШИН

ЗВЁЗДЫ

День угрюмый угасает,
и на тёмно-синем небе
каждый вечер проступает
звёзд живых плывущий лебедь.

Я люблюсь и мечтаю,
слушать страшно интересно,
что они, всю ночь сверкая,
шепчут мне из тьмы небесной.

Звёзды грустные вздыхают,
что согреть меня не могут,
и под утро упадают
на туманную дорогу...

1964 (15 лет)

* * *

Да, молод я, но путь избрал,
он весь из пропастей и скал.
Не будет шага стороной.
И кончу дорогой ценой.
И, может, горькая молва
за мной увяжется во след...
Но кто-то вымолвит слова:
«Простим его, он был поэт».

1965

КАПЛИ

Капли текут по стеклу
в хмари осенних дней,
тихо плывут во мглу,
словно слёзы людей.

Как их остановить?
Дождь без конца идёт..
Хочется всё забыть
и не глядеть вперед.

Город ложится спать,
жёлтые гаснут огни.
Странное чувство опять
душу мою томит..

1966

* * *

Улетели, скрылись за туманом
юные наивные мечты,
вспоминать о них мне очень странно,
словно рвать опавшие цветы.
Только вдруг с сердечною истомой
над тоской испытанных дорог
прозвенит доверчиво-знакомый
голос детства — звонкий голосок.
Прозвенит и смолкнет слишком скоро
в беспокойном шуме городском.
И опять оскалившийся город
будет громко лаять за окном.

1966

* * *

В жизни много несчастий всяких,
я свое осознал до конца:
в беспросветном житейском мраке
никогда не встречал отца.

Годы юности мчатся мимо,
но не встретить родного лица...
Как порою невыносимо,
как обидно расти без отца!

1966

* * *

Расплескалась рябина кровью,
разрумянилась, как заря.
И какой-то особенной новью
для меня ее гроздья горят.

Да и сам я, как гроздья рябинные,
изнывающие в соку,
осыпаюсь стихами длинными
про любовь мою и тоску.

1966

СЛУЧАЙНЫЙ ДАР

Откуда взялся он?
Ну из каких истоков?
И кто меня толкнул
на этот скорбный путь?
Неведомый мне путь,
тернистый и далекий...
Но что всего страшней —
назад не повернуть.

И юн мой дар, и слаб
среди имен известных,
и ломкий голос мой
пускает петуха,
но в громыханье рифм,
во мгле словесной бездны
выводит он свой ритм
упрямого стиха.

1966

* * *

Кто видел горечь и смятенье
на бледных лицах матерей,
когда они в немом смиренье
вдаль провожали сыновей,
тот помнит их живые слёзы...
Я знаю: будут слёзы вновь.
Еще гремят над миром грозы
и льется человечья кровь.

1966

ПОВЕСТКА

Она пришла, разлуки вестка,
немногословна и бледна,
недолгожданная повестка,
угрюмой строгости полна.
С зеленой книжкой аттестата,
меня иная даль звала...
Но твердой поступью солдата
она без стука в дом вошла.

Уйдем, приняв смешные стрижки,
куда пошлет военкомат.
Еще юнец, еще мальчишка
сожмет холодный автомат.
Замаршируем по бетонке,
сольются наши голоса,
и у накрашенной девчонки
намокнут серые глаза...

1967

* * *

А деревья мне машут руками,
осыпаются, клонятся ниц
под нестройными голосами
улетающих с севера птиц.

С безразличием и не мучась,
если так уж судьбой дано,
я меняю на строгую участь
стадионы, театры, кино...

Ухожу, как бы вслед ни смотрели,
удивленья и страха полны.
Просто мне не до буйных веселий,
просто хочется тишины.

Оставляю хорошую память,
ухожу, сентябрем шурша,
и деревья мне машут руками,
тяжело и тепло дыша.

1967

СИБИРЬ

Голубые холмы, темно-синий туман,
золотое руно берез,
у нескошенных трав, увядающих трав
аромат распустившихся роз.
Потаенная тишь, свежий ветер в лицо,
неуютная светлая ширь.
И куда ни взгляни — горизонт, горизонт,
бесконечная наша Сибирь.

1967

* * *

Иней на улице, иней,
тонкий недолгий шелк,
утренний первый иней,
это так хорошо.
Иней — идешь несмело,
сощуриваешь глаза.
Нежный как пух, белый,
чистый, словно слеза.
Иней — такая примета:
в сердце сближаем мы
память прошедшего лета,
жажду грядущей зимы.

Октябрь 1967

НЕ ЗАБЫВАЙ

Любви былой хмельные дни
в душе навечно сохрани,
не сожалей, не унывай, —
не забывай, не забывай.

Когда из хмурых низких туч
блеснет весенний первый луч,
ему ты сердце открывай, —
не забывай, не забывай.

И верь всегда: придет она,
та долгожданная весна,
счастливый сон, цветущий май...
Не забывай, не забывай.

Октябрь 1967

НА ПОСТУ

Я слышу, как падает снег,
уснувшей земли покров.
С прожектора сыплется свет,
похожий на рой комаров.

Зверем из-под куста
ночь на меня глядит.
Кто это бродит там?
Ветер или бандит?

Вдруг — приглушенный стон.
В холод бросает он.
Двери истошный скрип.
Палец к курку прилип.

...Играет мороз на сучках,
воздух озоном пропах.
Россыпью красных монет
с прожектора сыплется свет.

Звуков живых полна
таинственная тишина.

1967

ЗИМА В СИБИРИ

Восход малиновый роняет
по каплям свет на гребни сел
и постепенно растворяет
луны зелёный ореол.

Курю, со спичечной наклейки
поэт улыбчивый глядит..
Тайга гудит, луна-копейка
устало на холме сидит.

Трещат деревья, воздух жгучий
всё белым пухом забелил,
далёко слышен шаг скрипучий,
мороз за сорок повалил.

Сибирь, Сибирь, она такая.
Прогнозы холодом грозят.
И колкий ветер, не смолкая,
свистит, как тыщу лет назад...

1967

* * *

Синий, теплый, воздушный снег
в переливах ночных огней,
и поземки замедленный бег
по сугробам сибирских полей.
Бледно-розовый жидкий свет
разукрасил берез парчу,
на востоке скользит рассвет
по невидимому лучу.
Запустил провода мороз.
В невидимку оделся лес.
Кто сюда осторожно принес
тишину с тёмно-серых небес?

1967

ЛУННЫЙ ПЕЙЗАЖ

Фонарь в лесу заиндевавшем
похож на яркую луну,
он золотит — на ветвь повешен —
берез густую седину.
Наш вездеход на сопку лезет,
он надрывается, визжит,
дорога в розовом разрезе
назад извилисто бежит.
Из фары свет какой-то странный
чудесно стелется во мгле,
пейзажи лунной панорамы
лежат пред нами на земле...

1967

ПО СУГРОБАМ

По сугробам, по сугробам,
по колено увязая,
по когда-то бывшим тропам
друг за другом мы шагаем.
В сапогах оледеневших...
Лица, руки, ноги стынут.
За плечом окаменевшим
с побелевшим карабином.
А идти еще немало.
С каждым шагом — выше, выше...
Только слышно, как устало
за спиной товарищ дышит.
Ветер стонет не смолкая,
но смотреть нам нужно в оба,
глухо падая, вставая, —
По сугробам, по сугробам.
Всё смешалось в серой мути,
бьет по лицам снег рогатый,
тяжело, и кто-то шутит:
мы солдаты, мы солдаты...

1967

ФЕВРАЛЬСКОЕ УТРО

Окно затянуло морозной слюдой,
холодно после вчерашней метели,
и подниматься с последней звездой
разве захочешь из теплой постели.
Вьюга вчера налетела с востока
и, от души нагулявшись на воле,
новую песнь принесла издалёка,
ту, что застыла на окнах и в поле.
...Утро. Таинственным скованы сном
пышных берез молодые верхушки.
Лишь, привлекая домашним теплом,
тянутся узенькой лентой избушки,
тускло малиновым светом горят,
в сером тумане темны и убоги.
...Еле заметны, тоскливо торчат
вешки да вешки вдоль санной дороги...

1968

ВЕСНА

Смотри! Какое ж это счастье:
за густотою мрачных туч,
за хмарью буйного ненастья
увидеть первый ясный луч.

Уже на радостях по лужам
слоняюсь рядом с малышнёй,
уже от сырости — простужен
и от капли — чуть хмельной.

Весна! Весна! Скорее! Здравствуй!
Входи смелее в отчий край!
Над безграничной ширью властвуй!
Живые краски разбросай!

И вот она, снега смывая,
мир будоражит ото сна,
голубоглазая, хмельная,
необозримая весна!

1968

* * *

Снега, метели и туманы,
прощайте, доброго пути!
Грозой сверкая неустанно,
весна, взрывайся и свети!

Пусть нам дожди омоют лица,
цветы сомкнут свои ряды.
Как длинноносые девицы,
склонятся ивы у воды.

Вся в ожидании природа.
Казалось бы, зачем грустить?
Зима — смурное время года —
прошла, ее не воротить.

Земля весною станет краше.
Но давит сердце мне печаль.
Зима ушла из жизни нашей.
Но отчего ее мне жаль?..

1968

* * *

Почему ты молчишь?
Что с тобой, дорогая?
Неужели вдали
должен думать я вновь,
что какой-то другой,
твои плечи сжимая,
еле слышно тебе
говорит про любовь?

Вот уже и весна,
но лучистыми днями
не растопит она
мою снежную грусть,
если ты промолчишь,
если просто обманешь...
Ты не верь никому,
я однажды вернусь...

Будет снова звенеть
у подъезда гитара,
будет новая песнь
в полуночной тиши...
Были клятвы не зря,
обещанья не даром...
Успокой же меня,
что-нибудь напиши.

1968

ВЕСЕННЕЕ

Тьма опустилась на город.
Ты уж, наверно, в постели.
И медленно засыпаешь,
спокойная до утра.
А где-то в далекой Сибири
парень в солдатской шинели
проводит бессонные ночи
у голубого костра.
И затаив дыханье,
он смотрит с тоской на небо,
на синее звездное небо,
надежду в душе теребя.
Лежит на его ладони
ломоть обожженного хлеба,
но словно забыв об этом,
он видит во тьме тебя.
Согретый теплом костёрным,
в блистанье небесной бездны
он видит знакомые лица,
зелёные города,
вечерние желтые окна
и темных домов подъезды,
где прятались вы когда-то
в зимние холода.

Весна. Ведь совсем недавно,
кажется, вы расстались.
Такое же вот цветенье
и первой листвы полет...
Тогда молодого парня
в армию провожали...
Недавно... А между прочим
прошел уже целый год.

Как радостно! Даже в Сибири
черемуха распустилась.
И щедро весна разливает
волнующий аромат.
Поющее яркое небо
снова глазам открылось,
и девушки как-то особенно,
улыбчивые, глядят.
Он верит: уйдут невзгоды
и в сердце пройдут метели,
и ты позабыть не сможешь
вот в эти свои вечера,
как где-то в далекой Сибири
парень в солдатской шинели
проводит бессонные ночи
у голубого костра.

1968

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Зачем ты мучаешь солдата?
К чему сомнением томишь?
Ведь ты клялась ему когда-то,
что будешь ждать.
И вот — молчишь.
Молчишь.
Ни весточки, ни слова.
Пренебреженье — напоказ.
Уставший ждать, сегодня снова
пишу тебе. В последний раз.
Могу понять я — разлюбила,
но всё ж к разрыву не спеши.
И если даже изменила,
то всё равно — пиши, пиши!
Пиши, когда бывает грустно,
пиши мне, если тяжело,
пиши, когда на сердце пусто,
когда спокойно и светло.
И если стала ты другою, —
не бойся душу открывать,
и чтоб там ни было с тобою, —
наверно, лучше написать.
Но ты молчишь. Такая мука
без писем в этом далеке!
Ужель так трудно быть порукой
в разлуке горькой и тоске?

1968

* * *

Вот и всё — и не будет объятий.
Так и кончилась наша любовь.
Пыл ее до конца не растратив,
под луною не встретимся вновь.

Что ж, прощай. Эти грустные строки
позабудь и другому свети.
Жаль, конечно, что светом далеким
не сможешь мне больше в пути,

что к другому уйдя без возврата,
прежней нежности там не найдёшь
и в сибирскую глушь солдату
ты привета уже не пошлешь.

Разошлись наши судьбы шальные.
Ни взглянуть, ни подать руки.
Мы чужие теперь, чужие.
И поэтому так далеки.

1968

* * *

Простая мелодия вальса
лилась и качалась над нами,
и трогал я тонкие пальцы
обветренными губами.

И полуоткрытые губы
так нежно и страстно шептали,
что даже горластые трубы
Шептаньем они заглушали.

Казалось, поющие птицы
в груди у меня задыхались,
когда голубые ресницы
в смущении опускались.

Казалось, плывущие люди
счастливых не замечали...
И юные яркие груди
под взглядом моим трепетали.

Как будто из сна явившись,
мы всех и про всё забыли,
и в танце, телами слившись,
мы плыли, мы плыли, мы плыли...

1968

* * *

Боже мой, это бред,
непредвиденный бред...
Разве можно легко
на такое решиться?
Вы ведь старше меня,
ну а мне еще нет
двадцати
и не хочется с вами возиться.

Ах, зачем же, зачем
я заметил тогда
среди множества лиц
ваших глаз поднебесье?..
И теперь навсегда,
может быть, навсегда
поселилась в моем
глупом сердце
беззвучная песня...

Не могу, не хочу
ни о чем сожалеть,
выносить эту боль
и в себе замыкаться.
Не хочу ничего
больше с вами иметь,
да, нам нужно,
нам нужно навечно расстаться.

Я не стану внимать
этим ясным слезам,
вы меня и себя
понапрасну тревожите.
Только как бы простить
трудно ни было вам,
вы простите меня,
вы простите меня,
если, конечно, сможете...

1968

* * *

Скрылось солнце за гребни крыш,
и, окончив походный путь,
в предвечернюю синюю тишь
опустился солдат отдохнуть.

Разбросала черемуха снег,
на полнеба — закатный огонь;
о солдатской счастливой весне
где-то рядом запела гармонь.

И дорог бесконечных груз
позабыл он в своих мечтах.
Безмятежная светлая грусть
заблестела в его глазах.

Он припомнил родные места,
нежный бархат любимых глаз...
А дорога пред ним крута.
Он еще погрузит не раз...*

1968

---

* Первое опубликованное стихотворение (г. «Патриот Родины», Новосибирск, 1968 г.).

* * *

Изумрудная чудная зелень,
яркий птичий веселый гам...
На весну после долгой метели
непривычно глядеть глазам.

Я сегодня ужасно разнежен
солнцем, небом, теплом, травой,
этим лесом, что так безбрежен,
первозданной его красой.

Звучный лепет зовет куда-то
в шелестящую глубь весны...
Даже лесом приятно солдату
любоваться со стороны.

1968

* * *

Как легко разлюбила, так легко и забудешь.
И любить, и влюбляться ты не раз еще будешь.

В юном сердце надолго не способен остаться
даже тот, кто девчонку научил целоваться.

1968

* * *

О. Васильевой

Разлуки лед. Октябрь. Сухие листья
ложатся тихо в мокрые следы.
Я снова перечитываю письма,
что в год ушедший мне писала ты.

Все то, что было, мне забыть непросто.
Как охладеешь к памятным местам,
где каждый тополь, каждая березка
до глубины души знакомы нам?

Когда тебе безмолвие ночное
навевает грусть в слезящемся окне,
то что-то очень близкое, родное
еще не раз напомнит обо мне.

Еще хранятся прежние приметы
и не сотрутся в памяти вовек.
Сияют наши летние рассветы,
белеет наш с тобой прощальный снег...

1968

* * *

Ты — как далекая звезда,
одинокая, прекрасная,
которую все любят
за блеск, за свет,
но никто не знает,
что там, на ее поверхности.
Ты вся — как новогодняя елка,
которую нельзя трогать,
ею можно лишь любоваться
со стороны.
Ты — как праздничный стол,
накрытый роскошно.
Глядя на него, разбегаются глаза,
и не знаешь, с чего начать...

1968

* * *

А. М.

Нет, ты не отвернулась от меня,
сказала тихо, просто: «Уходи»,
слова и ласки в памяти храня,
оставшиеся где-то позади.

...Сказала тихо, нежно: «Уходи...»
Но как зовешь ты прежнего меня!
К моей бессильно тянешься груди,
глазами отвергая и гоня.

1968

* * *

Белая Россия, белая Сибирь...
Белизмой покрылась ветреная ширь.

Санная дорога, будто в старину,
серой полосой режет белизну.

Сколько у березы временных седин!
Я же из брюнета сделался блондин.

Сыплется морозный, деревянный звон...
Бледные туманы прячут горизонт.

Скованного неба мраморный пузырь...
Белая Россия, белая Сибирь.

1968

ЗВЁЗДЫ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

А. Маликовой

Это было давно в подмосковном посёлочке Фрязево, где, наверно, всё так же дороги осенние — грязные, вдоль которых, слезясь, тополя так уныло качаются... Я с тобой. Мы одни. Вечер. Лето кончается. ...Ты к соседке моей на каникулы в гости приехала, повстречала меня и осталась на целое лето. Днём обычно играть в волейбол на поляну мы бегали, вечерами в безлюдье бродили, луной не согретые. Было холодно, и мы прятались в темном подъезде, и смеялись в ладони, как дети на празднике позднем. Помню я, как сочувственно улыбались нам ясные звезды и чуть слышно шептались, о чем-то вздыхая серьезно. Я сжимал твои пальцы холодные, согревая; у подъезда тоскливо шуршала листва предосенняя; и поэта печального в юной душе открывая, слушал я, как тихонечко ты мне читала Есенина... Тебе очень в меня, в поцелуй и в слова мои верилось, в те шальные слова, в твоей верной душе хранимые... Мне тебя не забыть. Просто ты была самая первая, перед кем я сказал это страшное слово «любимая»...

Это было давно... Как светло это было... Искренне... А потом... А потом мы разъехались прочь... И теперь неприятными, желтыми, жгучими искрами в моей памяти скорбно маячит угрюмая ночь... Целый год мы не виделись. Стали, казалось нам, взрослыми. Безоглядно и сладостно закружился я в вихре другом... Но свели нас пути в том поселке под яркими звездами, и была эта душная ночь у тебя под окном. И рассказывал я приглушенно, с открытой развязностью о любви моей сильной к красивой молоденькой девочке

и о жизни веселой, охваченной шумом и праздностью,
что к вчерашним словам человека забывчивым делает.
Я рассказывал медленно выразительно-грубым голосом
о сердечной истории, совершившейся за год разлуки...
Ты шептала (дрожали блестящие волосы):
«Дальше, дальше...», к глазам прижимавшая руки.
И уехал я к той — безмятежной, красивой, любимой,
обреченный на скорый жестокий, дешевый обман...

Растворились навеки, развеялись невозвратно
звёзды первой любви и свиданий вечерний туман...

1968

* * *

Синева, сплошная синева
и берез вуальная прозрачность,
да слегка кружится голова
в воздухе морозном, полумрачном.

Тишина, глухая тишина,
и над сном трепещущих созвучий
тает полнокровная луна,
в горизонт сливая свет тягучий.

Вдалеке застыл туман белесый;
снег такой невыносимо синий!
Глубоко задумались березы,
подобравши лапы, как гусыни.

И, хмельной от стужи, чуть качаясь,
пробираюсь спящими дворами...
А деревня к утреннему чаю
так и манит желтыми глазами.

1968

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество безрассветное,
беззакатное. Желтый свет.
Беспрощальное, бесприветное,
даже писем всё нет и нет.
Пред глазами прошедшее вертится
и волнует, как будто в нови.
Я всё больше боюсь разувериться
в дружбе, верности и в любви.
Всё бывшее мне страшно дорого,
и простые слова — новы.
Где вы прежние люди добрые?
Отчего потерялись вы?
В этой душной бессмысленной комнате
невозможно забыться во сне.
Я прошу вас, пишите, помните,
знайте, думайте обо мне.

1968

* * *

Куда ни глянь — снега, снега,
а над снегами — только небо,
в глаза летящая пурга,
не находящая ночлега...

1968

* * *

По полям, как волки, всюду рыщут
на судьбу озлобленные ветры,
ни огня, ни ветхого жилища
не найти на сотни километров...

1968

ОКНА ВЕЧЕРНИЕ

Звёзды, луна и вечерние окна,
и золотые огни фонарей —
жёлтая россыпь морозных ночей —
светят приветно, когда, приумолкнув,
скроется вьюга вдали за холмами,
ветер уснет, опустившись губами
в хвойные кудри таежных ветвей.
Тихо, волнуяще, трепетно, чудно...
Город опять опускается в сон.
Как бы зевотно ни ежился он,
в окна зажженных тепло и уютно.
Окна далекие, окна живые
душу мне греют холодным теплом,
их недоступные судьбы людские
теплятся бережно в сердце моем.
В мутную дрожь голубого сиянья
окон вечерних с улыбкой гляжу.
От одиночества, от ожидания
в них исцеление я нахожу.

*1969,
г. Ачинск,
Красноярский край*

В ТАЙГЕ

Как тихо, как темно в ночи!
Эй, кто там? Отзовись!
Но хоть кричи, но хоть мычи,
ну хоть ты надорвись, —
глухая тишь, простор немой,
бесследный мрачный снег.
Здесь не услышит голос твой
ни зверь, ни человек.
А ведь когда-то, черт возьми,
хотел я тишины,
мечтал уйти в просторный мир
неведомой страны.
И вот — безмолвие зимы.
И к людям нет пути.
Из тишины, как из тюрьмы,
до срока не уйти.

1969

* * *

Белый край,
белый край, затуманенный, снежный...
Неба столько для глаз
в этой тихой родной стороне!
Но во всей широте
никуда от тоски безнадежной
не укрыться, не спрятаться мне.

Не могу,
не могу от души наглядеться
напоследок
в дремучую даль без следа.
Голубая тайга,
голубая, как милое детство,
не забудется мне,
не уйдет от меня никогда.

Здесь нашел я себя,
не сумевший прижиться,
здесь,
в угрюмой для многих глуши.
И в слезах, и в любви
я с тобою стремлюсь разлучиться,
край моей просветленной души.

1969

* * *

Г. С.

Зачем меня ты мучаешь
холодностью своей?
Зачем меня ты мучаешь
туманностью речей?
Ты быть коварной учишься,
ресницы голубя.
Не избежать мне участи
остаться без тебя.
Не избежал я участи
быть полностью твоим.
А ты ведь только учишься,
как нравиться другим.
А ты ведь только учишься...
И мучаешь, дразня.
Но, может, это к лучшему,
что ты не для меня?..

1969

* * *

Плывут шальные облака,
мерцая и клубясь,
плывут они издалека,
как будто от тебя.
Плывут они по всей стране
без отдыха и сна,
как адресованные мне
шалые письма.

1969

СТЕПИ

Сапогами чернозём промокший месим,
добродушные к превратностям судьбы,
впереди — лишь только степь до поднебесья,
облака, да телеграфные столбы.

Степи, степи, непроезжие дороги,
и ползут по-тараканьи трактора,
путь далек, хоть и прошли уже так много,
завтра — то же, что сегодня, что вчера...

1969

* * *

Ветер, туман, дождь морозящий,
свет деревень дальний, манящий.

Степи, леса, сопки, отроги...
Это и есть наши дороги.

1969

* * *

Выпал первый рискованный снег
на зелёные листья берез.
Это как заразительный смех
сквозь тяжёлую сдавленность слёз.
А цветы разлетелись не все...
Я спокойно смотреть не могу,
как в предсмертной кричащей красе
отразились они на снегу.

1969

* * *

Тонкая пороша и ночная тишь
забелили скаты деревенских крыш.

Сопки поседели, выцвели луга,
известью покрылись мокрые стога.

Опустело поле, птица не слышна.
Полдень, а на небе бледная луна.

1969

СПЯТ СОЛДАТЫ

Ветер жестокий палатку качает,
кажется мне, что она улетит,
он надо мной в проводах завывает
и в раскаленной печурке гудит.

Рядом солдаты, накинув шинели,
в сон погруженные, тихо лежат,
только огромные острые ели
в хмурой ночи монотонно скрипят.

За день уставшим, как сладко им спится.
(Я же гоню сновидения прочь.)
Что их волнует сейчас, что им снится
в эту холодную шумную ночь?

Ветер мне всхлипами сердце тревожит,
в душу мне льется колючий сквозняк...
Я нагибаюсь к печурке и всё же
возле огня не согреюсь никак.

Рядом, друг к другу прижавшись, как дети,
дремлют солдаты, и только в ночи
слушаю я, как порывистый ветер
жуткую песню заводит в печи...

1969

* * *

Падает снег, заматает палатку,
падает он и не тает уже.
Куцый щенок лижет бережно лапку,
пряча ее в свою мерзлую шерсть.

Падает снег, никому он не нужен.
Что нам теперь до его красоты?
Скоро тому, кто еще не простужен,
в нашей палатке придется простыть.

Падает снег нам на хмурые лица,
кедры и ели в белом снегу..
Мы, москвичи, вдалеке от столицы,
как дикари, обживаем тайгу.

Падает снег, приближает к нам зиму,
падает снег непонятно зачем,
падает снег невесомо, красиво,
наши глаза не лаская совсем...

1969

ХОЗЯИН ТАЙГИ

Итак, я остался один
хозяином царства лесного,
доверены мне карабин,
барбос, да на месяц съестного.
«Спидола» и, чтоб не скучать,
две книги — Есенин и Пушкин.
Я буду теперь проживать
в заснеженной тусклой избушке.
Я буду под утренний шум
встречать голубые рассветы
и в письмах друзьям опишу
скупую романтику эту.
Я знаю: не нужно тужить
и думать о доме не нужно.
Суровая, жесткая жизнь.
Но это и есть моя служба.

1969

* * *

Какая тишина вокруг!
Какая тишина...
Луна, мой самый светлый друг,
как я, в ночи одна.

Какая тишина вокруг!
Я нынче не засну.
И смотрит пес, мой верный друг,
с тоскою на луну.

...Тяну махорку. Тишина.
Мой пес уснул давно.
Лишь неизменная луна
глядит на нас в окно.

1969

* * *

Ты во мне поселилась, милая...
Как теперь без тебя прожить?
Я прошу: ну попробуй, смилуйся,
слово ласковое скажи.
Ты пугаешься: «Нет, не спрашивай.
Ах, зачем это всё, зачем?»
Позабудутся дни вчерашние,
мы расстанемся насовсем...
Не бывает в разлуке верности.
А слова... Что тебе от них?..»
Я смотрю, и никак не верится,
чтоб вот так мне любить других.
Я смотрю, и ничуть не жалко мне
для тебя самых сладких слов.
Ну хотя бы возьми, пожалуйста,
ты на память мою любовь...

1969

* * *

Мне на голову звезды падают;
для чего — не пойму и сам...
Я бреду — и ничуть не радуется
эта ночь, что светила нам.
И взираю на всё печально я,
и развеять печаль невмочь.
Всё последнее, всё прощальное:
эти звёзды и эта ночь.
Этот снег, голубыми бликами
леденящий тепло очей,
и вот эта дорога длинная,
что меня выводила к ней...
Всё прощальное, всё последнее:
и сибирская эта луна,
и равнина ночная, бледная,
и тайга, что как тьма черна.
И ее поцелуи влажные,
и мои — столько раз подряд,
и последнее рук пожатие,
и последний прощальный взгляд.
Написать ей, наверно, надо бы,
охладев ко вчерашним дням...
А на голову звезды падают...
Отчего — не пойму и сам.

1969

ПРОЩАНИЕ

Г. Свирской

Знаю: нужно сказать «до свидания»,
но никак не хватает голоса...
О как хочется мне на прощание
целовать твои руки, волосы,
эти губы до блеска алые,
эти плечи твои любимые
и вот эти глаза лукавые,
в самом сердце моем хранимые.
В жизни так очень часто водится:
остается любовь одна.
Мы уходим, верней, расходимся,
только здесь ни при чём она.
Может, что-то тебе и вспомнится,
если встретишься с ней в пути.
Ты ее обогрей, бездомную,
а меня за нее прости.
Но на счастье в дорогу дальнюю
ты мне что-нибудь пожелай.
Я уже не скажу «до свидания».
Знаю: лучше сказать «прощай».

*1969,
с. Ястребово,
Красноярский край*

НЕНУЖНАЯ ВСТРЕЧА

Как грустно нам бывшее вспоминать,
хотя бы малость...
Когда вчера ты встретила меня,
то испугалась.
Мы шли навстречу,
взгляд, что как игла,
я выждал смело,
но ты в другую сторону пошла
и побледнела.
Ты, что еще жива в моей душе,
я — третий лишний.
И мы с тобой не виделись уже
три года с лишним.
Но этот страх и этот горький вид —
смешная плата.
Теперь уж ты меня не удивишь
тем, что заплачешь.
Но не хотел, пойми! Я не хотел
твоей улыбки.
Ценой измены выпавший удел —
не жизнь, а пытка.
В глазах моих ты не прочтешь укор,
мне слов не нужно.
Мы не чужие, просто мы с тех пор
друг другу чужды.

1970

БЕСЧУВСТВЕННЫЙ

Я бесчувственный,
бесчувственный,
бесчувственный.
Мне слова твои и взгляды
ни к чему.
Я лишен, конечно, нежности и чуткости
к необузданному чувству твоему.
Да и сердце не обычное,
а каменное
бьется ровно и легко в моей груди.
Я способен,
не заметив взора пламенного,
поздороваться с тобою и пройти.
И совсем не человек,
а лишь подобие,
я — как робот бездушный и пустой...
Впрочем, хватит.
Ты ко мне излишне добрая.
Да вот я, еще узнаешь,
не святой.
Мне нисколечко не жалко
чувств погубленных,
жаль твои — невинные — губить.
Ты не знаешь,
что такое быть разлюбленным,
ты не знаешь,
что такое разлюбить.
Лучше буду я бесчувственным
до крайности,
чтобы с чувственным желанием в борьбе
это сердце не обычное,
а каменное
из груди моей
не вырвалось
к тебе.

1970

НЕУВАЖЕНИЕ

В тот светлый день,
когда я пел от радости,
когда все люди, лица так новы,
мы встретились.
Вы мне сказали: «Здравствуйте.
Ну как живете,
с кем живете вы?
Ах, да... простите,
вы служили в армии...
Ну что ж, с приездом
из сибирских стуж...»
Вы грустно улыгнулись,
сняли варежку.
Рука в руке...
Но вас окликнул муж.
И вы ушли.
Я вслед смотрел вам,
женщина,
судьбы своей
ни капли не кляня.
Вы в первый раз
так праведно, так жертвенно,
так просто уходили от меня.
...Вы были девочкой
отчаянной и ветреной,
я помню вашу чёлку на лету,
когда мы с вами
теплым зимним вечером
гоняли шайбу на дворовом льду.
И каждый день
ходили вместе в школу мы,
и ваш портфель
носил я, словно свой,

и парни мне
сорвать грозили голову,
и рисковал я этой головой.
Я помню всё хорошее,
но, видимо,
боитесь вы
той прежней простоты.
Я не прошу о многом,
лишь обидно мне,
что вот теперь
мы с вами не на «ты».
Но в первый раз,
поймите это, женщина,
как мы в друзьях остаться ни хотим,
друг другу платим мы
неуважением
за то, что «вы» друг другу говорим.

1970

* * *

Плывут, как письма, облака
к тебе во все концы земли,
никем не узнаны пока,
и растворяются вдали.

И я душой к тебе плыву,
не зная, где тебя найти,
как айсберги плывут к теплу,
плывут и тают на пути.

И я в мечтах о том тепле
ищу тебя по всей стране,
ищу тебя на всей земле,
ищу, а ты живешь во мне.

1970

ОСЕННИЙ ЛЕС

В тумане, сером как завеса,
сухие листья мельгешат,
и, покидая сумрак леса,
они за птицами спешат.

Опутал корни сон унылый,
повисла в воздухе печаль,
и сиротливо лес бескрылый
глядит на птиц, летящих вдаль...

1970

* * *

Опять меня ты чем-то сладким потчуеть...
Но вижу я, что нужно мне уйти.
Тебе любви большой и чистой хочется,
и ты не знаешь, в ком ее найти.

Ты ждешь ее, тебе всё больше верится,
что жизнь проходит мимо, стороной.
И вот сегодня мне клянешься в верности,
забыв, что завтра будет здесь другой.

Но по своей ребяческой наивности,
ты не вольна свободной, строгой быть
и, словно в затянувшейся невинности,
ты всем себя готова раздарить.

Сидишь ты большеглазая, красивая
и смотришь так доверчиво, любя...
О как тебя мне жалко, несчастливая,
как больно за красивую тебя!

1970

ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ

Без мужа, без детей, немолодая...
Я к ней зашел в ее сутулый дом.
Она встречала сонная, босая,
зардевшись полным розовым лицом.

Прийти с цветами к женщине — привычно.
И от нее никак не ждал я слёз.
Я не вино принес ей, как обычно,
я ей гвоздики красные принёс.

Она стояла, глаз не поднимая,
как бы застыв от жгучей немоты...
И я молчал, еще не понимая,
что в первый раз дарили ей цветы.

Она лицо в гвоздики опустила,
украдкой шелк поправив на груди,
меня простила или осудила —
сказала просто: «Лучше уходи...»

И виновато, грустно мы простились,
я ей в ответ ни слова не сказал,
но помню я: как будто осветились
ее доселе мутные глаза.

Ей знать не надо этого обмана:
цветы как деньги были — заодно.
И я достал бутылку из кармана,
чтоб вылить в землю красное вино.

1970

В НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Морозный снег скрипит и зеленеет
в застывшем блеске белых фонарей,
и на деревьях спящих стекленеют
узоры лунных северных ночей.

И вдруг из мрака выплывают сани...
Какая радость! Я бросаюсь к ним!..
И слышу женский голос: «Он с усами...
Он мне явился в зеркале таким...»

И дружный смех, и тихая улыбка,
и скрип саней, и снова — тишина.
И вновь один я на дороге зыбкой,
и надо мной — зелёная луна.

Сияет ночь, и снова мчатся сани,
а в них кричат: «Залетные, давай!»
И голос твой во мне не угасает:
«Ты загадай меня и разгадай...»

1971

* * *

Наш первый день...
Но как же это было?
Ах, да, конечно, шел наш первый дождь...
В тот первый день она еще спросила:
с надеждой робкою: «А завтра ты придешь?»

Я приходил, но лишь из интереса.
Я не любил ее и приходил.
Мне от такого нудного замеса
избавиться едва хватило сил.

Что ж, нет ее, и мир как будто замер.
А ночь тиха, темна и холодна.
И на меня бездушными глазами
зелёных окон смотрит тишина...

1971

Я ВИДЕЛ СОН

Я видел сон...
И пусть цветные сны
смешны,
но несмотря на это,
мне памятни
глаза стального цвета
под сводом голубых ресниц.

Я помню блески
в черных волосах
и стан ее
податливый и шаткий...
И белый пух
с ее лохматой шапки,
как снег на крышах,
таял на губах...

Красивый сон...
Как скоро он потух.
Я навсегда
душою в нем остался.
И не могу понять,
откуда взялся
на пиджаке
душистый белый пух...

1971

КИНОТЕАТРЫ

Не думал я,
что в эти дни весенние,
когда весь мир цветением залит,
кинотеатры
станут как спасение
от одиночества, от грусти, от обид.
Я на экран смотрю
и в нервной слабости
всей прежней твердой выдержке
взамен
я чувствую,
что я могу расплакаться,
где плачут над игрой Софи Лорен.
Здесь расщепляют души,
словно атомы,
и здесь бушуют страсти
всех времен...
Киноактеры —
те же гладиаторы,
а я —
их крови жаждущий Нерон.
Одну и ту же киноленту старую
как будто я смотрю
день изо дня...
И сам живу я, точно по сценарию,
придуманному кем-то для меня...

1971

АВГУСТ

Раскаянье и разочарованье,
а не печаль дождей и увяданья
теперь виной угрюмству моему.
Я в комнате твоей как будто лишний,
обрывки чувств, как под ногами листья,
уже для нас обоих ни к чему.

Мы говорим о разном, отвлечённом,
но только не о главном, обречённом
раз навсегда уйти в небытие.
Молчим о прошлом и как будто рады,
что до сих пор еще не слышим правды
и что нам вместе быть лишь без нее.

А правда здесь не в августовских ливнях,
не даже в этих, под ногами, листьях,
в которых есть частица красоты, —
она в твоих бессмысленных обидах,
она в моих желаниях убитых,
в прохладе чувств, лишенных простоты.

Но что же делать в пору увяданья?
Когда уже не ищем оправданья
упрекам и холодности своей.
Когда мы сами призрачно чужие,
когда деревья в парке чуть живые
и шум листвы все тише, все слабей...

1971

* * *

Л. Т.

Я хотел позабыть
наши дни,
не писать, не встречаться,
хлопнув дверью, уйти
навсегда,
ни о чем не скорбя.
И расстались мы вдруг..
(Мне ведь очень хотелось расстаться!)
Что же стало со мной?
Почему не могу без тебя?

Вот я снова один
в этой комнате душной и тесной,
то сижу, то хожу,
половицами нервно скрипя.
Я раздавлен тоской,
я измотан, измучен, истерзан,
как в предсмертном бреду,
я кричу: не могу без тебя!

Все упреки снесу
и холодности я не замечу,
грусть сожгу, изживу,
все насмешки я молча стерплю.
Только дай мне одну
даже пусть невозможную встречу!
Я не знал до сих пор,
что так страшно,
так больно люблю.

1971

В ДОРОГЕ

Поезда мои, поезда,
уносите меня от дома,
будет Родина мне знакома,
поезда мои, поезда.

Тучи серые, стук колес,
неразгаданность ожидания
пробудили во мне признанье
тучи серые, стук колес.

Признаюсь голубым глазам,
размечтавшимся под гитару,
что седины — еще не старость,
признаюсь голубым глазам.

Уезжаю на край земли,
незнакомку зову туда же,
подобревшие пальцы глажу,
уезжая на край земли.

Так заманчивы и новы
наши будущие тревоги
и попутчицы, и дороги
так заманчивы и новы...

1971

ВОСПОМИНАНИЯ

Л. Третьяковой

Ты помнишь теплый дождь,
тот нежный и безмолвный,
загадочный, как сон,
как первое свиданье,
свой белый самолет
и ветреное солнце,
оставленное мне
тобою на прощанье.

Ты помнишь зимний сквер,
торжественно застывший
в предчувствии тепла,
в тревоге ожидания...
И небо облаков,
в последний раз сокрывших
тебя, как и любовь,
ушедшую в преданье.

Ты помнишь ночь огней
томительных и грустных,
как свет в твоих глазах
холодный и печальный...
Я тоже вспомнил всё
теперь, когда так пусто:
ни горестной любви,
ни радости случайной...

1971

* * *

Ночь тяжела обидами.
Горечь — как в сердце нож.
Где ты, моя любимая?
Как ты теперь живешь?

Звёздные тучи по небу —
тени моих потерь.
Помнишь ли ты хоть что-нибудь?
Кто я тебе теперь?

Снова ночами чуткими
в окна твои дышу;
вновь ты не спишь, ты чувствуешь:
я на тебя гляжу.

Катится голос времени.
Видишь, как ночь светла...
Память безликим демоном
в душу твою вошла.

Нет, не ушло в предание
небо добра и зла:
слышишь мое дыхание,
видишь мои глаза...

1971

РЕПОРТАЖ С ГАЗОПРОВОДА «СИЯНИЕ СЕВЕРА»

Горят костры по трассе Яргазстроя,
и ночь до жгучей боли холодна.
Есть в красных искрах что-то дорогое,
когда звезда не светит ни одна.

Но в желтых фарах, как в лучах арены,
зеленый снег прозрачен и суров.
Светясь, молчат застывшие деревья,
как изо льда — в лучах прожекторов.

Моторный рев надрывный и протяжный
не молкнет здесь с утра и до утра,
бульдозеристы, сделав по затяжке,
отогревают пальцы у костра.

Они блаженно тянут крепкий «Север»,
и от мазута руки их черны,
перед костром на пять минут присели,
отвыкшие давно от тишины.

Из темноты выхватывают ярко
заиндевелость напряженных лиц
слепящие огни электросварки,
похожие на всполохи зарниц.

Висит над лесом зарево ночное.
Над ним звезда не светит ни одна...
Недаром, видно, трасса Яргазстроя
так сказочно «Сияньем» названа.

1972

РОМАНТИКИ

Оставили родные города,
навек простились с детством
без возврата
и налегке приехали сюда
отчаянные парни и девчата.
А здесь для них —
ни танцев, ни кино,
кругом — снега,
и вместо общежитий —
вагончики...
Им было все равно.
И так хотелось собственных открытий.
Ну кто из них, наивных,
не мечтал
о шумных стройках первых пятилеток?
Ну кто из них в мечтах не зажигал
свои огни неведомые где-то?
Ну что ж,
мечтали, видимо, не зря.
Но им сказали,
как бы между прочим:
«На целый метр промерзшая земля —
ударный фронт для вас,
разнорабочих».
И «техника» доставлена для них:
лопата, лом...
И — первые мозоли...
Ну где же та романтика из книг?
Ах вы мечты, придуманные в школе!
А холода... Какие холода!
И ветры. Эти северные ветры!
Но говорили парни: «Не беда!»
И соглашались девушки: «Потерпим...»

Они в мороз работали смеясь,
в теплушки шли угрюмо и устало.
Потом, в одном вагончике сойдясь,
тепло и грустно пели под гитару.
Когда свистела вьюга за окном,
когда вагончик вздрагивал, качаясь, —
казалось им, что в поезде ночном
они летят, с мечтою не прощаясь...
Но уносило утро их мечту.
Пылал восход, над сопками алея...
И тяжело врубались в мерзлоту
романтики
двадцатого столетья.

1972

ТАЙГА

Старая знакомая,
приветствую тебя!
Раскованность рисковая,
безудержность моя.

И годы расставания
из юности — к чертям!
Бессмысленны скитания,
в тайгу вхожу, как в храм.

Тайга, одна, раздольная!
Закон ее и суть.
Она стальную волю
смогла в меня вдохнуть.

Здесь сильному и слабому
цена не по уму.
Работа — это главное,
а праздность — ни к чему.

В руках — шальная музыка,
и — сосны пополам!
Твой заработок — мускулы,
когда тайга — к ногам.

Богатство и могущество
моей лесной страны —
ее стволы могучие
и люди, как стволы.

Сильны работой жаркою,
и с нас особый спрос,
и сам я тоже накрепко
в тайгу душою врос.

1972

МУЗЫКА

По тайге разливается музыка,
и мужчины уставшие, грузные
опускаются тихо на снег.
Пилы брошены, мастер не хмурится,
все задумчиво лезут за куревом
и молчат, как один человек.

По тайге разливается музыка,
и такая протяжная, русская,
так, что даже дышать тяжело;
не печальна она и не радостна,
просто души щемяще и сладостно
позабытым теплом обдало.

И сидим мы, работу забывшие,
на снегу просветленно застывшие,
среди елей притихших, седых...
Ах, не все ли равно, что за музыка,
если самое близкое узно
в этих звуках, до боли родных.

1972

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

В сердцах обидными словами
себя исхлестываю я.
Нервно стонет под ногами
дорога снежная моя.
И сердце худшее пророчит...
Иду почти полуживой,
превозмогая тяжесть ночи,
раздавлен холодом и тьмой.
Хочу отчаянье умерить
и сокрушаюсь в пустоту:
«Ведь это глупо — слишком верить
в отзывчивость и доброту...»
В своем сознании угрюмо
я всё стараюсь упростить,
об этой женщине не думать
и ей недоброе простить...
Тащусь и мыслю на пределе
хмельной, дремотной немоты:
«Добраться б только до постели
и рухнуть в пекло темноты...»

2

Сегодня ночью шел я хмурый
дорогой темной и пустой,
не думал я, что будет утро
сверкать морозной белизной.
Что мир наполнится сияньем,
дорога — грохотом машин,
лес — воробьиным щебетаньем
и я — волнением души.

Но в буйстве синего рассвета
всё изменилось так легко,
и снова я дорогой этой
шагаю бодро, широко.
Смотрю улыбочиво, любовно,
для всех прохожих — как чудной,
не вспоминая, в чем виновна
та женщина передо мной...
Слезяще, солнечно, атласно
в нови небесной широты,
и всё живое так прекрасно,
и я — частица красоты!

1972

РАССВЕТ

Ночь уплыла. Я грустен был недолго.
Весенний воздух чист и не согрет.
Я вспоминаю: до сих пор на Волге
не приходилось мне встречать рассвет.
Еще ничто не предвещает чуда.
Еще прохладно в сумраке дерев.
Но слух уже улавливает чутко
среди шума птиц единственный напев.
То соловей взалхлеб встречает солнце!
Оно уже, блестя в листве берез,
играя волжской зыбью полусонной,
слепит глаза до боли и до слез.
Паром скрипучий, нехотя качаясь,
в лучах нежгучих рад бока погреть,
и выцветшие бакены, как чайки,
склонившись набок, сияются взлететь.
В густую синь реки с обрыва глядя,
я мог бы долго над водой стоять,
когда б «Ракета» по зеркальной глади
не пронеслась, кромсая эту гладь.
Разрезанные надвое волною,
кривились баржи, церкви и леса...
Над взорванной внезапно тишиною
раскачивались птичьи голоса.
Но Волга вдаль все звуки уносила
и, величавой плавности полна,
мне силу красоты своей дарила,
той красоты, что в ней отражена.
...Полошет Волга солнечные блики
среди лесов, вдоль зелени полей,
и мы за то зовем ее великой,
что вся Россия отразилась в ней.

1972

ВОТ ПРИЕДУ

Вот приеду я в столицу
к маме в гости из тайги,
стану чиститься и бриться,
поотвыкну от мошки.
Под горячий душ залезу,
смою въевшийся нигрол,
запах сваленного леса,
черноту еловых смол.
Будет стол накрыт искусно —
век такого не едал, —
улыбнется мама грустно:
«Как ты, парень, исхудал...»
Поведу рассказ я стройный
про оленей, про Двину
и не скрою, что на стройке
встретил девушку одну...
...Я, причесан и наглажен,
по Москве пойду, смешон,
и, быть может, кто-то скажет,
на меня взглянув: «Пижон».
Но без гонора, по-свойски
объясню я как-нибудь,
что со стройки комсомольской
я приехал отдохнуть.
Что, конечно, нелегко ведь
здесь ребятам удалым
лес валить, дороги строить,
провода тянуть по ним...

1972

У РЕКИ

Среди ржанных полей
проселочной дорогой
один по вечерам
на Волгу я хожу.
Окончив трудный день,
я устаю немного
и, глядя в даль реки,
на берегу сижу.

Печально у воды
в тени склонились ивы.
Но здесь я не хочу
грустить на склоне дня
и думать, что со мной
судьба несправедлива
и добротой своей
не балует меня.

Нет, на сердце светло!
И радужные плесы
сияют вдалеке,
как зеркала озер.
Цветущие поля
звонят разноголосом,
и жаворонки в них
ведут веселый хор.

И запахи жнивья
так сладостно приятны,
и солнца красный диск
прохладен, как луна,
и что бы ни стряслось —
мне главное понятно:

при всех невзгодах жизнь
прекрасного полна.

Раздевшись на бегу,
бросаюсь с криком в воду.
Насвистывая блюз,
валяюсь на песке.
И долго вслед смотрю
большому пароходу,
скользящему легко
по солнечной реке.

1972

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ветер! Ухабы! Шофер — огонь!
Я в кузове — на чемодане!
Сердце от тряски пошло в разгон!
Но, может, еще дотянем...

Мой путь продолжал, как в прекрасном сне,
пыхтя, пароходик белый,
и Волга вечерняя, вся в огне,
спеша, мне помочь хотела.

Кромсая искрящийся звездный путь,
давал пароходик дыму!
А путь этот был не куда-нибудь —
всё ближе к родному дому.

А после по рельсам во весь опор
летела вагонов свора,
мой скорый, казалось, был очень скор,
но дом был еще не скоро.

...Я шел тяжело сквозь пустую тьму,
меня от езды качало,
а сердце, ну что́ оно, почему
так бешено грохотало?

...Искрилось вино, как в лучах река,
так сладко глаза слипались.
И волны, и рельсы, и облака
качались, качались, качались...

1972

* * *

Холодный воздух, звезды, фонари...
Не отягчусь печальями пустыми.
Душа моя, давай поговорим,
в такую ночь кому с тобой нужны мы?

Кто нужен нам для счастья и любви?
Мы обойдемся в этом мире сами.
Довольно нам грустить на визави
с далекими холодными глазами...

1972

ВСЁ РАВНО

С годами, быть может, взгрустну о том,
как вновь я остался лишним,
как серая ночь стала черным днем
и я стал последним нищим...

Былое, как тени в слепом окне,
в сознании застывает.
Любовь!
Откуда она во мне?!
Убийственная такая.

Не брошусь в петлю, не уйду в вино.
Я лучшего не достоин.
Измена. Раскаянье. Всё равно.
Я как никогда спокоен.

1972

* * *

Словно забывшись во сне бесконечном,
белую, в белом обличье берез,
не представляю тебя в подвенечном
с черною тяжестью траурных роз.

Не прикоснуться, не улыбнуться...
Как это вышло, что ты умерла?
Боже! Вот взять бы сейчас и проснуться...
Южная девушка, кем ты была?

Помнишь, как жарко в лицо мне дышала:
«Коль от меня, от южанки, уйдешь, —
губы кусая, так страстно шептала, —
смертью неведомой скоро умрешь...»

Или когда провожала под утро,
пальцы ломала, крича: «Не бросай!»
Сердце пронзала очей перламутром,
словно молила: не умирай...

...Вдруг обрывается сон на мгновенье:
губы не те и шептанье не то.
Вижу тебя, но в другом облаченье.
Черная девушка, слушай, ты кто?..

1972

БЛАГОДАРИЮ

Л. Т.

Уже я для тебя никто.
Уже другой с тобою рядом.
Благодарю тебя за то,
что ты была моей отрадой.
Уже забытый, может быть,
благодарю тебя безмерно
за то, что будешь вечно жить
в душе моей. Душа бессмертна.

1972

* * *

В любви несправедливой, несправедливой,
душой растерянной богат,
иду неверною дорогой
моих печалей и утрат.

И может, встречу я в награду
за эту тихую печаль
любви последнюю отраду,
как неизбежный мой причал...

1972

* * *

С осенним ветром печаль твоя
в меня вошла нежданно,
сырая горечь ненужных слов
застыла на губах.
Ночное небо глазами звёзд
на нас глядит загадочно.
Как в небе черном, холодный блеск
застыл в твоих глазах.

Былая нежность ушедших лет
уже навек утеряна.
Лишь только жалость погибших чувств
мелькнет в душе на миг..
И с первым снегом уходишь ты
угрюмо и растерянно.
Уходит осень, уходишь ты,
уходит прошлый мир.

1972

ВСТРЕЧИ

Гулять любивший смолоду,
гуляю по стране!
И Ярославль, и Вологда
соскучились по мне.
Мечтал я плыть на сейнере,
взрезая темноту...
Но вот на Крайнем Севере
врубаюсь в мерзлоту.
В вагончиках прокуренных —
осипших глоток хор,
с бородачами хмурыми
ведем мы жаркий спор.
Мне объясняют сдержанно:
«Ведь ты — рабочий класс,
так не скули о нежности,
давай, пиши про нас!»

...Стихи к чертям заброшены.
Обросший, словно бес,
я с мужиками взмокшими
валю сибирский лес.
Народ лютой, безжалостный,
слова у них крепки,
я часто в злобе яростной
сжимаю кулаки.
И всё же, изможденные,
мы делимся махрой,
братва, тайгой прожженная,
смеется: парень свой...

И пусть я мало прожил,
и был я не везде,
но я людей хороших
встречал в любой среде.
...Свистел промозглый Север,
дремал седой Байкал.
От этих встреч, наверно,
я чем-то лучше стал.

1973

АКТИРОВАННЫЙ ДЕНЬ*

В метельной свистопляске,
в неистовый мороз
в теплушке у прорабской
с утра шумел народ:

«Здоровье — не забота!
Всему же есть предел!
Какая тут работа!
Активируй этот день!»

Но бригадир наш Витя —
а он мужик лихой —
сказал нам:

«Как хотите...
А смелые — за мной!»

Молчание — по нервам!
Глаза — негласный суд.
Ну кто же выйдет первым?
А там и все пойдут.

Быть может, вспомнил кто-то,
как много лет назад,
бросая в бой пехоту,
«За мной!» —
кричал комбат...

Еще ждала бригада...
И вдруг один сказал:
«Да что мне — больше надо?
Идите! Я плевал».

---

* А к т и р о в а н н ы й д е н ь — в районах Крайнего Севера день, когда по погодным условиям прекращается работа, составляется акт и зарплата выплачивается полностью.

Взглянул наш Витя хмуро,
на слово прям и прост,
он злобно бросил:
«Шкура!» —
И вышел на мороз.

Позорно думать дольше!
Гурьбой, поднявшись враз,
мы шли в траншее молча,
не поднимая глаз.

Природа стынть ковала,
сковать стараясь труд,
и роба пристывала
к промерзшей стали труб.

Над ними сварщик трясся,
прожжённый до костей...
Вели мы теплотрассу
и примерзали к ней.

...В теплушке пар клубился,
когда молчком почти
продрогший люд толпился
у маленькой печи.

Как будто для острастки
в ней ветер завывал.
А кто-то у прорабской
ворчать не уставал...

1973

ГОЛОС ВРЕМЕНИ

Ветер странствий во мне гуляет,
я как парусник на волнах,
и теперь он меня качает
в новых Набережных Челнах.

Тут покоилась тишь веками
на разливах степной реки,
но однажды качнули Каму
Стеньки Разина челноки!

И пошла по Руси заваруха!
Зашатались в ней города!
Наше буйство и сила духа
зарождались уже тогда.

Этой силой я бредил с детства,
город в юность мою входил,
вот и встретились мы, но в сердце
он давно уж построен был.

Верен внутреннему велению,
и с эпохой идя на «ты»,
как по жизненному течению,
вплыл я в город моей мечты.

Ощущаю себя в грядущем,
в новом грохоте городов.
Голос времени — он созвучен
гулу Набережных Челнов!

1973

ВЫСОТА

Было страшно вначале —
уплывала земля,
и колени дрожали —
не держали меня.
Я храбрился без пользы —
страх не просто изжить,
я еще только ползал —
я учился ходить.

Но работа казалась
круговертью огня
и в горячке азартно
увлекала меня.
Лишь в бригаде резонно
продолжали острить:
«Ты не будь как варёный,
надо, парень, шустрить!»

Стиснув зубы, у края
я впивался в металл
и, по балкам шагая,
о земле забывал.
И отвык я качаться,
и у всех на виду
вдруг опомнился: «Братцы,
я по небу иду!..»
Разом грохнули парни:
«Вот чудила у нас!»
И фонтанами сварки
рассмеялся КамАЗ.

1973

ПОЗДНИЙ ЧАС

С пальцев кожу сдирая,
после смены опять
я весь вечер стираю.
Мне привычно стирать.

Мой беспечный приятель
что-то сонно мычит,
он лежит на кровати,
на гитаре бренчит.

...На ресницах — дремота.
Просто хочется спать.
Завтра снова работа.
Утром рано вставать.

Молча слушают стены,
как гитара не спит.
Да лишь мыльная пена
на руках шелестит.

1973

УСТАЮ

...Устаю, КамАЗ, устаю.
Не подумай, что я скулю.
Ведь проходишь ты сквозь меня
всею тяжестью каждого дня.

И поэтому устаю.
Утром руки не узнаю.
Как мозоли в ладонь,
врался
в мои мускулы твой металл.

Ты сильнее меня, КамАЗ,
только громких ненужных фраз,
как парадности, не терплю.
Просто я, КамАЗ, устаю.

В темноте я бреду домой,
отосплюсь и опять — как в бой.
Ты прости эту слабость мою,
устаю, КамАЗ, устаю.

1973

ПРО НАС ЕЩЕ НАПИШУТ

Поэзия стальная
трапеций и кубов!
Дымит, гудит, сверкая!
И мне не до стихов.

Красивости — пустое.
К чертям покой и сон!
В три смены нет покоя,
когда идет бетон.

КамАЗ — такое дело!
О, молодость, вложи
в его стальное тело
огонь живой души.

А лица жаром пышут.
И в мыслях — ни строки.
Про нас еще напишут
хорошие стихи!

1973

* * *

Напряжена душевная струна.
Ты подойдешь, обычная на вид,
промолвишь слово только — и она,
как тонкий лучик, вздрогнет, зазвучит.
И вновь уйдешь. Но память красоты
меня к той встрече станет возвращать.
Так блеск давно погаснувшей звезды
нам долго будет в душу проникать...

1973

НА СВАДЬБЕ

Ругает мать меня: «Напился...»
Ворча, посудую гремит.
Я отвечаю: «Друг женился».
«И слава богу», — говорит.

Давно ль в своем непостоянстве
Твердил я: «Ладно, потерплю...»
В окно врывался ветер странствий,
девчонка плакала: «Люблю...»

Меня по Северу мотало.
Я строил планы: вот вернусь...
«Прости меня», — она писала,
и лучший друг писал: «Женюсь».

Сжигались чьи-то обещанья,
гремели в сердце поезда,
мне свадьба виделась прощаньем
и с ним, и с нею навсегда.

Моя, до родинки чужая,
она смотрела на него,
желал я счастья ей, теряя
надежду счастья своего.

Я пил и морщился украдкой,
и сам себя не узнавал,
плясал я «русского» вприсядку,
хоть прежде вовсе не плясал.

Плясал, в азарт входя все пуше.
Вопил расхристанно баян.

А за столом все гуше, гуше
ее окутывал туман.

Туман казался дымкой фальши,
девчонкой — скорая жена.
Но тут заметил я: всё дальше
друг удалялся от меня.

И сразу вспомнилась дорога,
скользящий свет, таёжный дым...
И я подумал: женщин много,
а друг — он, может быть, один.

И всё. И фальши нет нисколько.
Обиды стали ни к чему.
И, тяжело поднявшись, «Горько!» —
я сквозь туман кричал ему.

Взлетели вновь бокалы разом,
круша отчаянье мое,
и я увидел друга рядом,
ну а за ним уже — ее.

И как тут высказать, что́ горше?
И всё ли выскажешь в словах?..
В его глазах нашел я больше,
чем потерял в ее глазах.

1973

* * *

Мне суждено в порыве дерзком
легко пристанища менять,
а ей — с отчаянностью детской
искать и находить меня.
А мне по тундре на оленях
лететь к якутским пастухам,
в глухом почтовом отделенье
услышать вновь: «Ну как ты там?»
И где-то в северных пределах
дрожать от стужи вихревой,
но вдруг почувствовать всем телом:
она со мной, она со мной...
Потом в случайном просветленьи
с тайгой расстаться без труда,
упасть лицом в ее колени
и не уехать никуда.

1973

В ЕЛАБУГЕ НА КЛАДБИЩЕ

Вот мы и встретились, Марина,
здесь, у раздвоенной сосны,
на русском кладбище старинном
в глуши татарской стороны.

Крестов желтеющие лица
скорбят, повернутые вспять...
Здесь так легко остановиться
и так непросто устоять.

Всё долгим временем покрыто,
всё тайну горькую хранит:
и глыба красного гранита,
и цепь, сковавшая гранит.

Темна могильная завеса,
ее не смею ворошить,
ведь даже книга из железа
не в силах тайну разрешить.

Стою один. Смотрю печально.
Ты не меня сюда звала.
Моя дорога не случайно ль
конец твоей пересекла?..

И как ни больно расставаться,
еще мы свидимся вдали,
тогда смогу я отозваться
на голос твой из-под земли...

1973

* * *

А за окнами первый снег
пригибает к земле цветы...
Никого со мной рядом нет.
Небеса и поля — пусты.

А за окнами красный лист,
в белой пене огонь осин...
Что же взгляд мой печально-мглист
в день забытых моих крестин?

Молча в окна смотрю окрест,
опустело совсем село,
за селом моим темный лес,
а на улице так светло.

Не прошел еще листопад,
а за окнами первый снег.
Гостю всякому был бы рад,
выпить было бы нам не грех.

Всё недавнее замело.
Лишь остался огонь осин.
Так пустынно и так светло
в день забытых моих крестин.

1973

НАДРЫВ

Люблю красавицу пригубить,
стремленье выпить притая,
меня когда-нибудь погубит
шальная влюбчивость моя.

В кафе, в театре, в электричке
блеснет, как солнечная нить,
лицо! — и в сердце вспыхнет спичка,
терплю и должен потушить.

И вновь лицо! Взойдет и гордо
плывет с толпой куда-то прочь.
Огонь и крик, зажатый в горле,
опять я силюсь превозмочь.

Ну что ж, я буйство это скрою,
себя ни в чем я не предам...
Но обливаясь жаркой кровью,
душа рыдает по ночам.

Скольжу, как пьяный над обрывом,
и вдруг срываюсь вниз, в порок.
Живу мгновеньем, вспышкой, взрывом
и после — гибну, одиноком.

Прости мне, сердце, я безумен.
Надрыв души — всё это блажь.
Рассудок мой еще не умер,
но жизнь моя — уже мираж.

1973

* * *

Л. Ч.

...Я ждал какой-то необычности,
когда явился к ней домой,
но, не надеясь на отзывчивость,
она сказала: «Будь со мной».
От беззащитности? От страха ли
за счастье хрупкое свое?
А под столом смешно барахтались
два смуглых зернышка ее.
...Я приношу им что-то сладкое,
они так преданно глядят,
с моих колен «Будь нашим папкою» —
с надеждой робкой говорят.
А мама горько улыбается
от безответности в любви
и слезы удержать старается:
«Живи как хочешь, но живи...»
Еще придется мне раскаяться
в том, что мы страстью сведены,
что скоро чувство расплескается,
что мы случайно влюблены.
И все равно в минуты грустные,
как муж заблудший, в этот дом
иду, заранее предчувствуя,
что ожидает нас потом...

1973

* * *

Нет, я не был рожден жестоким,
на людей не копил я злость.
В поражениях бывший стойким,
верил я в трудовую кость.
Без возвышенного притворства
мнил, что в жизни больших высот
я достигну своим упорством,
пусть лишь чуточку повезет.
Но недаром судьба — индейка:
то погладит, а то согнет.
А удача — срамная девка:
кто хитрее, к тому и льнет...

1973

ЛОПАТА

Мерзлый грунт ворошит экскаватор
и крушит, напрягаясь слегка.
А лопата моя — да, лопата! —
потихоньку прошла сквозь века.
Не согнулась от старческой боли,
на земле поработав сполна.
И своей не завидуя доле,
может многое вспомнить она.
Как для нас в поколениях стойко
утверждала значенье свое.
Никакая великая стройка
не могла обойтись без нее.
Согревала в любые морозы
и меня укрепляла в труде.
Если где-то бессилён бульдозер,
то лопата всеильна везде.
Мы не скоро расстанемся с нею...
Но в грядущем машинном раю
всё ж поставят лопату в музее —
чёрный хлеб мой и горечь мою.

1974

ЧУЖИЕ ДВЕРИ

Убегаю от своих дверей,
не сумевший быть любимым дома.
Там, где я слабее и добрей,
отчужденье чаще мне знакомо.

Много раз, уставший от дорог,
после всех своих нелепых странствий
возвращался на родной порог
я, далекий всё ж от постоянства.

Но услышать вскоре довелось:
«По тебе скучает край туманный...»
Оказалось: я здесь только гость,
да к тому ж еще и нежеланный.

Я обиду смог перебороть,
промолчав тревожно и угрюмо.
То, что я — отрезанный ломоть,
я об этом как-то не подумал.

За стеклом кабины — чернота!
В пустоту, в бездомье — на попутной!
Впереди, за ночью — ни черта!
Много ль нужно в доле бесприютной?..

Убегаю, долго обречён
никому и ничему не верить,
неотвязной думой удручён:
для меня весь мир — чужие двери.

1974

* * *

Осточертела суэта...
Куда ни кинусь — лишний.
Увы, горька моя мечта.
И свет ее — не ближний.

В громадном городе — один
(мне это так знакомо!),
себе унылый господин
без друга и без дома.

Зачем удачу подгонять?
Когда я буду старым,
тогда, глядишь, смогу понять,
что всё стерпел не даром.

Тогда, мол, выльется окрест
вся суть моей печали:
как я тащил свой смертный крест
и мне не помогали.

Но сердцу внятен высший глас
над каторжником века:
«Пусть не когда-то, а сейчас
узнают человека».

1974

* * *

Не жди меня. Я не вернусь.
Ну что жалеть о том?
Мне трудно будет. Ну и пусть.
Я не приду в твой дом.

Нам стало холодно вдвоем,
а на дворе весна...
Приду я в свой пустынный дом,
присяду у окна.

Склонюсь усталой головой
на краешек стола...
Я всё сжигаю за собой,
когда любовь прошла.

Тебя тоска не обойдет.
Меня не будет, нет.
И плечи хрупкие сожмет
вечерний желтый свет.

Глотая слёзы, упадешь
в надорванную тишь.
Я знаю, ты меня поймешь,
поймешь, но не простишь.

Всё повторится. И опять,
былой уют храня,
другого будешь верно ждать,
как ждешь сейчас меня.

Но вот: пока еще ничья.
Как ветка без ствола.
Спасибо, милая моя,
за то, что ты была.

1974

* * *

Проститься с прошлым невозможно.
Что значит прошлое для нас?
В холодной памяти тревожно
оно живет за часом час.
Нам часто хочется покоя,
мы от судьбы своей бежим,
и настоящее, живое
уже становится былым.
Как хочется порой забыться,
всё худшее предать золе...
Но всё, что было, сохранится,
пока мы живы на земле.

1974

* * *

...Ты и она. Неверно и несмело
когда-то я просил ее души,
как твоего прошу сейчас я тела,
но обе вы сказали: не спеши.
Я не спешу, просить — смешное дело.
Ты смотришь так, как будто я твой бог.
А я, скорее, твой безумный демон,
хочу тебя запрягать в свой чертог.
Хочу, чтоб мы друг другом насладились.
К чему иначе мне твоя краса?
Но как в груди моей соединились
твоя походка и ее глаза?..

1974

ХОЛОДНЫЙ ДОЖДЬ

На тротуарах фонари —
как опрокинутые свечи,
и блеск расплывчатых витрин
чуть золотит промокший вечер.
Уже и холодно и поздно,
тепло лишь там, в чужом окне.
Так неуютно и беззвёздно
вокруг меня, как и во мне.
Сегодня лягу спать едва ли,
но крышу где-нибудь найду,
иду оттуда, где не ждали,
не ждут и там, куда иду.
Всё недвижимо, лишь нервозен
в порывах ветер, друг-плачун,
да капли чёрные, как слёзы,
стекают тихо по плащу.
И вот уже, глаза смыкая,
дома огнями не манят.
Но где-то есть душа живая,
которой плохо без меня...

1974

НОЧЬЮ

В домике моем тишь,
на стене дрожит тень,
возится в углумышь,
и спугнуть ее лень.

В доме никого нет.
А в груди моей грусть.
Не хочу включать свет,
а свеча горит пусть.

За окном луны срез,
Млечного Пути мост.
В городе кругом блеск,
я не видел там звёзд.

Маятник стучит в такт
сердцу моему... Что ж,
долго просижу так,
чувствуя теней дрожь.

Шорох по углам сник.
Черная в окне гладь.
Встречу петуха крик,
а потом пойду спать.

1974

* * *

Не пойму, что случилось.
Ты грустишь иль смеешься?
Ты вчера лишь божилась,
что вернешься, вернешься!

Слово клятвы не прочно.
И опять я тоскую.
На зачеркнутых строчках
милый профиль рисую.

Вот и снова мне грустно.
И опять — одиноко.
В доме пасмурно, тускло,
словно в доме без окон.

Голо, горестно, душно.
Только — голос незримый.
И на смятой подушке —
светлый волос любимой...

1975

* * *

Вход со двора. В полуподвале,
где свет чуть теплился в окне,
меня, конечно же, не ждали,
но всё же были рады мне.
Здесь в полумраке на кровати
сидела девушка... Она
сидела тихо в черном платье,
печальна и напряжена.
Здесь так наивно-неуместен
был мой наигранный поклон.
И вдруг: «Присядь. Побудем вместе.
Я из деревни. С похорон».
И я притих под кротким взглядом,
молчать готовый хоть всю ночь.
И что помочь ей очень надо,
я понимал. Но чем помочь?
И так безмолвно мы сидели...
А за окном, вовсю крича,
гремел транзистор, люди пели,
трамваи мчались, грохоча!
Платок на лоб ей полз упрямо,
она дышала горячо
и всё шептала: «Мама, мама...»,
уткнув лицо в мое плечо...

1975

НОВАЯ СТРОКА

Дороги длинные, крутые,
с какими я теперь в родстве,
петляли долго по России —
и вот сошлись они в Москве.
На них месил я грязь и глину,
на стройках я бетон месил,
мешки с мукой, взвалив на спину,
я с барж на пристани носил.
В любой, мне выпавшей, работе
я был азартен
и всегда —
я пел. Но на высокой ноте
срывался голос иногда.
А по ночам, презрев подушку,
еще смешон в своей среде,
уже изматывал я душу
над новым словом о труде.
Как блоки стен, скреплял я строки.
Дома росли, стихи росли...
Куда б ни шли мои дороги,
они меня в Москву вели!
Отбросив лоск и позолоту,
подобна свету маяка,
Москва в поэзию, в работу
вошла, как новая строка.

1975

ОЖИДАНИЕ

Тоска, отчаянье, надежда...
Февраль. Ненастье. Гололед.
Ты не торопишься, конечно,
ты знаешь: любит — подождет.

С тобой мне дорого свиданье.
Ты не спеши, я не уйду.
Я счастлив даже тем сознанием,
что нынче снова встречи жду...

И ожиданье — не рассердит.
Теперь я всё могу простить.
Что делать мне с нелепым сердцем?
Оно не может не любить.

1975

* * *

Милая моя девочка,
добротой ко мне смилуйся.
Что же ты со мной делаешь,
девочка моя милая!..

Первой не придешь — гордая,
сильная моя, смелая,
горе ты мое горькое,
что же ты со мной сделала!..

Знающим тебя ведомо,
будто кровь твоя стылая.
Не поверю я этому,
девочка моя милая.

Черным ты зовешь белое,
ангел превращен в демона.
Из тебя, дай срок, сделаю
то, что ты со мной сделала...

1975

* * *

Забыв вчерашнюю вражду
и что надежды — ложь,
тебя на месте прежнем жду
и знаю — не придешь.
Стою, рассудку вопреки,
насмешкам вопреки,
коснуться б только мне руки,
одной твоей руки!
Ничем тебя не омрачить,
оставить боль себе...
Меня ты хочешь проучить,
чтоб цену знал тебе.
Но я, стерпя характер твой,
дождусь такого дня,
когда с надеждой и тоской
ждать будешь ты меня.

1975

РАСПЛАТА

Л. Н.

Настал сей миг — и мы теперь чужие.
Я вновь стерплю, не плача, не виня...
И эта боль, как многие другие,
рассеется на сердце у меня.

Ты, уходя, не прятала улыбки,
но голос мой тебе навечно дан,
твоя душа страшней не сыщет пытки,
когда придет расплата за обман.

Твоя веселость в слёзы обратится
и будет жутко, пусто и темно,
когда немая память, словно птица,
прошелестит крылом в твое окно.

Однажды ночью глухо скрипнут двери,
сон до утра отнимут и покой...
Во тьме блеснут глаза... Ты мне не веришь?
Закрой глаза — они перед тобой...

1975

ЕДИНСТВО

Отцовское чувство безмолвно
и этим весомо вдвойне.
Смотрю на рожденного, словно
он бился под сердцем во мне.

Отцу быть мужчиной непросто:
слезинку тревоги сотри,
надёжно храни и бесслёзно
минутную слабость
внутри.

Внутри —
и восторг, и печали.
Не ведать печали грешно.
Два сердца тоскующих ждали
мгновенья, чтоб слиться в одно —

в живое, как праздник, единство,
в серьезное наше житье.
...Из боли ее материнства
исходит отцовство мое.

Утихнет любая обида:
любимому сладко простить,
лишь только была б не убита
в ней высшая слабость — любить.

Тянулись мы к этой неволе,
скрывая упреки свои,
и стали вчерашние боли
сегодня опорой семьи.

Но словно в «Мадонне сикстинской»,
по-прежнему тайну хранят
загадочный взгляд материнский,
младенца всезнающий взгляд...

1975

* * *

Опять качаюсь в электричке
в пустом вагоне в час ночной
и вновь угрюмо, по привычке
веду беседу сам с собой.
Я говорю себе: ну что же,
ты пьян, дружище, и — смешон.
Ну посмотри, ты стал похожим
на этот загнанный вагон...

Куда-то мчится электричка.
Ее ни в чем я не корю.
Я выйду в тамбур, чиркну спичкой,
к стеклу прижавшись, закурю.
Куда спешу я в этом мраке?
Не лучше ль попросту уснуть?
И жить спокойно, а не в страхе
за этот зыбкий, шаткий путь,
который кажется обманом...
Конец я вижу наперед:
мой машинист напьется пьяным
иль просто стрелка подведет...

1975

ПУСТАЯ КОМНАТА

Моя пустая комната,
мой сумрачный покой,
железная кровать,
простые занавески...
Как часто в поздний час
наедине с собой
я вздрагиваю вдруг,
услышав голос женский.
Неведомый, чужой
за тонкою стеной...

Моя пустая комната
застыла без тепла,
она всегда грустна
в своей немой обиде...
Хочу я в этот миг,
чтоб женщина вошла,
о, как мои глаза
хотят ее увидеть!

Она войдет и вдруг
прошепчет, посмотрев
на этот жалкий вид:
«Да как же я решилась?..»
И пусть она уйдет,
глаза мои согрев,
и улыбнется мне:
«Простите, я ошиблась...»

1975

* * *

Как грустно мне, когда луна
к окну пристынет ненароком,
когда у темного окна
стою в молчанье одиноком.

Когда уснувшие дома
передо мной — как изваянья.
В ночи, где властвует зима,
ни улиц нет, ни их названья.

Ко мне дороги замело...
Зиме печаль мою прощаю.
Я сквозь морозное стекло
ее дыханье ощущаю.

Зима, опять из-за стекла
на твой покой смотрю с тоскою,
хотя бы ты ко мне вошла,
окно я с радостью открою.

Пальто с гвоздя я не сниму,
пускай с тобой заледенею,
мне в этих стенах одному,
поверь, гораздо холоднее...

1976

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Планет безжизненных семья
летит, в ночи сияя.
Под нашим солнцем ты, Земля,
единственно живая.
И вот в тревоге каждый век
глядишь на свод лазурный.
Под этим солнцем человек —
единственно разумный.
Он всемогущ, он вопреки
своей природе
может
одним движением руки
природу уничтожить.
Тогда сам Бог не защитит
своей Земли нетленной;
и шум лесов и пенье птиц
замолкнут во Вселенной.
Чей разум станет воскрешать
наш мир во мраке мертвом?
Тебе, разумному, решать:
быть богом или чертом.
Твоя Земля живет скорбя.
Умерь ее страданье.
С мольбой, с надеждой
на тебя
взирает мирозданье.

1976

* * *

Сплошные стены пустоты...
Столица, ты ли это?!
Лишь блеск лощеной красоты.
Вот только сердца нету.

Стихов никчемный чемодан...
Себе любви не прочишь.
В галдящий брошен океан —
и выплывай как хочешь.

И здесь, в душевной пустоте,
где боль жила от веку, —
сплошная грусть по доброте,
тоска по человеку.

И здесь придется мне стареть,
себя губить без толку,
жить средь волков и умереть,
как загнанному волку.

1976

БЕССОННИЦА

Душа больная
просится
расправить крылья,
броситься
в ночную бездну
звёздного
зовущего
окна.
А ей бы спать,
не маяться,
в том, что прошло,
не каяться,
да только ночь
бессонная
опять,
как жизнь,
длинна...

1976

ВРЕМЕННЫЕ

Я в Москве непреднамеренно
не себе принадлежу.
Со своей пропиской временной,
как по ниточке, хожу.

Балансирую старательно,
чуть не плача на ходу,
и следят за мной внимательно
те, кто ждут, что упаду.

Упаду — и местным опером,
как в пример строжайших мер,
буду выслан скандибобером
за сто первый километр.

И держусь я, странно веруя,
в то, что в этакой «дали»
от Москвы верста сто первая —
есть рубеж чужой земли.

А чего пугаться вроде бы? —
Просто два часа езды...
Да вот стройки те, что пройдены,
как-то ближе той версты.

Ну сорвусь! Ну буду высланным!
Сколько радости во зле!
Все мы временно прописаны
на единственной Земле.

1976

* * *

...Официантка, душу пожалей,
не грабь мои последние монеты,
разбавь вина, а хочешь — не долей,
но не проси с меня еще за это.
Мой тяжкий труд неужто не в цене?
ведь я плачу рубли не дармовые.
Мои дома стоят по всей стране,
я не просил за них на чаевые.
О, как швейцар двугривенный берет!
Его глаза сиянье отливают.
Он предо мной на цыпочки встает,
когда меня по-барски одевает.
Старик, уймись, хоть ради седины
в твоих густых висячих бакенбардах,
ты должен помнить цену той войны,
хоть не хранит звезду твоя кокарда...

1976

БЕТОН И МУЗА

Я вновь от пневмотряски взмок,
я целый день срубаю сваи,
я врос в отбойный молоток,
я сваи целый день срубаю.
Компрессор выключив на миг,
очки защитные срываю,
с тяжелых черных рук своих
я пыль бетонную сдуваю.
И мне послышатся опять
природы истинные звуки,
и ветер станет обдувать
соляжкой пахнущие руки.
Потом опять, в азарт войдя,
крутой бетон срубаю стойко.
Но, в общежитие придя,
валюсь, подрубленный, на койку.

И муза верная моя
опять склонится к изголовью,
коснется уст моих, но я
вновь не отвечу ей любовью.
Она скучает, грустно ей,
она бесплодно сны листает
и в тесной комнате моей
всю ночь невидимо витает.
Ни в этот день, ни в эту ночь
я не услышу вновь ни строчки,
но не уходит муза прочь,
ко мне прикованная прочно.
Зовет и дышит мне в уста,
она не может знать покоя.
А я устал. Устал. Устал.
Я лишь к утру глаза открою.

1976

* * *

Жизнь моя — бедная мачеха.
Что ж мы друг друга мучили?
Рос я доверчивым мальчиком,
думал — живу для лучшего.

Верил в людей отзывчивых.
Глупый, на что надеялся?
Добрый я был, улыбчивым.
Хмурым и злым я сделался.

Сколько ненужного, ложного
мною у жизни куплено...
Сколько в меня заложено,
сколько во мне загублено!..

1976

* * *

Солгать в глаза — не стоит ни гроша.
Скользить мы начинаем слишком рано
по правде, как по лезвию ножа,
над пропастью сладчайшего обмана.

Она и он. Предатели. Враги.
Не выйти из предательского круга.
Их тянут камни — вечные долги,
пока не смогут обмануть друг друга.

Так что ж ты плачешь,
фальшью слёз дразня,
когда в одном дыхании мы слиты?..
Я обманул другую,
ты — меня.

Так вот:
с долгами кончено.
Мы квиты.

1976

ПЕРВЫЙ ВЫХОД

...И вот я вышел.
Зал еще не стих.
С усмешкой он впился в меня, прозорлив.
Я маленьким казался в этот миг,
я снизу вверх смотрел.
Колючий стих
в комок свернулся в пересошем горле.
Я тихо начал.
Нервный и чужой
раздался голос,
твердости лишённый.
Зал,
тяжело нависший надо мной,
прислушался,
примолк, насторожённый.
Я был готов для схватки.
В первый раз.
Я знал, что зал не будет добродушен.
Я должен был пред залом напоказ
всю свою душу вывернуть наружу.
Но лишь презренье зал в меня бросал.
И, задыхаясь,
точно от погони,
я оступался, падал и вставал,
держа пред залом сердце на ладони...

...Зал был повержен мной.
Зал не дышал.
Над ним едва держался я у края.
Измученный,
качался, но стоял,
остаток сил последних сохраняя.

Когда стирал я
колкий пот со лба,
я видел зала жалкое подобье —
внизу бессильно
горбилась толпа
и немо вверх взирала
исподлобья.

1976

ТАЙНА

Когда всем сладко спится,
лечу я в небесах
на лунной колеснице
и белых лошадях.
Я пролетаю низко,
крылами тьмы сокрыт,
и звёзды, словно искры,
летят из-под копыт.
Сверкают, рассыпаясь
под окнами домов,
но люди, просыпаясь,
не видят их следов.
И я кричу: «Всмотритесь!
(Глаза у всех пусты.)
О люди, не споткнитесь
о слабый след звезды!»
...Уже светло и поздно.
Не слышно слов моих.
Идут они по звёздам,
не замечая их...

1976

* * *

Сквозь разрывы текущего времени
вижу вечности розовый луч,
словно проблески неба осеннего
сквозь разрывы немилостных туч.

Время движется, тучи сгущаются,
не щадя на земле никого,
так вот к небу душа приближается,
в неразрывную вечность его.

1976

* * *

Как в винограде зёрнышко,
в груди моей — печаль.
Я горечь пью из горлышка,
и мне себя не жаль.

Зерно, лозу родящее,
дарит меня вином.
Печаль, в стихах бродящая,
порадует потом...

1976

* * *

Я шагаю устало
от Москвы на восток...

Что-то птица сказала —
я расслышать не смог.

Сколько хватит мне силы,
столько буду шагать.

Голос неба России
я хочу разгадать.

Всюду прежние лица,
всюду голос родной.

Но о чём эта птица
говорила со мной?..

1976

СОН

Прошел наш сон. Как рано он угас.
Как будто он и не касался нас.
Проплыл, как будто рядом, стороной,
лишь зимний холод был ему виной.

Нас усыпило сладкое вино.
На краткий миг согрело нас оно.
В безмолвном жутком холоде зимы
какой-то миг, но всё ж любили мы.

Один, прекрасный миг небытия.
Но ты шепнуть успела: я твоя...
И губ моих привычною рукой
коснулась — и была уже другой.

Уже была чужда и холодна.
Очнулся я в ознобе ото сна.
Во рту горчит. Ну что ж, я пил вино.
Пройдет ли эта горечь — всё равно.

30 декабря 1976

МОЯ ЛЮБОВЬ

По ней одной всю жизнь тоскую,
среди женщин всех ее одну
не обниму, не поцелую,
не оттолкну, не обману.

Меня укор ее минует,
весь этот бред пустых обид...
Она к другим не приревнует,
в неправоте не обвинит.

Лишь ей плачу я откровеньем,
она, единственно слаба,
ко мне руки прикосновеньем
легко смахнет печаль со лба.

Когда, случилось, был я нежен,
со мной была в тот час она,
но если в чем-то был я грешен,
здесь не ее — моя вина.

Ко мне волшебный дух нисходит,
всю ночь в окне звезда горит,
когда она меня находит,
когда со мной заговорит...

Как будто вечности сиянье
сойдет в ночной голубизне,
как будто голос мирозданья
судьбу нашептывает мне.

Пусть я умчусь в любую область,
но приплывет издалека

прекрасный, чистый, женский образ,
моя любовь, моя тоска.

Я ей до святости послушен,
хоть стынет горечь на устах...
Когда она глядит мне в душу,
я вижу боль в ее глазах.

Я за нее на этом свете,
уже наученный добру,
всем существом своим в ответе,
она умрет —
и я умру.

1977

ЦВЕТОК ЗВЕЗДЫ

В лесной тиши, в глухом затоне
речной воды
я взял в холодные ладони
цветок звезды.
Вонзился в руку, словно жало,
ее огонь,
звезда, шипя, в затон упала —
прожгла ладонь.
Тогда, склонясь над зыбкой глубиью
ночной воды,
ладони свел я и пригубил
глоток звезды...
И мне с тех пор во тьме кромешной
светло всегда,
в моей душе, земной и грешной,
горит звезда!

1977

ПЕЧАЛЬ

У фонтана,
поднявшись над липами,
скорбный взгляд
опустив на гранит,
сняв цилиндр,
и в раздумье молитвенном
опечаленный Пушкин
стоит.
На бегу
замечают прохожие
в мельтешенье
дневной суеты,
что к ногам его
кем-то положены
бесконечно живые
цветы.
Но в тоске
одиоко-отчаянной,
словно праздному свету
в укор,
до сих пор он стоит
опечаленный...
Что-то мучит его
до сих пор...

1977

* * *

Я ждал земной любви. Но, видно, было надо,
чтоб радостный огонь угас в моей груди.
Печальный свет души — лишь он мне как награда
за веру в ту любовь, что будет впереди.

Для каждого из нас наступит миг прозренья.
Не будет перед ним уже ничьей вины...
Я в тот последний миг без капли сожаленья
на самого себя взгляну со стороны.

И вновь забуду всё. И снова встречу вечность.
Но, тайну бытия не в силах разрешить,
за то, что нам дано вернуться в бесконечность,
стерпя любую боль, на свете стоит жить...

1977

* * *

Человек, останься сам собою,
не гаси в душе огонь святой,
чтоб однажды крошечной звездой
мог и ты возникнуть над землей.

Живы мы — и звёзды не померкнут,
в чьи-то лица вечностью дыша,
и во мгле останутся бессмертны
память наша, разум и душа.

1977

* * *

Мне почудилось в дрожи волос,
что сегодняшней ночью бессонной
вдохновение отозвалось
на далекую вспышку на солнце.
Может, звёзды с орбиты сошли,
разлетаясь в иные пределы, —
я услышал, как в чреве Земли
что-то вздрогнуло и загудело.
Я метался в бетонных стенах.
Как хотелось мне, как мне хотелось
обрести неземную бестелость,
раствориться в космических снах!
Но покинуть себя самого
мне мешала неясная сила,
будто тяжестью неба всего
мои плечи к земле придавило.
И пронзил меня глас: «Не спеши.
Окрылённость приходит не сразу.
Не дано состоянью души
обогнать человеческий разум.
Став безликой частицей небес,
ты прольёшься блуждающим светом,
и, свидетель вселенских чудес,
ты не раз пожалеешь об этом...»

1978

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

На безмолвных дорогах Вселенной —
только отблески млечных костров,
огоньки отдаленных селений,
свет каких-то неясных миров.
Всю земную обитель обшарив,
в окруженье унылых картин
на холодном заснеженном шаре
я совсем оказался один.
Заплутавшую, близкую душу
хоть бы раз я увидел во мгле,
пролетая на шаре воздушном —
на большой и безлюдной Земле.
Чужеродной пылинкой, наверно,
был я кем-то во тьме обронен,
или, может, космическим ветром
я случайно сюда занесен.
Шар земной, отчего же остыл он?
Что напомнит о прежнем тепле?
Не пойму, почему так пустынно
на продутой ветрами Земле?..

1978

* * *

Я читаю по линиям рук,
по глазам — всё, что было, читаю,
вашу жизнь, как единственный друг,
за страницей страницу листаю.

Не захочет никто отвергать
эту легкую шалость провидца,
ваши лица не могут солгать,
я ничуть не боюсь ошибиться.

Канут годы, и этот секрет
я возьму даже в землю сырую...
Пусть безликие боги примет
мне всегда свою милость даруют.

Открывайте ладони смелей,
коль грядущее знать любопытно,
я готов на любую попытку
прикоснуться к природе людей...

1978

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Как от лопнувшей почки зеленой
могут вздрогнуть небесные своды,
так однажды в груди раскаленной
пробуждается голос природы.

И теперь вот в натянутых нервах
ощущая подземные токи,
я поверил, что в каменных недрах
отзываются звёздные вздохи.

На сибирских и лунных равнинах
стынет взгляд одного созерцанья...
И, быть может, в глазах муравьиных
отражается полмирозданья.

Мы морщинку за старость не примем,
все предчувствия просто отбросим,
забывая, что в малом, незримом
есть ответ на большие вопросы.

Звёзды слезы на землю роняют...
Мы в сомнениях долго пребудем...
И, пожалуй, лишь атомы знают —
что до срока неведомо людям.

1978

ОСЕНЬ

О, больная прекрасная осень!
Ты умрешь под снегами полей.
И береза последняя сбросит
черный лист с оголенных ветвей.

Ты проводишь последнюю стаю,
и душа твоя, будто во сне,
в неразгаданный мир отлетая,
прикоснется чуть слышно ко мне.

И торжественно ветры завоюют,
оглушая простор вихревой.
Я склонюсь над пожухлой травой,
с обнаженной склонюсь головой.

Над землей убелённо-остылой
будут черные птицы кружить.
Я наполнюсь губительной силой,
чтоб еще одну зиму прожить.

Но напомним весенняя проседь
в прошлогодней траве на лугах,
как однажды прекрасная осень
умерла у меня на руках.

1978

ГЛАЗА

Людской враждою ослеплённый,
застыл во мраке шар земной.
И вот природы иступлённой
глаза возникли предо мной.
Я закрывал лицо руками
от глаз ее, как от огня.
Но воспалёнными зрачками
она глядела на меня.
О, слишком поздно я услышал
и слишком поздно разглядел
тот свет, в меня проникший свыше,
тот зов, что с уст ее слетел.
Зрачки в меня глядят с укором,
я вижу: в них дрожит слеза,
когда, как перед вышним взором,
стою пред ней: глаза — в глаза.

1978

КРЫЛЬЯ

Смуглый ангел поманит рукой...
Так захочется птицею стать!
О, с какою безумной тоской
человеку мечталось летать!

Серебристые крылья креста
сколько душ над землей пронесли!
Всех людей золотая мечта —
оторваться от бренной земли.

Нам завещан немеркнувший дар:
мы обязаны будем суметь,
как с цветка, сладкий выпив нектар,
в даль манящую вновь улететь...

1978

С ТОЙ ПОРЫ

По жестокой планете
мог я долго шагать...
Помню: жил я на свете, —
как смешно вспоминать!

Был я гордым и глупым.
А прошедшее — бред.
И шагал я по трупам
мною растоптанных лет.

Мне удачи хотелось...
Я всё шел наугад.
И нашел в себе смелость
оглянуться назад.

И увидел я лица,
что когда-то любил,
ветер их, словно листья,
в пыльном вихре крутил.

В этой чертовой пляске,
в горах каждого дня
уж не лица, а маски
окружали меня...

Потому-то, наверно,
из расслабленных рук
полудетское сердце
льдинкой выпало вдруг.

Всё в глазах помутилось,
боль очнулась в груди,
и звезда засветилась
с той поры впереди...

1978

ПТИЦЫ

То ли осень спешила проститься,
то ли взгляд мой в изломе больном, —
золотая тревожная птица
за моим промелькнула окном.

И не видно. А что-то ведь было!
Как уныло застыл окоём...
Это сонная птица накрыла
всю окраину серым крылом.

Если что-то и было — всё мнимо.
Я не помню ни лет и ни дат.
Только вижу: всё мимо и мимо
разноцветные птицы летят...

1978

ТЕНЬ

Я спал. Над землею висела луна.
Она освещала мой сон.
И сумрак надежным хранителем сна
стоял, надо мною склонен.

Но чья-то большая и странная тень
скользила по голой стене,
чуть видная в лунности тающих стен,
она приближалась ко мне.

Мне снился двойник мой с угрюмым челом,
неведомой скорбью томим,
и юная женщина с бледным лицом
стояла, как тень, перед ним.

Спросил он: «Ты кто?» И, лицо наклоня,
смахнув его кудри со лба,
сказала она: «Не узнал ты меня...
К тебе приходила Судьба...»

И утренний свет одинокой звезды
нарушил тревожный мой сон,
как будто предчувствие близкой беды,
как чей-то оборванный стон!

Открыл я глаза, и сияющий день
ознобом прошел по спине:
я видел — большая и странная тень
застыла на голой стене...

1978

* * *

Чужая боль не стала сердцу ближе,
слеза моей ладони не прожгла...
...Я был недавно женщиной унижен
тем, что она другого предпочла.
Уж я не знаю, что у них случилось,
но вся в своей раскаянной вине,
на доброту надеясь, как на милость,
она вернулась боязно ко мне.
Я наших душ мятущихся не сблизил,
я тем же ей угрюмо отплатил:
вот так же эту женщину унизил,
когда на все четыре отпустил.
Увы, не всякий в силах возвратиться.
Я, сожалея, вспомню, может быть,
что мне хватило духу расплатиться
и не достало гордости простить.

1978

КТО-ТО НОЧЬЮ ПО КОМНАТЕ ХОДИТ

При плохой и хорошей погоде,
даже если соседи не спят,
кто-то ночью по комнате ходит,
половицы скрипят и скрипят.

Ах, и сам он чего-то боится,
что-то доброе теплится в нем,
на кровать мою тихо садится
и вздыхает о чем-то своем.

Он под утро уходит из дома,
сны мои уводя за собой.
Говорят — это сказочник-дрёма,
а еще говорят — домовой.

Но привык сознавать я, что рядом
дух неведомый мирно живет.
Вот пришел он — и, значит, порядок.
Всё нормально у нас, жизнь идет.

Я его не спугну, не расстрою
наших душ непростое родство.
Я, наверное, даже расстроюсь,
если вдруг не услышу его...

1978

* * *

Как говорится, наша песня спета.
Но до конца не смяв свою тоску,
я не приставлю дуло пистолета
ни к своему, ни к вашему виску.

Куда-то мчитесь вы неосторожно,
от сердца к сердцу весело скользя...
Любить сильнее, чем я, вполне возможно,
но *так*, как я любил, любить нельзя.

1978

* * *

...Не погубить себя во зле,
и не убить, и не украсть,
пройти свободно по земле —
и чтоб ни разу не упасть.

Чтоб, не споткнувшись, пронести
такое чудо, как любовь,
когда на всём твоём пути
цветы и кровь, цветы и кровь...

1978

* * *

За тридцать мне. Пора остепениться.
Пора смириться с прозой бытия...
Но всё большее и всё чаще снится
потерянная молодость моя.

Широкий луг, болотистая местность,
деревня, тропка, речка, а за ней,
там, где бурьян заполонил окрестность,
всё вижу я стреноженных коней.

Зачем — не знал я — ноги им связали?
Не мог я долго этого понять.
Хотелось мне в задымленные дали
на тех конях по родине скакать.

Был полон я ребячьего стремленья
узнать, что́ там, за гранью ближних сел...
Меня не раз вводили в заблужденье,
чтоб далеко от дома не ушел.

Но я сбежал, как с привязи сорвался.
И по земле без усталости ходил.
По городам и стройкам я метался,
но лучших мест нигде не находил.

И не нашел. Теперь уже едва ли
какой простор в дорогу позовет...
И все ж отрадно, что не удержали,
когда меня влекло за поворот.

О, как надолго с детских лет запомнил
я тех коней и ту за речкой даль...
За тридцать мне. Я что-то в жизни понял.
И времени прошедшего не жаль.

1978

* * *

Если б знать мне: зачем я рождён?
Словно взгляд — мирозданье нависло...
Для какого всеобщего смысла
я к земному кресту пригвождён?
Словно тридцать безрадостных лет,
годы горько прокатятся мимо.
Ну а что же прибавится миру
с тем, что я посетил этот свет?

1978

* * *

Мальчишка, ты бросишь свой обруч гонять,
лишишься ты и сна и покоя,
когда вдруг однажды захочешь понять:
любовь — это что же такое?
Спроси ты у ветра в зеленой листве,
у яблони в розовом цвете,
спроси у росы на холодной траве,
а больше никто не ответит.

Ты детские игры забросил давно.
А годы проносятся мимо...
Когда ж это чудо свершиться должно,
что станешь ты тоже любимым?
Спроси у рябины, спроси у воды,
что в речке блестит на рассвете,
спроси ты у первой вечерней звезды,
а больше никто не ответит...

1978

* * *

Как долго падала звезда!
И не сгорала, не сгорала!
Что даже черная вода
ее паденье отражала.
Как ослепительная нить,
прошила тьму воспоминаний
и словно тысячу желаний
мне обещала совершить.
Я думал: это тень беды,
мой смертный взлет — ее паденье...
Но путь судьбы, как путь звезды,
мне вдруг открылся на мгновенье.
В разрезе мрака вновь возник
знакомый лик — сожженный идол.
Чего не знал — я всё увидел,
о чём не думал — то постиг.
Погасла черная вода.
Но долго ночь еще светилась...
Скользила по небу звезда,
как по лицу слеза катилась...

1978

* * *

Подступит к горлу тишина —
и я немею, я немею,
всю горечь прошлую до дна
я пью и медленно пьянею.
В душе — печаль, в глазах — туман,
в окне мелькают чьи-то тени —
тягучий, тягостный дурман
несет с собой поток видений.
Немое, странное кино,
в нём дни прошедшие роятся,
где всё так глупо и смешно,
а мне не хочется смеяться.
Я грустно голову клоню,
в тумане слабо различая
пережитую жизнь мою,
а жизнь такая молодая!
Хочу зажмуриться и лечь,
но вот в окне уже светает,
ко мне опять приходит речь,
и всё, что было, пропадает...

1978

* * *

Прочна печаль, застывшая в глазах.
Душа горюет, нет покоя в ней.
В моих густых и темных волосах
белеет иней осени моей.
Когда я вижу в травах и цветах
вокруг себя долины и холмы —
так странно ждать, что скоро на губах
застынет снег нагрянувшей зимы...

1978

* * *

Была любовь, как сон случайна,
не обмануть ей сердца впредь,
ведь полюбить — проникнуть в тайну,
а разлюбить — что умереть.

Любовь любых чудес превыше,
она тогда лишь глубока,
когда, познав ее, услышишь,
как сердце бьется у цветка...

1978

* * *

Солнце — мыльный пузырь,
что в пучине мирской,
волшебства своего не утратив,
выдувается кем-то из пены морской,
чтобы лопнуть опять на закате.

Всё живое привыкло по солнцу вставать,
с ним нести свое тяжкое бремя.
Ну а вдруг не захочет его выдувать
этот некто в урочное время?..

1978

РОССИЙСКИЕ ЛЕСА

По всей России — буйные леса.
Они стоят, как вечные владыки
своей земли, их темные глаза
манят меня спокойствием великим.

В любой дали видны они всегда,
не пропадая в сумрачном тумане,
поселки в них, деревни, города —
как острова в зеленом океане.

Родных деревьев корни глубоки
в стране моей, что это все вместила...
Да, есть заводы, домны, рудники!
Но лес российский — это ли не сила?!

И нам дано ту силу сохранить,
вдыхая дух живой стволов могучих.
Как никогда России не сломить —
не вырубить ее лесов певучих.

Как часто в мире из-под хмурых век
на эту ширь недобрый взгляд косили!
Но русский лес и русский человек
неразделимы в образе России.

1979

ХОЛОД

Ранним утром на грани рассвета,
сновидений прервав череду,
я проснулся от яркого света —
за окном зажигали звезду.

В лунном камне забытой сережки
отражалась тревожно она...
На подушке — засохшие крошки
и багровые капли вина.

Словно чувствуя пагубность риска
задержаться в нашествии дня,
ночь уходит легко, как метиска,
что под утро ушла от меня.

Вижу небо, но взгляд мой расколот,
помню губы, а дальше — провал.
Вот и всё, что осталось, да холод
этой комнаты стены сковал.

Как не хочется думать о стуже!
Хоть бы время текло поскорей!
В окна ветер сквозит. Почему же
я не рядом с любимой моей?..

1979

ПРИРОДА

Кто в силах душу осветить?
И чья в нас разума частица?
Нельзя природу победить
так, чтобы ей не покориться.

Лежит в ладонях у нее
Земля, единственно живая.
Хранит она дитя свое,
дыханьем легким согревая.

Прекрасен он, познания нрав,
но разве наше в том призванье,
чтоб, силу высшую впитав,
отяжелить ее дыханье?

Двадцатый век — дерзаний век.
Печаль души еще острее...
Природа — тот же человек,
но только чище и добрее.

1979

* * *

Как это было? — понять не могу.
Шел я по темным следам на снегу.

Глубже и глубже я в снег утопал.
Кто проходил здесь? А может, пропал?

Вдруг оглянулся, как будто на зов, —
не было больше за мною следов.

Там, за спиною моею была
черная вьюга и снежная мгла...

1979

В НОЧНОМ ЛЕСУ

Когда река уходит спать,
укрывшись сумрачным туманом,
лесные призраки опять
хотят привлечь меня обманом.
Ветвями-крыльями вразлет
деревья тянутся друг к другу,
и вдруг одно из них — пойдет,
качаясь, медленно по кругу.
И все тогда — зашелестят,
заговорят, заломят кроны,
пойти по кругу захотят
и закачаются до стона...
А рядом свет мелькнет из пней,
и неосознанно помнится,
что в нем блеснут глаза зверей
или чертей смешные лица...
Я знаю их веселый нрав,
всегда беззлобны шутки эти,
толкнут, потянут за рукав
и засмеются, словно дети.
Лесные призраки, они
меня ничем не испугают.
Они в лесу весь день одни
грустят, а люди их ругают...

1979

* * *

Красавица, признайся, ты откуда?
Зачем среди этой нервной суеты,
похожа на видение, на чудо,
моим глазам, скажи, предстала ты?

Благодарю волшебную природу
за высший дар творенья своего.
Я на тебя смотрю, как на Джоконду,
и мне не надо больше ничего.

1979

* * *

Я что-то в жизни делаю не так.
И отчего всё это — сам не знаю.
Где нужно проще быть — я усложняю,
где надо быть хитрее — там простак.

Что всем понятно — для меня секрет,
но в тайны мира вникнуть порываюсь,
идет удача в руки — я скрываюсь,
ищу я то, чего на свете нет.

Другие скажут попросту: чужак,
живи как все, и в этом есть отрада.
Ах, если б знать заранее: как надо?
Но кто на целом свете знает: как?..

1979

* * *

Огонь моей несбыточной мечты...
Он будет полыхать перед глазами,
пока во мгле под вечными снегами
мои совсем не скроются следы.

Чего мне ждать от жизни и судьбы?
Каких еще нелепых обновлений?
Ведь после всех признаний и прозрений
остались люди, в сущности, слепы.

Но есть мечта в стремлениях иных,
которых лет ненастье не остудит.
Она всегда несбыточной пребудет
в пределах снов и помыслов земных.

Внутри себя бездонность рассмотри
и не страшись пространства, ради Бога,
когда приснится дальняя дорога,
где будут звезды, словно фонари.

И пусть утрата сладкой суеты
подступит к горлу горько и щемяще,
пойми, мой друг, всё в мире преходяще,
но есть огонь несбыточной мечты!

И — не страдать, не плакать, не жалеть,
а просто — в нем без боли раствориться,
чтобы опять из пепла возродиться,
и в том огне опять дотла сгореть!..

1979

ПОТЕРЯННАЯ МЕЛОДИЯ

Я потерял мелодию одну.
Еще вчера она во мне звучала
и так легко на чувство отвечала,
лишь трогал я минорную струну.

Она всю ночь была со мной во сне,
мы над землей летели с ней на пару...
А вот наутро пробую гитару —
она не возвращается ко мне.

Уже беззвучно в воздухе летя,
кружась, плутая за моей спиной,
мелодия, потерянная мною,
наверно, в страхе плачет, как дитя.

Теперь моя мелодия ничья,
опять хранит молчание до срока.
О, как же ей, должно быть, одиноко
там, без меня, в глуши небытия...

1979

СКОРОСТЬ

...А время гонит лошадей.

А.С. Пушкин

День на земле такой короткий,
но никому печали нет,
что укорачиваем сроки
и без того недолгих лет.
С утра себя бросая в стремя
стальных грохочущих коней,
мы гоним время, гоним время,
чтоб день закончить поскорей.
Спешим без радости, без толку
и даже сетуем на то,
что время длится слишком долго.
Кто дорожит им? Да никто.
Куда важней нам наша прихоть,
мы Землю гоним на износ,
ее раскручивая лихо
могучей тягою колес.
Но в гуще уличного шума,
в потоке бешеных машин
нам даже некогда подумать,
спросить себя: куда спешим?

1979

БЛИЗОСТЬ ОСЕНИ

Опять желтеют листья на деревьях.
Как жалко расставаться мне с теплом!
Еще на лето стали мы старше,
еще грустнее стану я потом.

Иссохший лист, умчавшийся куда-то,
невозвратим — лови иль не лови,
и эта зелень, пахнувшая мятой,
в последний раз мне шепчет о любви.

Холодный взгляд разлучницы-природы
почуяв, сникли клены и дубы.
Так с древа жизни отлетают годы
под ветром неминуемой судьбы...

1979

ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда под вечер на моем пути
меня объемлет грустная природа,
я чувствую, что радостное что-то
со мною вдруг должно произойти.

Еще устало листья шевелит
остывший август сонною рукою...
Мне нипочем не справиться с тоскою!
И все ж уйти рассудок не велит.

Поникший лес, натруженно дыша,
своих померкших глаз не открывает.
И здесь из летней спячки оживает,
разбуженная вдруг, моя душа...

1979

ЗОВ

Насытится ль когда-нибудь душа,
наступит ли предел моим желаньям
и, охладев к неведомым скитаньям,
смогу ли жить легко и не спеша?

Пусть даже, все преграды сокруша,
я поднимусь, быть может, над собою,
от счастья своего глаза закрою...
Иди за мною — скажет мне душа.

В тот миг, когда в безумной вышине
я разгляжу — что ведомо немногим,
все звезды неба лягут мне под ноги,
все голоса понятны станут мне...

И я в себя проникну, замерев.
Не в силах буду высказаться даже.
Она ж, на всё спокойно посмотрев,
вновь позовет меня куда-то дальше...

1979

ВСЯ ЖИЗНЬ

Да, все стихи писал я о себе.
Не потому, что занят был собою,
но потому, что с каждой строкою
я приближался к родственной судьбе.

И не любовь к стремлениям благим,
а жизнь сама рукой моей водила,
ведь если что со мной происходило —
произойдет и с кем-нибудь другим.

И не грешно подумать мне о том,
что хоть один, да вспомнит эти строки,
что вдруг какой-то юноша далекий
пойдет по жизни этим же путем.

Для одного — так что ж! — для одного,
кто только этой веры не уронит,
вся жизнь моя в стихах, как на ладони.
Вся жизнь моя, и больше ничего.

1979

* * *

В свои сомненья погружён,
мой друг, ловлю тебя на слове,
а ну скажи: что значит сон?
Ведь сны к чему-то нас готовят..
Ты отвечаешь: «Это бред,
и всё мое умрет со мною».
Тогда скажи: что значит свет,
так странно названный душою?
И чей высокий разум смог
в людском сознание отразиться?
Нет, не спрошу я: есть ли Бог?
Но чье подобье наши лица?

1979

* * *

Всё береза в окно мне стучала,
ветер ухал и бился в стекло,
это вновь, как всегда, означало,
что холодное время пришло.

Беспрерывно тяжелые капли
барабанили в раму с утра,
а цветы на балконе озябли
и решили, что сдаться пора.

В этот вечер уже не случилось
ни звонков, ни подруг, ни друзей,
только осень стучалась, просилась
обвенчаться со мной поскорей.

1979

* * *

Ушла береза со двора —
несносно стало.
Не оттого, что детвора
кору сдирала,
не оттого, что среди людей
друзей лишили.
Ей грустно было, что на ней
белье сушили.

1979

ПОЭТ И МИР

Когда Вселенная — театр,
то в нем поэт — актер и зритель,
герой, преступник, искупитель,
собою распятый стократ.

Пред ним история летит
в безумной смене декораций.
Поэт, как дух и совесть наций,
на сцене времени стоит.

Над ним свет вечности навис,
пред ним блестит природы взгляд,
из-за мерцающих кулис
миры застывшие глядят.

Ни огнеликий Ангел света
ему обмана не простит,
ни Тот, Всевидящий, что где-то
за ходом действия следит...

1979

* * *

Давно с деревьев
листья облетели,
и лишь один
трепещет на ветру,
как будто флаг,
не сдавшийся метели,
ему в грязи лежать
не по нутру.
Суровый край мой,
ветренный и снежный,
о, сколько ж надо —
бедствуй, но держись! —
иметь в себе
негаснущей надежды,
чтоб так держаться
намертво
за жизнь!

1979

НОЧЬ

Она шептала мне о вечном,
я пил любовь с ее лица,
блуждали мы по тропам Млечным,
которым не было конца.
Она глаза мне прикрывала
ладонью мягкой, словно пух,
и начинала вновь сначала
шептаньем мой лелеять слух:
«Я темнотой тебя укурю,
усни, доверься только мне,
мы повенчаемся с тобою
в воздушном храме, при луне.
Мы повенчаемся с тобою,
а мир — не думай про него,
никто тебе не даст покоя,
ты не полюбишь никого...»
Летели мы во тьме кромешной,
казался мир чужим уже,
и было тихо и безгрешно,
и так спокойно на душе...

1979

* * *

На опустевшей тёмной улице
тревожно, как в ночном лесу.
Иду, от тяжести ссутулившись,
и камень на сердце несу.
Мои следы на снежной простыне
темны, как души подлецов.
Словами ложными исхлёстанный,
бреду, а ветер бьет в лицо.
Ему, ему-то что за выгода
кого-то со свету изведать?..
Пусть я ни в чем не вижу выхода,
но всё же выход где-то есть.
На остановке заметенной
окоченевший, чуть живой,
и отчужденный, и потерянный,
сажусь в автобус ледяной.
А в том автобусе от выхлопа
несносно газами разит
и так убийственно «Нет выхода» —
над дверью вывеска гласит.

1980

БЫЛО

В чёрном небе (когда это было!
Сколько долгих и сонных веков!)
плыло облако, облако плыло
в окруженье других облаков.
А под ними в дыму поднебесном,
разливаясь Бог знает куда,
было море пустынным и пресным,
и не море еще — а вода.
Нужно было к чему-то прибиться,
вышло облако с первой зарёй
и на море спокойно, как птица,
опустилось и стало землёй...

1980

ОБЪЯТИЕ

Навсегда мы обнимем друг друга,
всех глазеющих к черту пошлем,
и любая житейская вьюга
нипочем, если только вдвоем
мы друг к другу прижмемся теснее;
я покрепче тебя обниму,
в этом мире гораздо важнее
не остаться в толпе одному.
Полетят в нас камни-проклятья,
ты глаза, дорогая, закрой.
И чем кончится наше объятие —
не узнает никто под луной.

1980

ЦВЕТЫ

Цветы горят на солнечной поляне,
какой огонь у каждого цветка!
Стоишь среди них в немыслимом дурмане —
и кажется, что жизнь твоя легка.

Горят цветы, и мнится, что на свете
не может быть ни горя, ни вражды.
Что нужно им? Лишь солнца на рассвете,
тепла земли и дождевой воды.

Земля не зря украшена цветами...
Смотри на них, любуйся и не рви.
Они глядят горящими глазами
и молят нас о жизни и любви.

Одной судьбой, одним теплом согреты,
одним стремленьем к свету налиты...
Когда над миром властвуют ракеты,
совсем иначе смотришь на цветы.

1980

* * *

Похоронную играют
возле дома моего.
В доме люди умирают,
я не знаю никого.

Похоронную играют,
тяжело по нервам бьют,
гулким боем собирают
из домов соседних люд.

Громко плакальщицы воют,
их нельзя остановить.
Неужели надо мною
так же кто-то будет выть?

Я окно приоткрываю,
как над пропастью стою.
Мнится мне, что отпевают
душу грешную мою...

1980

* * *

Я никого так долго не лелеял,
свое желанье выплеснув до дна...
И для себя напрасный слух рассеял
о том, что ты безмерно холодна.
Да, тайну эту я познал воочью:
ты тот цветок, таящий благодать,
который распускается лишь ночью,
а утром закрывается опять...

1980

В ХРАМЕ

Войдя, растерянно стоишь
и только шляпу мнешь в руках.
Но ничего не утаишь
от лиц печальных на стенах.

Стоишь, в распятие вперясь,
под взором неба сжался весь!
Твоей беспутной жизни грязь
со дна души всплывает здесь.

Тебя пронзают каждый раз
глаза, глаза со всех сторон.
Насквозь просматривают нас
они, глядящие с икон.

1980

ИНВАЛИД

И взор являл живую муку...

М.Ю. Лермонтов

Толкал безногий инвалид
свою тележку по вагонам,
он был всклокочен и небрит,
он звал нас «братьями» со стоном.

На грязном ватнике его
прожжённые зияли дыры.
Знать не желая ничего,
смотрели в окна пассажиры.

Он песню пел про ямщика,
про степь глухую под снегами
и только морщился слегка,
толкаясь красными руками.

Он песню пел про дальний путь,
косил глазами налитыми,
хрипел «подайте что-нибудь»
он между песнями своими.

Еще он жизнью дорожил,
и полыхал во взгляде пламень...
Он этой муки тяжкий камень
навек в душу мне вложил...

1980

* * *

Так выходит: когда провожаем
в путь последний друзей и родных,
незаметно и мы умираем
с каждой смертью людей дорогих.

Пусть закрыты их темные вежды,
не забудут они никого.
И уносят частицу надежды,
словно долю тебя самого.

Но однажды в порыве безгласном
над усопшим склонишься, скорбя,
и в лице успокоенно-ясном
ты внезапно увидишь себя...

1980

* * *

Тая обиды про запас,
бывает, связи рвем с друзьями,
но жизнь всегда сближает нас
с людьми, которых стоим сами.
Мы лжи боимся, как чумы.
Но для других честны всегда ли?
Когда-то, может быть, и мы
чужих надежд не оправдали.
Во зле никто не обвинит,
но ожидания напрасны,
что случай вдруг соединит
с людьми, которые прекрасны.
Мы перед совестью своей
за всё ль останемся спокойны?
А жизнь приблизит к нам друзей,
которых будем мы достойны.

1980

* * *

Не плачь, моё сердце, не надо.
Теперь уж не всё ли равно?!
Последняя в жизни услада:
рубаху рвануть и — на дно.

Пусть лучшего мы не достойны,
покуда мы живы, стучи.
Я всё принимаю спокойно,
и ты, моё сердце, молчи.

1980

ВЛИЯНИЕ ЛЕРМОНТОВА

Мне скучно жить и грустно умирать.
Одна надежда есть под небесами:
навек уснуть с открытыми глазами,
чтоб лишь на небо дальше взирать.

Мне поздно русло жизни изменять.
Я не таю печального секрета,
что где-то есть остывшая планета,
которой так же скучно без меня.

Уж лучше грудью к облаку прильнуть,
чем выносить безумие земное.
Здесь не найти свободы и покоя
и здесь нельзя забыться и заснуть.

Душа угасла в чувственной золе,
уже не молит сердце о защите...
И вы меня, не надо, не ищите
на этой мной покинутой земле.

1980

* * *

Россия прекрасна в страдании —
ей высшую милость яви.
Но если поверить в предания —
Россия прекрасна в любви.
Ах, если поверить Писанию —
терпение свято иметь.
Россия прекрасна в молчании,
в умении долго терпеть.
Но если хоть кто-то отважится
сорвать с нее грустный покров —
молчанье страданьем окажется,
терпением будет любовь.

1980

* * *

Что ж ты, лето, быстро постарело,
как шальная молодость моя?..
Просвистела юность, улетела,
словно лето, в жаркие края.

За спиной — два раза по шестнадцать.
Синева растаяла в глазах.
Я отстал и мне уж не угнаться
за зеленой птицей в небесах.

Всё труднее листьям удержаться
на ветру, ведь листья отцвели.
И всё чаще должен я снижаться
с высоты веселой до земли...

1980

АНГЕЛ

Железная птица — огонь и металл,
по небу ночному я в ней пролетал.
Мотор надрывался, и воздух свистел,
я видел, как ангел навстречу летел.
Тот ангел-хранитель был бронзовокрыл.
Откуда он взялся, куда он спешил?
Кого он услышал в полуночной мгле
на этой опальной и грешной земле?..

1980

РОМАНС

Еще струна натянута до боли...

А. Передреев

Гитара, ты одна меня спасаешь,
ввергая дух в обманчивый покой,
когда уже не чувствуешь, не знаешь,
не видишь связи с миром никакой.

Сидишь, один аккорд перебирая,
и пальцы вдруг нечаянно замрут,
и чья-то жизнь безумно молодая
взойдет в глазах на несколько минут.

И снова вздрогнут струны на мгновенье,
усталый взгляд слезою ослепя,
всплывет в душе, как песня, как виденье,
все, что прошло когда-то сквозь тебя.

Ведь был же ты веселым и любимым
и сам до жгучей нежности любил,
была звезда в пути неодолимом
и миг, в котором ты счастливым был.

И зазвучит под струнами тугими
такая грусть в бездонной тишине,
что ощутишь ты пальцами своими
живую боль в натянутой струне...

1980

РУКОПОЖАТИЕ

Судьба как хочет мною вертит,
неверной женщине под стать.
Рукопожатие со смертью
пришлось мне все же испытать.
Был только шаг один меж нами,
и, тайну вечную храня,
она бездонными глазами
в упор смотрела на меня.
И что-то было в ней такое,
что привлекало и звало,
уже блаженной пеленою
мои глаза заволокло.
Последний шаг — такая малость!
Кто удержал меня в тот час?
Но жизнь сильнее оказалась,
сильнее всех на этот раз...

1980

В НОВУЮ ЖИЗНЬ

Я на толкучке отхватил
авангардистскую картину
и общежитие сменил
на коммунальную квартиру.
Не раз приснится мне потом
облезших стен сырая скука,
какой ни есть, а все же дом,
единственный и теплый угол.
Что ж, общежитие, прощай!
Тебя покинуть мне отрадно.
Других желающих встречай,
я не вернусь уже обратно.
Пусть эта комната пуста,
но я картину «для резону»,
где не понятно ни черта,
повешу в угол, как икону.
Еще любовь моя легка,
еще утрат в душе не густо,
еще мне радостно пока
и очень скоро будет грустно...

1980

* * *

Еще немного — и придет
предел душевного разлада,
когда всё лишнее гнетет,
когда ненужного — не надо,
когда желание писать
высокой мудрости достойно...
Коль будет нечего сказать,
то и душа твоя спокойна.
Коль вырвать слово из нее,
прервав молчанье золотое, —
чтоб только главное, твое,
чтоб только самое святое.

1980

* * *

Мы тонем в глазах друг у друга
и пальцы разжать не хотим,
нас гонит житейская выюга,
и мы, как снежинки, летим.

Любимая, это не вечно —
в глаза, словно в небо, глядеть.
Хотел бы и сам я беспечно
над миром лететь и лететь.

Но сказка недолго продлится,
недолго нас ветру нести...
И нам суждено приземлиться.
Что делать, родная, прости.

1980

КАК НАС УЧИЛИ

Уходят люди, умирая,
а там, за смертью, пустота,
там нет ни ада и ни рая,
как нас учили — ни черта.
Пусть Вселенная безмерна,
и все ж теория — груба:
душа, внушали, не бессмертна,
не предначертана судьба.
И Бог для нас не много значит,
Его, точнее, нет совсем.
И мир несется наудачу,
не управляемый никем...

1980

ЛИЦА

Лишь закрою глаза —
всё какие-то лица.
Лишь открою глаза —
и со мной никого...
Что оставить себе?
От чего откреститься?
Как уйти и куда
от себя самого?

Что же значат теперь
эти странные лица?
Неужели они,
как волна за волной,
так и будут мелькать,
так и будут кружиться —
лишь закрою глаза —
над моей головой?..

1980

ГОЛОС

— Ты не случайный гость на этом свете:
ты эту Землю сердцем отогрей,
рассей враждебный мрак тысячелетий —
вокруг себя увидишь ты людей.
Тебя манит других миров мерцанье,
но даже там не сыщешь никого.
Ты — голос мой, ты — вечное дыханье,
ты — разума частица моего.
Не погуби единственной попытки
всему, что есть, осмысленность придать.
Через твои страдания и ошибки
саму себя пытаюсь я познать.
Ты обретешь всесилье и блаженство
с моей холодной волей наравне,
и, сквозь свое пройдя несовершенство,
ты, человек, приблизишься ко мне.

1980

* * *

Сосны, сосны красные...
Белый мох-ковер...
Сумерки безгласные.
На траве — костер.

И еще — несмелая
бледная луна.
Тени оголтелые...
Кто там? Тишина.

И сквозь шорох лиственный,
робостью объят, —
чей-то долгий, пристальный,
невозможный взгляд...

1980

КОМЕТА

Когда средь сонма звезд
размеренно и стройно...
Аполлон Григорьев

Глубокой ночи покрывало
прожгла комета и ушла.
В каких мирах она блуждала?
Какую даль себе нашла?

Ее полет, полет бесшумный
сквозь призму судеб и зеркал,
быть может, чей-то взгляд разумный
в иных пределах созерцал.

И я без грусти провожаю
тот свет, что тайною слепит,
и кто-то вновь во тьме без края
его спокойно проследит.

И долгий след в груди оставит,
как озаренье, как привет...
Пройдут века, ее прославит
другой неведомый поэт.

Кометы путь и свет манящий,
поэт, не ты ль один постиг?
Сквозь день и ночь строкой летящей
из мира в мир, из мига в миг...

1980

КОГДА ОСТАНЕШЬСЯ ОДИН

Когда останешься один
среди людей, а не в квартире,
когда ты станешь в целом мире
и раб себе, и господин.
Когда никто в печальный час
на голос твой не отзовется,
и тот однажды отвернется,
кому ты нужен был не раз.
Смирив душевную борьбу,
когда ты сам в себе замкнешься
и, стиснув зубы, поклянешься
прижать к стене свою судьбу.
Когда отбросишь без труда
всё, что тебе осточертело, —
тогда и только лишь тогда,
ты смело примешься за дело.

1981

ПОЕЗД

Сквозь века мой поезд мчится;
различаю, как в бреду:
белый свет в окно сочится...
Я не знаю, где сойду.

Неутешно, беспокойно
я на белый свет гляжу,
за окном мелькают войны,
сколько было — не скажу.

Дым пожарищ, дым всё выше
льется в небо через край,
и сквозь грохот ясно слышу
лишь одно: «Не убивай!»

Что я видел? — Кровь да слезы
и во всей дали кресты,
почерневшие березы
и цветы, цветы, цветы.

Кто живет здесь? Что за люди?
Меж крестов костры горят...
И кричу я: — Вы откуда?!
— Мы не знаем, — говорят.

Мчится смертная дорога,
и конца как будто нет.
А проехал я немного,
только тридцать с лишним лет.

Кто диспетчер этих рейсов,
чтоб крушенье отвести?
Поезд где-то сходит с рельсов,
мне с него уж не сойти...

1981

* * *

Пред жалким их покоем
не надо, друг, не трусь,
когда хмельным запоем
пьешь собственную грусть.

Ко всем чертям собачьим
ты их пошли, мой друг,
мы в мире больше значим,
чемдохлый их досуг.

Стихи для них — зевота,
на нас им наплевать,
у них одна забота:
нажраться и поспать.

Стоят дебильным строем
за свой уют. И пусть,
что ты хмельным запоем
пьешь собственную грусть.

1981

* * *

Я песня —
ты не слушаешь ее.

Я ветер —
но волос твоих не трону.

Ищу тебя, летаю над землей
и лишь дерев раскачиваю крону.

Я солнце —
ты не чувствуешь тепла.

Звезда —
которой ты не бросишь взгляда.
Когда ты спишь, то ночь твоя светла,
и в жаркий день спешит к тебе прохлада.

Я вся любовь —
не ищешь ты любви.

Родник —
ты не прильнешь к нему губами.
Чем стать еще? Ты только назови,
но не смотри холодными глазами.

1981

ЗАГАДКА

...Его часы еще ходили,
а он от них уже отстал.
И жить хотел. Его любили.
О том, что умер, он не знал.

Протяжно музыка звучала,
никто не прятал грустных глаз.
Что смерть? Конец или начало?
Загадка вечная для нас.

Душа уйдет во тьму — поверьте.
Но безмятежный, тихий сон,
что был за миг до этой смерти,
быть может, не прервался он?

1981

КОКТЕБЕЛЬ

Море, лунная дорога,
слабый плеск волны,
и так хочется потрогать
в море блеск луны.

Спит, спокойствием объята,
Черная гора,
самоцветами богата
и, как мир, стара.

А в ущельях ветер воеет,
звуков ночь полна,
вековые камни моет
черная волна.

Здесь когда-то, в смутном прошлом,
правил крымский хан.
Здесь недавно жил Волошин
Максимилиан...

1981

ДВЕ ЖИЗНИ

Не прячь потухших глаз,
понять себя заставь:
у каждого из нас
две жизни — сон и явь.

Огонь не по летáм
из сердца вышел весь,
оно томилось там,
оно страдало здесь.

Две смерти — не найдешь,
две жизни — проглядишь,
в одной из них — бредешь,
в другой — летишь, летишь!..

Но будет ночь без сна.
Последний час придет.
Погубит нас одна,
другая нас спасет...

1981

* * *

Меня любить — несносно, право.
Летите дальше, стрекоза.
Для вас любовь — одна забава.
Вы посмотрите мне в глаза...

И вы поймете — не похоже,
чтоб я откликнулся на зов.
Мне одиночество дороже
всех ваших ласк и ваших слов.

И легкомысленности этой
я с легким сердцем не приму,
игры беспечной, безответной
уже, как прежде, не пойму.

И что корить меня за твердость?
Ни мой упрек, ни мой отказ
пусть не унижат вашу гордость.
Я слишком холоден для вас.

И ни нарочно, ни случайно
нам жизнь единства не дала.
Моя любовь — она печальна,
а ваша слишком весела.

1981

ПОЛЕТ

Ты вспорхнула под музыку грустную,
безыскусная,
словно вся — продолжение музыки,
бедро узеньки.

По катку ты летала без роздыху,
как по воздуху.
И порхали твои, словно в небе ты,
руки-лебеди.

Ты хотела кому-то понравиться, —
не прославиться.
И смотрел я на эти старания
с замиранием.

Ты была — в чем душа только держится? —
лучик-девочка.
Две косички, две маленьких кисточки.
Фигуристочка!..

1981

* * *

Нельзя ни с болью, ни с тоскою
раздуть потухшего огня.
Я от судьбы хочу покоя.
Твоя любовь не для меня.

Нельзя влюбляться без предела.
Понять мне было тяжело,
что сердце это отгорело,
что чувство это отжило.

Нельзя любить и быть правдивым.
Не помышляй меня спасти.
Я часто был несправедливым,
но ты меня за всё прости.

Нельзя вдохнуть любовь мольбою,
живи сомнением одним.
Зачем она над головою
светиться будет, словно нимб?

Она останется не с нами,
не отживет, не отгорит
и белоснежными крылами
не раз во сне прошелестит...

1981

ФОНТАН

В разгаре солнечного лета,
объехав морем южный край,
былой дорогою Поэта
я посетил Бахчисарай.
Всё принижается, старея...
Столица Крыма, груды скал...
Я на могиле Хан-Гирея
без интереса постоял.
Я видел тайные чертоги,
его дворец, его шатры...
И здесь я был судьей не строгим
жестоким нравам той поры.
Но то, что в душу мне запало,
о чём не мог помыслить хан, —
под сводом древнего портала
я видел мраморный фонтан.
Живой фонтан Бахчисарая!
Что наречен фонтаном слёз.
Где капли падают, стекая
по лепесткам печальных роз.
Что вспомнил Он? Какие грёзы
здесь русский гений пережил?
Так и лежат две свежих розы
с тех пор, как Он их положил.
И будут вечно слёзы падать
из этих мраморных глазниц,
и человеческая память
не обретет себе границ...

1981

* * *

Кто я? Что я?..

С. Есенин

Тихо в хате и уютно,
только ходики кого-то
переспрашивают смутно:
кто ты, что ты? Кто ты, что ты?..

За окном пейзаж осенний,
ветер листья носит, воя.
У окна стоит Есенин,
повторяя: кто я? что я?..

Вдаль он смотрит, околдован
сизой мглой полей унылых...
Мы-то знаем, кто он, что он
для просторов этих милых.

Стрелки ходиков недвижны.
Только время — убывает.
Всех живых оно, чуть слышно,
кто ты? что ты? — вопрошает.

1981

* * *

Не умирай, пока живешь —
не будет горше укоризны,
пусть если даже ты ни в грош
уже не ставишь этой жизни.

Ты лжешь, что мир с тобой суров,
что нет ни в чем тебе опоры.
Но смерть не любит громких слов,
она плюет на разговоры.

В любом ответе правды нет.
Прими действительность как юмор.
Коль ты пришел на этот свет —
живи, пока еще не умер.

Ты ждешь за смертью лучших дней,
себе иной удел пророчишь.
Когда же ты столкнешься с ней,
то умирать уж не захочешь.

1981

* * *

Я был угрюмым одиночкой,
в удачу верил без помех,
моя тоска полночной строчкой
слезилась втайне ото всех.

Что из того, что жить без риска
я не умел и не любил?
Что за московскую прописку
пять лет на стройке отрубил.

Себе другой удел я прочил,
и каждый день спешил за ним.
Я чуждым был среди рабочих,
среди поэтов был чужим.

О, как хотелось мне дороги!
Большой дороги, столбовой.
А где меня носили ноги?
Не той дорогою, не той.

Куда я шел, пути не зная?
И вдруг забила боль в груди...
А голова — смотрю — седая.
Полжизни — вижу — позади.

И трезвость подступила к горлу,
в душе мальчишеской затмив
и легкомысленную гордость,
и романтический наив.

Но если я чему учился —
учился собственным умом,
и если я чего добился —
лишь только собственным горбом.

1981

* * *

Не ведаю — что́ было. Приснилось — не иначе.
Она мне предложила остаться с ней на даче.

Она меня глазами зелёными сверлила.
Без лишних объяснений в саду мне постелила.

Я помню шелест платья, потом — горячий лепет
и дрожь ее, и ласку под яблоневый трепет.

И звёзды нарождались и где-то умирали...
А рядом на рояле восторженно играли.

И звуки те срывались, как вспугнутая стая,
сгорая в лунном свете и в черном свете тая...

1981

НАВОДЧИЦА

(Ироническое)

Распахнулись стеклянные двери —
рассекая табачную мглу,
ты вошла, словно дивная пери,
и присела за столик в углу.

И, наверно, никто не заметил
здесь, где звонко бокалы звенят,
как наивен, невинен и светел
был твой чистый, восторженный взгляд.

Я еще улыбался у стойки,
я еще не хмелел от вина,
я еще не воскликнул: постойте!
и еще не подумал: она!

Но уже безрассудное сердце
встрепенулось и билось быстрее.
...Кто-то темный спокойно уселся
в кресло с маленькой сумкой твоей.

Я стоял в стороне, замирая
в бессознательной жгучей тоске.
Сигарету тебе предлагая,
он к твоей прикоснулся руке.

Но кого ты глазами искала
для себя в этом зале чужом?..
Было здесь проходимцев немало,
ты, конечно, не знала о том.

Словно вздрогнула ты от испуга —
наши взгляды внезапно сошлись.

И, без слов понимая друг друга,
мы безудержно в танце слились.

Сразу сердце наполнилось маем,
но раздался бравурный мотив, —
ты шепнула: «Пойдем погуляем»,
голубые глаза опустив.

Вышли мы. Таял снег подметённый.
Красил небо луны ореол.
И пошли мы по улице темной.
Кто-то темный за нами пошел.

В глубине переулка, во мраке
две фигуры окликнули нас.
Будто птица, в неистовом страхе
ты рванулась и скрылась из глаз.

Разговор был спокойный и краткий,
дали в зубы не знаю за что.
Я очнулся в подъезде без шапки,
без башлей*, без часов, без пальто.

В это дело Петровка включилась,
лишь бы мне поскорее узнать,
что с тобой ничего не случилось,
что тебя я увижу опять...

1981

---

* Б а ш л и — жаргонное название денег.

МОЙ ПУТЬ

Как долго я плутал, себя не зная,
пока душа моя была пуста.
И только ты, поэзия живая,
всегда вдали мерцала, как звезда.
Но не готовый к горнему полету,
путем неверным я нередко шел.
Мои скитанья и мою работу
я заключал в возвышенный глагол.
И всё ж за хлеб я не платил стихами,
я в них свои замаливал грехи,
платить стихами — что платить грехами,
которые и есть мои стихи.
Во мне порой бурлят иные страсти,
корит родня, рукой махнула мать...
Пусть в жизни этой не нашел я счастья —
я знаю счастье жить, чтобы писать.
И не смогу без боли, без укора
себя последней радости лишить...
На мне не будет большего позора,
когда писать я стану, чтобы жить.

1981

СОЛНЕЧНЫЙ БЕРЕГ

О. Лозовой

Здесь не надобно денег.
Просто пой и пляши!
Солнцем залитый берег,
и вокруг — ни души.
Так, от мира сокрытый,
обрели мы с тобой
берег, солнцем залитый,
и гудящий прибой.
Море камни лизало,
и на гальке цветной,
как русалка, лежала
ты под черной скалой.
И на солнце блестело,
словно рыба в сетях,
твое гибкое тело
в белопенных волнах.
Ты под волны крутые
опускалась, дразня.
Но валы голубые
с ног сшибали меня,
с головой накрывали
всей своей высотой
и с размаху бросали
на песок золотой...
Очи — сини, как вереск,
губы — алы, как мак.
Солнцем залитый берег
и гора Кара-Даг!

Но блаженство не вечно.
Солнце село на мол.

И за нами под вечер
в бухту катер вошел.
И в курортном июле,
где на пляж не пройти,
снова жил я, как в улье,
тут за всё — заплати.
И с последним червонцем
покидал я, чудака,
берег, залитый солнцем
у горы Кара-Даг.

1982

* * *

О женщина! Сильны ее причуды.
Таинственна, как ночь, ясна, как день,
она подобна тени нашей всюду
и всё ж неувовима, словно тень.

Она в груди у нас раздует пламя
и после ждет, чтоб этот жар угас...
Хотим уйти — она спешит за нами,
догнать хотим — она бежит от нас.

1982

* * *

Девушка. Птица. Россия...
Песня грустна и светла.
Что мне иная стихия? —
Ночь без любви и тепла.

Вёрсты дорог отмеряя,
шел я, дрожал на ветру.
Нету без Родины рая,
здесь я рождён и умру.

Небом ли душу омою,
в глине бесследно ль сгнию —
только бы небо — родное,
только бы землю — мою.

1982

РАЗРЫВ

Разлука — как роза, что жжёт тебе руки.
И больно и сладко от нашей разлуки.
И больно и сладко. И нечего ждать.
Нам некогда в спешке обиды считать.

Кто скажет, что мы не любили друг друга?
И всё ж в неизвестность бежим без испуга.
Без глупых упреков, без гордой вражды.
Жалеть о прошедшем не будет нужды.

Ну что же, простимся? — Не слышно ответа.
Лишь в пальцах твоих чуть дрожит сигарета.
Друзья не поверят, кого ни спроси...
Мы в разные стороны ловим такси.

И вот мы в машины разлучные сели.
Друг другу в глаза посмотреть не успели.
И в разные стороны мчатся авто.
Где выйти — покуда не знает никто...

1982

ЖАЛОСТЬ

Не унижает жалость никого,
она, скорее, даже возвышает,
больное сердце словом воскрешает
и наполняет нежностью его.

От жалости чужой себя храним.
Нам этот выбор кажется удобным...
Но можно ли унижить чувством добрым?
Возможно ли унизиться пред ним?

Чужую боль боимся ощутить.
Давно ли в нас вошло ожесточенье?
К сочувствию в душе тая презренье,
друг друга разучились мы щадить.

Двадцатый век нас к пропасти прижал.
Неужто мы и вправду огрубели?
Когда б друг друга больше мы жалели,
то никого никто б не унижал.

1982

ПАМЯТЬ

Поэма

1. Бабушка

Моя деревня... Что с тобою стало!
Тебя снега засыпали до крыш.
«Уходят люди», — бабушка сказала.
Окрест стояла дремлющая тишь.
Угрюмых чувств и странных мыслей полный,
я здесь внезапной болью обожжен...
Как грустно-беден вид избы безмолвной,
где нет привычных в старости икон.
Вот здесь детей и внуков сберегала
старушка эта,
хотя их в тепле,
от всех несчастий бабушку спасала
крестьянская привязанность к земле.
Живет она, земную веру носит,
за благо ближних молит всех святых
и ниоткуда помощи не просит,
взрастившая без мужа пятерых,
она, одну лишь грамоту познавшая
по школе скорби русских матерей.
За сына Павла, без вести пропавшего,
ей платят в месяц тридцать пять рублей.
Да ей и надо, в сущности, немного...
Ни на кого обиды не тая,
как в доброту людскую, верит в Бога
неграмотная бабушка моя.

2. Вечер

Сбежав от суеты и глупых дел,
вернулся я к истоку детских лет.

Твой ветхий дом совсем заледенел,
ведет к нему едва заметный след.
Родная, что зима тебе несет?
«Какая ж радость, батюшка, в зиме?
Когда с ней столько горестных забот
порошею стучится в дверь ко мне.
К тому ж негожий, плохонький мой дом
уже не может зиму пережить,
и каждый год, по осени, за мхом
хожу я в лес, чтоб щели заложить.
И то ли будет, внучек, впереди...
Знать, ты, милоч, деревню-то забыл,
гляди, давно ли сыпали дожди,
да вот уж снег ворота завалил.
Когда б заране дров не напасла,
то как бы я избавилась от бед
зимы, которым нет числа?
Ведь мне уже за восемьдесят лет...»
Она вздохнула и пошла прилечь,
на угол помолившись шепотком...
В пустой избе потрескивала печь,
сгушалась тьма за маленьким окном...

3. Длинные годы

Снег на дворе, как перина.
Печка, ухват, чугуны...
Бабушка Екатерина,
долго ль еще до весны?

Долго ли виться метели
в этой застывшей дали?
Дети твои постарели,
внуки детей обрели.

Ты в тишине доживаешь
длинные годы одна.
И, как всегда, поджидаешь
гостя, застыв у окна.

Вечером в сумрачной хате
что-то мудришь над сукном.
Слышишь ли, бабушка Катя,
снег заскрипел под окном?..

4. Похороны

Цветок без бабушки зачах.
Покинул свет избу.
Четыре внука на плечах
несли ее в гробу.

Так осторожно, как могли,
среди берез родных
четыре внука гроб несли,
я был одним из них.

Мы не забыли, что не раз
в далеких тех годах
она здесь каждого из нас
носила на руках.

И с нами больше нет ее,
и годы утекли.
То детство доброе свое
мы хоронить несли.

Могила черная ждала.
В могилу падал снег.
Ее души, ее тепла
достанет нам на всех.

Ее любовь, ее завет
я помню и храню...
И если даже рая нет, —
ей вечно жить в раю.

5. Память

По бабушке справить поминки
приду я в деревню Починки,
в ее небольшое жильё...
Там светится детство мое.

Неспешно по улице длинной
пройду я под крик петушиный.
Здороваясь тихо со мной,
подумают люди: чужой.

Я встречу знакомые лица,
мне память не стерла столица.
Да только в сиянии дня
никто не узнает меня.

Края повидал я другие,
но взглядом места дорогие
окину — и сердце замрет.
Дорога над речкой пойдет...

Куда б мы ни мчались упорно,
всё держат нас вечные корни
полей и тропинок родных.
Ну как оторвешься от них?

Ведь где-то в российской глубинке
мерцает деревня Починки.
И как мне забыть про нее?
Там светится детство мое.

1980 — 1982

СНЕЖНЫЙ АНГЕЛ

Падал снег за окном,
плавно падал.
День мерцал над столом,
как лампада.

Снег, сыпучий как мел,
нежно падал.
И к окну подлетел
снежный ангел.

Он ударил крылом
по навесу,
день морозным стеклом
занавесил.

Дотемна просидел
я в квартире.
Что он встретить хотел
в этом мире?

В этом мире пустом
свет расколот.
Только холод кругом,
только холод.

Ты замерз, человек? —
Что за дело?
В мире холод и снег
без предела.

1982

* * *

Стихи мои, когда слагались вы,
меня такая грусть одолевала!
За каждой строчкой жизнь моя вставала,
воспоминанья были не новы...

Плоды любви, плоды печальных дней...
Но посреди бессонных одиночеств
вы озаряли тягостные ночи
высокой просветленностью своей.

И сколько б я ни плакал над строкой,
какие б чувства ни были разбиты, —
с последним словом,
как в конце молитвы,
я находил надежду и покой...

1982

РОДИНА

Но я люблю, за что не знаю сам...

М.Ю. Лермонтов

Россия, ты уходишь от меня.
Остановись!
Я больше ждать не смею!
Но с каждым днем всё ближе и роднее
дом над рекой, колодец у плетня...

Что мне заменит Родину мою?
О чем сказать могу чистосердечно?
Я вижу этот дом и эту речку,
Россия, здесь тебя я узнаю.

Моя любовь давно уже не та...
Казалось мне, Россия, — ты святая.
И вдруг увидел я, что всем чужая
ты в этом мире, словно сирота.

Бесцельная, плутаешь, как во мгле.
Бурьяном заросла твоя дорога.
Россия, далеко ль уйдешь без Бога?
И есть ли путь без веры на земле?

1982

* * *

О чём нам плакать и тужить,
поэтам пестрых залов?
Рубцову негде было жить,
коль не считать вокзалов.
Порой без видимых обид
был сыт он черным хлебом,
сказал: коль буду знаменит...
Но знаменитым не был.
У нас печалей этих нет,
мы отдыхаем в Ялте,
квартира, дача, кабинет,
Дом творчества — пожалте.
Уходим тихо в мир теней
от жизни угорелой...
А кто нашел звезду полей
во мгле заледенелой?

1982

НА РАСПУТЬЕ

Вороны кричат поутру,
им весело вместе, воронам.
Разбуженный лес на ветру
вздыхает о чем-то со стоном.
Еще не совсем рассвело,
и солнце проглянет не скоро.
Так что же меня привело
сюда в эту раннюю пору?
Как долго в чаду городском
глаза мне машины сверлили,
лишь грохот стоял за окном,
лишь трубы в окно мне дымили.
И вот я раскован уже,
объят тишиной и свободой,
и загнанной жесткой душе
так хочется слиться с природой.
Темно здесь и сыро, но всё ж
в лесную обитель несмело
вхожу — и знобящая дрожь
внезапно проходит по телу.
Какие-то тени во тьме
скользят по земле в беспорядке,
я замер, и хочется мне
отсюда бежать без оглядки.
И я без оглядки бегу,
и кажется город — роднее.
Но в этом признаться не смея,
покоя найти не могу...

1982

МГНОВЕНИЯ ЛЮБВИ

Мы весело сошлись
и без труда расстались.
Но разве этот год
сумеет позабыть?
Мгновения любви
еще в душе остались...
Бессмысленных обид
не станем ворошить.

И в шелесте листвы,
и в звёзд волшебном хоре
я звонкий голос твой
услышать буду рад.
Ты подарила мне
сверкающее море.
И гребни черных скал
тебя мне воскресят.

За всё, что для меня
на этом свете свято,
за искренность твоей
веселой доброты
мгновения любви —
печальная расплата.
Мне выбор был один:
свобода или ты.

Мгновения любви
и проблески свободы
не смог я разделить,
не смог соединить.
Нам не связать за все
оставшиеся годы
вязанья твоего
оборванную нить...

1982

* * *

Странная примета —
этот хитрый взгляд.
Мы встречались где-то
жизнь тому назад.

Что ж ты не любезна?
Что глядишь совой?
И зияет бездна
меж тобой и мной.

А ведь что-то было,
помнится, у нас,
и луна светила
нам в окно не раз...

Если доверяешь
прошлому едва,
что ж ты повторяешь
прежние слова?

Прячешь в черной замше
бледность впалых щек.
Может быть, всё там же
встретимся еще...

1982

ДОЛГ

Жили предки мои на калужской земле,
был до старости дед кузнецом на селе.

Всякий знал в Концеполье того кузнеца,
в Концеполье, где полю не видно конца.

...А земля под Калугой тверда и суха,
мужику дорога борона и соха.

От истертых подков лошаденка плоха...
И мой дед молодой раздувает меха.

Он в огне докрасна раскаляет металл,
как учил его дед, как отец наставлял.

И гудит наковальня, и молот поет!
На селе кузнецам и доньне почет.

Дед и сам прокалился кузнечным огнем.
Но фамильное дело заглохло на нем.

Поспешила война сыновей загубить...
Мне осталось одно: никогда не забыть,

что он верно пронес по прямой борозде
пепел предков своих на седой бороде.

1982

* * *

Что ела ты, земля, —
ответь на мой вопрос, —
что столько крови пьёшь
и столько пьёшь ты слёз?

Ш. Петефи

Приду я к той горе,
к разрезу тех могил,
куда бесстрашный Дант
когда-то приходил.
Пусть на краю земли
я устою едва,
но снова повторю
печальные слова:
— Чем ты больна, земля, —
ответь на мой вопрос, —
коль столько крови пьёшь
и безутешных слёз? —
Пусть хохот прогремит
в могильной глубине...
И всё ж подземный гул
ответом будет мне!

1982

ВЬЮГА

Что́ там ночь колдует?
Что́ готовит нам?
Зябко ветер дует
меж оконных рам.

Словно кто-то хочет
окна распахнуть.
Я в такие ночи
не могу заснуть.

Как люблю я слушать
вьюги свист ночной!
Он мне рвется в душу,
будто крик родной.

Он глаза туманит
мне ли одному?
И так жутко манит
за собой во тьму...

1982

* * *

Жалеть ли мне о прошлом? Я не знаю.
О чем грустить, бывшее теребя?
Зачем же я так часто вспоминаю
всё то, чего легко лишил себя?

Не раз мне в руки шла судьба иная,
туманил мысли сладкой жизни хмель,
но через все пути переступая,
я сознавал единственную цель.

И вот вино меня не погубило,
в болоте быта я не потонул
и женщину, которая любила,
я так несправедливо оттолкнул...

1982

ПРОЩАНИЕ С ДЕРЕВНЕЙ

Моя деревня, вот и всё,
я больше не вернусь;
стальной вьюгой занесен,
запрячу в сердце грусть.

Никто не помнит здесь меня.
На что я нужен здесь?
От деревенского плетня
я был, да вышел весь.

Когда-нибудь с тоской в глазах
услышу я о том,
как на пустынных берегах
ты отошла на слом.

Что речка тиной заросла
среди тех милых мест,
где тихо бабушка жила,
неся свой долгий крест.

Привыкнуть к мысли тяжело,
что в этой вот глуши
тепло родное отжило,
как часть моей души.

1982

ДРУГУ

Вспоминаешь ли ты
о холодном сиянье вокзалов,
по которым не раз
мы бродили с тобой по ночам?
Где мы не были, друг,
и куда только нас не бросало,
в нашей долгой стране
по каким не прошли
городам?

Вспоминаешь ли ты
о печали российских пейзажей?
И с какою тоской
мы из окон глядели на них?
По железным путям
со своей худосочной поклажей
мы летели на Север,
похлёбку деля на двоих.

Что ты делаешь, друг?
Всё ли так же ты странствуешь где-то?
Иль с дороги сошел
на тридцатом своем вираже?
Наша старая песня —
ты вспомни —
еще не допета,
хоть последнюю чашу скитаний
допили уже.

Ты о прошлом своем,
верю я, не жалеешь нисколько.
Ты растратить не мог
в неподкупной душе
простоты.

Нам в бездомном пути
было голодно, весело, горько.
Эту славную жизнь,
дальний друг,
вспоминаешь ли ты?

1983

* * *

Выбиваюсь из общего строя.
В тихой скромности радости нет.
Много лет не давал мне покоя
бесшабашный скандальный поэт.

Я в своем стихотворном ненастье
подражать не хотел никому.
Но в любви, в безрассудстве и в страсти
я завидовал только ему.

Все мы слишком пристойными стали.
Каждый с виду безгрешен и чист.
Что же толку шуметь и скандалить?
И какой из меня скандалист?

Стала выглядеть скука искусно,
так прилично, что хочется выть.
Одиноко и скучно, и грустно.
Даже некому морду набить.

1983

РОК

Захлестнула нас музыка «диско»,
как озноб.

Мир гарцует на кончике риска
в ритмах «поп».

Мир конечно, конечно спасется!
Дай-то Бог..

В адском танце планета трясется
в стиле «рок».

Незнакомка — потёртые джинсы —
курит «Кент»,
мне за этот не жалко полжизни
уикенд.

Мир наш грешный поставлен на карту,
не робей,
свой коктейль под мелодию «кантри»
ты допей.

На щеках непонятные знаки
не рисуй,
ты со мной в голубом полумраке
потанцуй.

И не пустит нас музыка эта
за порог —
наших дней роковая примета —
танец-рок.

1983

ЦЕНТР ВСЕЛЕННОЙ

Центр Вселенной — Земля.
Кто еще сомневается в этом?
Лишь отсюда уйдут
в невозможную даль корабли.
Прав Коперник, и всё ж
Птолемей был великим поэтом,
если он осознал
мировое значение Земли.

Беспредельна ли тьма,
бесконечен ли свет — неизвестно.
Этот хаос ночной
не разведан пока что никем.
Только разум и жизнь
занимают центральное место
среди пустынных планет
и безжизненных звездных систем.

Если б где-то возник
на просторах астрального света
разум жизни другой —
мы б услышали их голоса.
Но другие миры
предназначены для человека,
лишь вокруг человека
вращаются все небеса.

Нам пора бы признать
ту жестокою невосполнимость,
если б жизни огонь
во Вселенной случайно потух, —
вся небесная твердь
потеряла бы необходимость,

даже солнце и звёзды
бессмысленны стали бы вдруг.

Зеленеет Земля.
Ее гибели нет оправдания.
И пока среди звёзд
есть единственный остров живой,
нам понять суждено:
человек — это мозг мироздания,
он — космический нерв,
всё на свете связавший собой.

1983

НЕБО

Если с небом ничто не роднит,
мы всё меньше о нем вспоминаем.
И бездумно его проклинаям
там, где наша земля не родит.

Почему-то не хочется знать
о забытой с годами утрате...
Можно ль ждать от земли благодати,
коль с небес не сойдет благодать?

Пережили родные поля
этот век, эту скорбную веку.
Что от неба получит земля,
тем она и воздаст человеку.

Веру в силу небес оборвать —
всё равно, что остаться без хлеба.
Кормят нас и земля, и небо.
И нельзя нам о том забывать.

1983

СПАСЕНИЕ

Мир спасут не молебны во храме
и не крылья всемогущих ракет.
День придет, мы почувствуем сами
в нас разлитый Божественный свет.

Мир наш будет чего-нибудь стоять,
станут помыслы наши чисты,
если каждый сумеет построить
в нежном сердце приют доброты.

Но еще, как в шекспировской драме,
меж людьми примирения нет.
Кто-то ищет спасения в храме,
ну а кто-то — под сенью ракет.

Взлет стремительный и дерзновенный
нам сулит ожидаемый век.
Есть единственный храм во Вселенной,
называется он — Человек.

1983

ПОТЕРИ

Молоды и красивы,
вставшие вдруг под ружьё,
лучшие люди России
гибли в боях за нее.
В дни испытаний суровых,
в этой жестокой борьбе,
может быть, гениев новых
похоронили в себе.
Каждый из ныне живущих
словно живет за двоих.
Нас бесконечно зовущих —
вижу ночами я их.
Слышу их тяжкую волю...
Чем же восполню теперь
в жизни
хоть малую долю
тех невозможных потерь?

1983

ИНЕРЦИЯ

Мы копим деньги и тряпье,
жалеем их без проку
и сердце мучаем свое
беспечно и жестоко.
Бежим без лишних дураков
встать в очереди первым,
из-за никчемных пустяков
друг другу портим нервы.
Мы целый день глотаем дым,
презрев свое старенье,
и валидолом норовим
унять сердцебиенье.
Но как себя освободить
от дьявольских инерций?
За всё приходится платить
не чем-нибудь, а сердцем.
То в суете, то во хмелю
его сжигаем слепо.
Вот так и губим жизнь свою
бездарно и нелепо.

1983

* * *

Мы этот мир напрасно не осудим,
пускай парадоксален он подчас.
Нас избегают те, кого мы любим,
нам безразличны те, кто любит нас.

Любовь рождается странная на диво,
прекрасный блеск она придаст глазам...
Но в этой жизни так несправедливо
лишь то влечет, что недоступно нам.

1983

ВРЕМЯ

Сначала уходит *она*.
Но время еще остается.
И жизнь испитá не до дна,
как будто вода из колодца.

Она не вернется назад
ни вздохом, ни памятной тенью.
Но сам ты, как высохший сад,
мечтаешь еще о цветенье...

Есть время — и ты не один,
уверенный в лучшем исходе.
Всё ждешь до последних седин...
Но вот уж и время уходит.

Как странно, что ты одинок,
что следом за *ней* постепенно
растаял и зрелости срок,
что ты одинок совершенно.

Ничто не вернется назад
на этом всё видевшем свете.
Но сам ты, как брошенный сад,
не можешь поверить в бесцветье...

1983

КОРНИ

Деревья собираются в дорогу.
Они бы в тайном сговоре могли
в ночном тумане скрыться понемногу,
но корни их стремятся в глубь земли.

Какую непонятную тревогу
они забыть хотели бы в пути?
О, как деревья тянутся в дорогу!
Скрипя стволами, силятся пойти.

Их день и ночь безудержные ветры
зовут в свою раздольную страну,
они туда, склоняясь, тянут ветви,
но корни их уходят в глубину.

Им снится край светлее и просторней,
и шум листвы не умолкает в нём...
Но с каждым днем уходят глубже корни,
держась за землю крепче с каждым днём.

1983

* * *

Воронки, воронки...
На Марсе и на Луне...
Почему мы решили,
что это кратеры вулканов?
А может быть, это —
воронки от разрывов бомб?..

Может быть,
по окончании войны
кто-нибудь
из глубины мироздания
смотрел
на нашу землю в телескоп
и думал,
что она вся изрыта
кратерами вулканов...

1983

* * *

Невинна прелесть женских глаз,
а всё ж в такую пропасть манит...
И так легко нам сердце ранит,
защиты требуя от нас.

Мы любим женщин красоту,
но пусть простят меня за грубость, —
нам суждено любить их глупость,
капризы, вздор, и пустоту.

1983

МЕЧТА

Тянется время жестоких дней.
Каждому смерть холодит уста.
Но среди всех мировых идей
у человечества есть мечта.

Грела надежда сердца отцов
тысячелетья жестоких дней, —
чтобы увидеть в конце концов
счастье земное для всех людей.

Счастье земное, придет оно!
Краше и радостней, чем в раю.
Если воскреснуть нам не дано,
как оправдаем мы жизнь свою?

Кончится время жестоких дней,
в деле, родившемся на Руси,
старая заповедь «Не убей!»
выльется в новую: «Воскреси!»

1983

* * *

Входишь в лес, а лес уходит в осень,
за собой тебя уводит лес,
золотые листья в блёстках росных,
словно звёзды, сыплются с небес.

Только что ж я снова чуть не плачу
от знакомой с детства красоты?
Всякий раз я чувствую иначе
этот запах влажной бересты.

Здесь моя стихия, и не нужно
мне другой, невиданной красы.
Я войти не в силах равнодушно
в лес осенний средней полосы.

Это здесь, в лесном покое нежась,
грусть свою стараясь приглушить,
сердце жадно впитывает свежесть,
чтоб до новой осени дожить...

1983

* * *

Тайга глуха и бесконечна,
куда идти — не знают ноги.
Надежды тают быстротечно
морозной ночью без дороги.

Как свет печали негасимой,
звезда туманная мигает.
Он снимком женщины любимой
костер последний разжигает.

В его глазах играет пламя,
а снег протаивает вскоре.
Он спит с открытыми зрачками
и видит солнце, видит море.

Еще трепещет плоть живая
и для кого-то что-то значит...
Костер полночный задувая,
смеется ветер или плачет?..

1983

СМЕРТЬ

Ее увидел я во сне.
Она была страшна.
Рукой костлявою ко мне
притронулась она.

Я снов не помнил до сих пор,
всегда рвалась их нить.
Но глаз ее горящий взор
уже не позабыть.

Мы отвергаем без труда
любую сказку сна.
И вновь легко идем туда,
где тихо ждет она...

1983

ВСАДНИК ВЕТРА

Он в клочья небо разрывал,
меж туч луна металась,
когда срывался он в провал,
то крик зловещий издавал,
и тьма над ним смеялась.

И видел я, к окну прильнув,
под этот вой надсадный,
как, низко голову пригнув
и лунный блеск перечеркнув,
пронесся черный всадник.

Искрились тучи, как кремьень,
но в их просвете мгlistом
он разглядел грядущий день
и просквозил назад, как тень,
летя со страшным свистом.

Открылся взору лунный свет
в спокойствии минутном.
Еще не близок был рассвет,
лишь белой гривы яркий след
застыл на небе мутном.

1983

* * *

Ну что ж, ты меня оттолкнула,
надежда осталась пустой,
и гордо в лице проблеснуло
твое любованье собой.

Живи. Я останусь поэтом,
красивых и нежных любя...
Ты, может быть, вспомнишь об этом,
когда я забуду тебя.

1983

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Что ж поешь ты печальные песни,
ветер северный, белому небу?
Иль несешь ты недобрые вести
непросветной зиме на потребу?

Ничего, что мой путь стал короче,
и что сердце прерывисто бьется...
Ах, не надо, не надо пророчить,
что весна никогда не вернется!

Ведь недаром в застывшей аллее
прижилась перелетная птица...
Ни о чём, что ушло, не жалею.
Всё проходит и всё повторится.

В быстротечные вешние воды
очень скоро снега обратятся,
и мои промелькнувшие годы
неизбежно ко мне возвратятся...

1983

УЗБЕКСКАЯ КАНВА

(По мотивам узбекской поэзии)

1

Мне лжет пиала, полная вина,
в груди моей твой образ затмевая,
и лжет мне эта комната пустая,
что жизнь моя бесплодна и грустна.

Я утра жду, без ласки и тепла,
себя надеждой смутной согревая,
как бы с вином пиала ни лгала,
как ни лгала бы комната пустая...

2

Я буду мечтать о весне и цветах,
я память, как дым, раствориться заставлю,
все думы свои я рассею, как прах,
и завтрашний день воспую и прославлю.

Я буду беседовать с тихой луной,
мне звёзды откроют безумные тайны,
лишь только б не думать, не помнить о той,
что в грустную душу проникла случайно.

3

Забудь незабываемые дни,
не омывай лицо лучом палящим,
в мои глаза безропотно взгляни —
и ты увидишь боль о настоящем.

Что по крупицам счастье собирать?
В них больше не найдешь ты утешенья.
Но я еще могу тебе послать
в грянувший день счастливые мгновенья...

4

К тебе стремлюсь я в снах своих,
ты в снах своих ко мне стремишься,
а наяву, взглянув на миг,
ты подойти ко мне боишься.

Ты влюблена и я влюблен,
во сне нас чувства не обманут.
Пусть будет явь легка, как сон,
и наши сны пусть явью станут...

5

Есть ли утро у этой ночи?
И родится ли день после мрака?
Не зажечь ли от сердца свечи,
чтоб любовь не угасла от страха?

И какой невозможный вопрос
от меня ее губы скрывают?
Без любви даже пряди волос,
как цветы без воды, увядают...

6

Прервав веселое паренье,
упала ты к моим ногам.
Никчемна яркость оперенья
твоим безжизненным крылам.

Судьба бессмысленно и слепо
тобой распорядилась в миг,
и ты погибла так нелепо
от пули пущенной в других...

7

Ночь серебрит квадрат окна.
О, как же эта ночь длинна!

И я к рассветному лучу
на крыльях памяти лечу.

Я вижу день грядущий свой.
Но кто-то шепчет мне: постой,
мужчина помнит и во сне
кинжал, висящий на стене...

8

В небе звёзды, как цветы.
Листопад во тьму бредет.
В дебрях звёздной пустоты
он судьбу свою найдет.

Я смотрю ему во след,
словно он — моя мечта.
Даже осень — тусклый свет,
если в сердце пустота...

9

Не ищет сердце отклика в природе,
всю осень мне тоска сжимала грудь,
вот и зима, как тяжкий сон, проходит,
теперь весна не радует ничуть.

И лето мрачным будет мне казаться,
оно не станет краше и светлей
лишь оттого, что можно прикасаться
губами к фотографии твоей...

1983, Самарканд

ОТВЕТ

Тане

А ты сказала: «Будь мне другом...»,
кого-то в памяти любя.
Но нет, я вовсе не с испугом
смотрел на близкую тебя.

И видел я, как мы не схожи,
как небо хмурилось в окне...
Но всё понятней и дороже
твои печали были мне.

Такой ли встречи ты хотела?
Но всё ж разладить не спеши
поэзии мужское дело
с наивной детскостью души.

Когда за стенкой веселятся,
ты в память прячешься свою,
не уставая удивляться
траве, стрекозам и ручью.

И даже, снегом занесенный,
тебе стозвонно лес поет,
где твой соловушка бессонный
свиданья ждать не устает...

1984

НАДЕЖДА

I

Когда жестокий мрак навета
над головой нависнет вдруг,
небезнадёжно ждать просвета,
покуда есть на свете друг.
Но если сердце крылья сложит, —
сам на себя махнешь рукой...
И только женщина поможет,
когда надежды — никакой.

II

Когда нам нужно честь России
от супостатов уберечь,
коль нет мужской достойной силы, —
возьмется женщина за меч.
И победит в бою неравном,
и передаст свой меч тому,
кто будет верен полноправно
мужскому делу своему.

1984

* * *

Чем одиночество больней,
тем связей горечь непреложней...
Я в этом доме как заложник
любви рискованной твоей.

О, эта горькая любовь!
Мы ей находим оправдания.
Но наши глупые старанья
для остальных — не в глаз, а в бровь...

Они, конечно, не правы
но всё же, если приглядеться,
нам никуда уже не деться
от незаслуженной молвы.

И никому простить нельзя
всё, что друг другу мы простили,
ведь не напрасно загрустили
твои друзья, мои друзья...

Печальна поздняя любовь.
Мы в ней с тобой неравноправны.
Готовит муку плод отравный...
Но ты судьбе не прекословь.

1984

ПОМНИТЬ!

Растут у народа сыны —
надежда и сила Отечества.
Судьба — от войны до войны —
жестокая у человечества.

Война на планете людей...
Наверное, можно отчаяться.
Мы всё ещё помним о ней,
и, значит, она не кончается.

У сладостной жизни в плену
спасает нас память суровая.
Когда забывают войну —
тогда начинается новая.

1984

* * *

Давит сумрак ночной.
Дом чужой нелюдим.
Я устал быть с тобой.
Я устал быть один.

Льется сумрак густой
из-под светлых гардин.
Вот сижу я с тобой,
а как будто — один.

Не уйду я к другой,
накуплю себе вин...
Всё равно я с тобой,
даже если — один.

Ночь пройдет стороной,
и проснусь я — один,
растерявший покой
в алых гроздьях рябин.

1984

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Т. Г.

Поездка

Луна бледнела в облаках,
синел рассвет хрустальный.
Трясло «Ракету» на волнах,
как на доске стиральной.

Исчезла псковская земля,
и смолкли чайки вскоре.
Чудское озеро, бурля,
раскинулось, как море.

Баркас промчался мимо нас,
в лицо бил ветер резкий,
и, к удивлению, тот баркас
был «Александр Невский».

Поднялся в миг ребячий гам,
не унимались дети...
А мы к эстонским берегам
летели на «Ракете».

...Край солнца выглянул, как серп,
и я, глаза прищурив,
в его лучах увидел Дерпт
иль русский город Юрьев...

И подчинились мы с тобой
веселому азарту,
когда, причалив, день деньской
гуляли в Старом Тарту.

Старинной крепости подвал
был маленькой харчевней,

я там с тобою побывал,
как будто в сказке древней.

Там словно капельки росы
в глазах совы синели...
На башне ратуши часы
старинные звенели.

Как жаль, что нужно плыть назад...
И к берегу родному
тряслись мы три часа подряд
по озеру Чудскому.

В корму врезался каждый вал,
мы были, как хмельные...
И ветер волосы трепал,
и без конца в лицо бросал
нам брызги ледяные!

Обещание

Всё, что есть, я поставлю на карту
и ничуть не раскаюсь потом, —
мы еще посетим в Старом Тарту
этот рай под свиным крылом.

Будут голуби виться под сводом
трехсотлетних шершавых камней,
будет музыка с нашим приходом
здесь потише и чуть погрустней.

Голос вкрадчивый нежно и тонко
пусть нам песню чужую споет,
и всё та же хозяйка-эстонка,
улыбнувшись, — как прежде, нальет...

Здесь печаль твоя в прошлое канет
и уже не вернется назад,
только красные голые камни
пусть о вечности нам говорят.

Будет время лететь — не обидно,
и не стыдно болтать чепуху.
День ли, ночь ли — отсюда не видно
и не слышно людей наверху...

1984

* * *

Канаша, Канаша,
ты пьянишь, как анаша.
Я плыву в твоём дурмане,
а в кармане —
ни гроша...

1984

ДИТЯ НАУКИ

Что людям принесла наука?
Нам разве легче от того,
что в небесах быстрее звука
летим, не видя ничего?

С глубоких тайн сорвавший пломбу,
скажи, ученый: кто родил
уродку — атомную бомбу
и грудью собственной вскормил?

Она явилась без поруки,
с самым антихристом в родстве,
достойным детищем науки
в ее всемирном торжестве.

И стала атомная бомба
ее творения венцом,
ее лицом, ее апломбом
и подлинным ее концом.

1984

ВETERАНЫ

И страны моей, и ваши раны
в большинстве своем заживлены.
И не шрамы ваши, ветераны,
не дают забыть вам той войны.

Мало вас, людей такого рода,
не из книг узнавших о войне,
ей отдали вы четыре года —
столько лет с ней видитеcь во сне!

Столько лет вам снится всё сначала:
что в разрухе, в голоде, в огне
та война,
как смертный вихрь, гуляла —
страшная — по молодой стране.

Вам доньше души обжигает
детский взгляд, который не забыть...
По ночам в холодный мрак ввергает
пепелище...
Муки — не избыть.

А героев, скажем откровенно,
нам не все известны имена.
Пули находили вас мгновенно,
до сих пор вас ищут ордена.

И еще сидят осколки возле
сердца, боль впитавшего сполна.
Жизнь делили вы на *до* и *после*,
до и *после*, посреди — война.

1985

ПОЭЗИЯ

Поэзия вперед устремлена...
А современность для нее скучна.
Не суждено судить о нас векам
по бамовским поэмам и стихам.

Поэт, который сущным обрастал,
увы, в своем развитии отстал,
его душа бескрыла и груба,
истлеть с минувшим днем — его судьба.

Лишь тот поэт взойдет на высоту,
кто отразит народную мечту,
кто ощутит грядущего набат...
Поэзия — не фотоаппарат.

Она не мертвый снимок, не кино...
Невидимое видеть ей дано,
с таинственным — на равных говорить,
незнаемое — сердцем озарить...

1985

ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Что будет между мною и тобой?..
Какой укор услышать мне придется?
Но всё еще из ночи снеговой
твоя любовь в мой стылый дом крадется.

И не впустить ее уже нельзя,
и прокляну себя, коль ей открою...
Она глядит мне с улицы в глаза,
глядит в глаза и плачет над собою.

Дверь отворить — замерзнуть навсегда.
Не отворю — так сердце разорвется.
С каких-то пор твоя любовь — беда?
Так ястреб над своей добычей вьется.

Мне, как ни странно, некуда уйти.
Везде твоя любовь меня находит.
И вот сижу я снова взаперти,
она ж стоит в окне и глаз не сводит.

Впущу ее — не станет ей теплей,
и нужных слов найти я не сумею.
Но что я значу без любви твоей?
Не лучше ли погибнуть вместе с нею...

1985

ПРОШЛОЕ

Нет, не проходит жизнь бесповоротно,
вновь протечет сквозь нас ушедший час.
Не думайте, что прошлое бесплотно,
оно еще воротится не раз.

Былую боль, как старую простуду,
несем в себе и к ней давно глухи.
Но добрые дела нас не забудут
и не оставят прежние грехи.

А новое так редко ожидает,
и будущее — старый наш дневник.
На дне души тревожно оседает
минувшей жизни нашей каждый миг.

Не нужно быть, пожалуй, слишком дошлым,
чтоб всё предвидеть на своем пути...
Грядущее не раз нам снилось в прошлом,
а прошлое мы встретим впереди.

1985

ВЕЧНОЕ ОБВИНЕНИЕ

И Франция, добыча славы...

А.С. Пушкин

В Святых Горах — метельная завеса,
под ней — Поэта снежная постель...
Никто из русских не убил Дантеса,
за Пушкина не вызвал на дуэль.

И потому кровь русского Поэта
взывает к чести, Франция, твоей.
Была не раз ты Пушкиным воспета,
увившаяся гордостью своей...

Не знала ты любви к чужому сыну:
чужая гордость — пустота и тлен.
Нет, не взошел Дантес на гильотину
и сохранил свой титул Геккерен.

Убийцу сам король вниманьем нежил,
достиг он всех чинов, что свет сулил...
Как жалко мне, что я в те годы не жил
и низкий лоб его не прострелил.

...А воздух тут пропитан общим горем,
и как тогда, январская метель
метёт, метёт над светлым Святогорьем,
стеля Поэту снежную постель...

1985

КОГДА ПОЭТА ПЕРЕВЕЛ ПОЭТ

В одной строке соединились души
и прозвучали новой строкой.
Так на границе темных волн и суши
гудит и буйно пенится прибой.

О, как горит осенний лист кленовый,
лежащийся беззвучно в мокрый след!..
Звучит над миром чей-то голос новый,
когда поэта перевел поэт.

Чей этот странный голос — непонятно,
ему еще названья даже нет.
Так тучи в небе, что разнозарядны,
рождают над землей мгновенный свет...

И всякий раз, когда сольются двое,
два мира, два таланта, две любви,
возникнет нечто новое, другое,
с неведомым волнением в крови.

Ворвутся в душу ветры ледяные,
звезда падет среди кромешной тьмы...
Нам не верны стихи переводные,
их автор кто-то третий, но не мы...

1985

* * *

Затем ли мы с тобой нашли
друг друга в поднебесном царстве,
чтоб дни томительно текли
в тоске, обмане и коварстве?
Затем ли нас свела судьба,
чтоб мы не знали счастья оба,
чтоб я познал удел раба,
а ты любви ждала до гроба?..

1985

БОЛЬ

Вологодчина, край заветный,
древнерусская сторона!
Красотой и душой — небедный,
духа гордого целина.

Ярославщины облик светлый
не померкнет в груди моей.
Днем над Волгой темнеют вёстры,
ночью звёзды сияют в ней.

Псков, Владимир, Воронеж, Суздаль,
Муром, Тула, Торжок, Тамбов...
Никакая на свете усталь
не погасит мою любовь —

эту твердость и эту силу,
что таится в моей любви,
эту жгучую боль за Россию,
не стихающую в крови...

1985

В ГОРОДЕ

Орёт за стенкой Пугачева,
а за окном завод гудит,
соседка — глупая корова,
сосед — кретин и паразит.
О, безотрадная картина!
Московских улиц трескотня!
Со всех сторон, как паутина,
хандра опутала меня.
Давно ль я пел в стихах о лесе,
о море бурном, о холмах...
Теперь сижу я, как в аскезе,
с тоской туманною в глазах.
Гарь заводская, выхлоп, грохот,
железный лягг на весь квартал!
Сам сатана вселился в город,
куда ни глянь — его оскал.
Осточертело всё до смерти!
Вот наказание — города,
где люди носятся, как черти,
туда-сюда, туда-сюда!
Поэзии живое слово
кто в этом шуме разберёт?
Орёт за стенкой Пугачева,
и вместе с ней сосед орёт.

1985

РЕКИ РОССИИ

Не поворачивайте реки!
Довольно с них беды иной...
Не может быть, чтоб в человеке
померкла боль за край родной.
Мы их травили и спрямляли,
сковав бетоном берега.
Спокойно ими затопляли
леса живые и луга.

В алмазах льда, под шубой снега,
еще не зная этих ран,
Двина, Печора и Онега
текут неспешно в океан.
Окружены таежным лесом
и до неведомой поры
не уничтожены прогрессом,
щедры на всякие дары.

Как долго им струей прозрачной
под небом Севера сиять?..
И кто решился мыслью мрачной
теченье их направить вспять?
Судьба такая волей чьею
им предначертана была,
чтоб чистотой платить своею
за чьи-то темные дела?

Россия, Родина, Отчизна,
как пред тобой не прятать глаз?
И боль твоя, и укоризна
ложатся тяжело на нас.
И кровь так часто стынет в жилах
за жизнь твою и красоту..
Пока еще спасти мы в силах
родных истоков чистоту.

1985

XX ВЕК

Стальное небо расколосось,
и застучал по мостовой
свинцовый дождь. И золотой
над головой поднялся колос...
Мой век, предстал ты предо мной:
стальная воля, взгляд стальной,
стальные нервы, кости, голос,
бежишь — и чувствуешь спиной
стальные локти, плечи, когти,
что всех иных когтей острее...
Уже от грохота оглох ты
расплюснут тяжестью дверей
в метро стремительном, в трамвае,
стальной дорогою летя
и злобу ярую скрывая
в своей стальной груди, хотя
уж ничего ты не изменишь,
не повернешь движенья вспять
и никуда теперь не денешь
тоски в глазах... И вот опять
в людском потоке одноликом
спешишь куда-то всё быстрее...
А по проспектам с хищным рыком
бегут стада стальных зверей.

1985

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Поэма

Ее лесов безбрежных колыханье...
М.Ю. Лермонтов

I

Люблю осенний дождь
в вечернем полусвете,
когда бредешь один
аллеей золотой,
и кажется тебе —
уже никто на свете
здесь, на сырой тропе,
не встретится с тобой.

Бредешь один, шурша
опавшею листвою,
и хочешь, чтоб еще
продлился дивный час
дождливой тишины,
объятой полутьмою,
чтоб этот полусвет
прекрасный
не угас.

Что вспомнится тебе?
Тоска ли вдруг объемлет?
Иль некая печаль
разбудит боль души?
Но сердце не грустит,
оно покою внемлет,

и сладостный восторг
разлит во всей тиши.

Дождь шелестит в листве,
течет по темной хвое,
осенний мелкий дождь,
не знающий конца.
И небо надо мной —
размытое, седое,
но от холодных брызг
не прячу я лица.

И грезится, что мне
нет ничего дороже
счастливых тех минут
в вечерней полумгле...
Промокнув и устав,
домой вернусь, и всё же —
не в силах усидеть
в уюте и в тепле.

И я опять пойду
бродить среди деревьев,
застыну у пруда,
подернутого сном,
и буду вдаль смотреть,
где в сумерках деревня
подмигивает мне
малиновым окном.

И в этой тишине
не слышишь, как ни странно,
ни гула поездов,
ни грохота машин.
И думаешь — вот миг
единственно желанный,
и помнишь целый год
лишь этот миг один:

дождливый полусвет,
межлиственную просинь,
что тает на глазах,
переходя во тьму...

Я осенью рожден...
Как мне отрадна осень!
Как сладко слиться с ней
и сердцу, и уму!

Пусть годы утекут,
пусть я в своем скитанье
за тридевять земель
когда-нибудь умчусь, —
покуда вижу я
во мгле
ее мерцанье,
я родины своей
любить не разучусь.

Покуда на земле
она в лицо мне дышит
и свежестью своей
мне серебрит виски,
родную песнь лесов
душа моя расслышит
и не захочет знать
ни страха, ни тоски.

II

Я помню домик наш
в глуши пристанционной,
одним своим окном
он упирался в лес.
Цветущий и грибной,
и снегом занесенный,
о, сколько мир лесной
мне подарил чудес!

Он с первых дней моих
стал самой главной школой,
родительским крылом
и лучшей из книг.
Вникал я в шум его
то грустный, то веселый
и птиц распознавал
загадочный язык.

И с детских лет в меня
навек запасть успели:
дурман лесных болот
и скошенной травы,
крапивы горький дух,
осенний запах прели,
пуховых камышей
и сброшенной листвы...

Не потому ль, что я
крестьянского сословья, —
в себя впитал и вновь
я впитывать готов
спокойную красу
родного Подмосковья,
его лесных озер
и луговых цветов...

Кончался летний день,
и солнце красным шаром
висело меж берез,
даря холодный блеск;
и, будто изнутри
охваченный пожаром,
сквозь лиственную дрожь
просвечивался лес.

И я входил в него —
в примолкший, жутковатый,
повергнутый во мрак
за несколько минут.
И, непонятным мне
предчувствием объятый,
я ждал, когда во тьме
деревья оживут.

Я ждал, когда они
потянутся друг к другу,
когда одно из них
ветвями поведет;
листвою шелестя,
оно пойдет по кругу,
ну а за ним и все —
вольются в хоровод.

Качаясь широко
и крылья подымая,
они вокруг меня
закружат всё быстрее,
и к звёздным небесам
взлетит их песнь лесная,
и яркий синий свет
вдруг брызнет из-под пней...

Стою, заморожен,
не ведая испуга,
гляжу, едва дыша,
на танец их ночной...
Но кто-то за рукав
потянет к цепи круга,
лаская мне лицо
холодную листвою.

Захватит, увлечет
в неистовом круженье,
играючи, легко
поднимет над собой...
То время утекло...
И только в упоенье
всё так же я во сне
летаю над землей.

III

Я помню теплый дождь
в сентябрьской полудреме
осин, одетых в медь,
желтеющих берез...
Внезапно сжалась грудь
в неведомой истоме,
когда мелькнула прядь
льняных ее волос...

Ровесница моя...
Что было в ней такого?
До пояса коса
да глаз голубизна...
Ей о своей любви
я не сказал ни слова.

Но мне открылась вдруг
иная новизна.

Случайно ль вспомнил я
ненужную подробность?
Как знать... Но с той поры
я начал узнавать
в природе — и любовь,
и скрытую способность
сочувствовать, жалеть
и сопереживать.

Грустил я — и она
мне тихо отзывалась,
вдыхала в сердце мне
свечение доброты.
Когда ее душа
с моей душой сливалась,
то проникал я в смысл
нетленной красоты.

Как будто предо мной
вставал прекрасный облик,
что мудрость и любовь
земли
в себя вместил...
И чувствам молодым
я находил в ней отклик,
как из людей ни в ком
еще не находил.

Природа... Чистый свет
над головой струится...
Нет, друг у друга нас
теперь уж не отнять...
На этой вот земле
я должен был родиться,
чтоб мы всегда могли
друг друга сохранять.

Земля моих отцов,
российская равнина,
лесная благодать
и луговой простор! —

Где после гроз любых
приветят, словно сына,
единственное — что
мой не насытит взор.

Пусть праздные слова
теперь звучат нередко,
но сознает земля,
кто не изменит ей...
Всей плотью, всем собой
и всею кровью предков
навек я сращен
с родной землей моей.

IV

Вновь накатили вы,
мои воспоминанья.
Не тороплюсь ли я
итоги подводить?
Иль это грустный дождь
и трепет увяданья
смогли во мне на миг
печаль разбередить?..

Но сердце не грустит,
оно покою внемлет.
О прожитых годах
в нем сожаленья нет.
Взгляд по́ небу скользит
и радостно приемлет
дождливой тишины
осенний полусвет.

Дождь шелестит в листве,
течет по темной хвое,
и так приятно мне
разглядывать с тропы,
как рассыпает клён
круженье золотое,
как сбрасывают медь
безмолвные дубы.

Бреду один, шурша
опавшею листвою,
и у судьбы прошу,
чтоб не кончался час
осенней тишины,
объятой полутьмою,
чтоб этот чистый свет
в душе моей не гас.

1985

* * *

Растрачу я весёлость
в прижизненном скитанье,
но грустный взгляд и голос
кому-то в оправданье
оставлю на прощанье,
не ведая ответа,
и встречу увяданье,
как сладкий час расцвета.

Не будет мне прощенья
у тех, кто строго судит,
но только сожаленья
в душе моей не будет.
Ведь это мирозданья
спокойное дыханье:
расцвет и увяданье,
расцвет и увяданье...

1986

* * *

Т. Глушковой

За что тебе судьба такая —
болезни бесконечной муки?
Опять, плечами поникая,
к лицу ты прижимаешь руки.

Ты рождена не для страдания.
И светел он, твой дар небесный.
Вся жизнь твоя как ожиданье
чудесной сказки неизвестной.

Там васильки такого роста,
что шмель жужжит над самым ухом...
Там нет отчаянья сиротства,
и степь сладка полынным духом...

Но жизнь несла одни утраты
и по глазам с размаху била.
И слёз так много пролила ты
за то, что Родину любила!

Пусть сказка дымною поземкой
занесена в дороге мгlistой...
Твоей поэзии негромкой
неисчерпаем голос чистый.

1986

* * *

Ко всему привыкнуть можно,
ты привыкла к острой боли
в теле и в неосторожном
сердце, бьющемся в неволе,
под прицелом глаз ничтожных,
в трескотне чужих фамилий,
на пределе всех возможных
человеческих усилий.
Как судьба тебя травила,
как болезнь тебя сгибала!..
Безотрадно — всё, что было.
Безутешно — всё, что стало.

1986

* * *

...И летит во мгле, пронзая
пустоту широт астральных,
словно капля голубая,
шар земной меж звёзд печальных.
Как слеза из глаз Вселенной,
в мирозданье безответном —
то в вечерней дымке пенной,
то в сиянье рос рассветном.
Никого во мгле не слышно,
ничего кругом — живого,
с звёзд, застывших неподвижно,
не доносится ни слова.
Может, он, объятый мглою,
среди миров, себя не спасших,
был последнею слезою
из очей давно погасших.

1986

КОЛОДЕЗНАЯ ВОДА

Она в глубокой тьме таится,
чистейшей свежести водица.
В народе названа — живой.
И на Руси была — святой.

От солнца прячется в кринице,
в его лучах не серебрится.
И эта вечная вода
не замерзает никогда.

Но коль над нею наклониться,
увидишь звёзд далеких лица.
Хоть днем на небе не видны,
но в ней они отражены...

А рядом реченька струится —
ее печальная сестрица,
на всех изгибах спрямлена,
темна, безжизненна она.

Не то что люди, даже птица
боится из нее напиться.
Она, вводя в тоску и страх,
течет в бензиновых кругах.

Прозрачной свежести водица
в подземной глубине таится,
храня упорно для людей
целебность чистоты своей.

От света прячется в кринице,
в лучах небес не серебрится.
Хоть днем на небе не видны,
но звёзды в ней отражены...

1986

СЛОВО

Сгорает лишь то,
что подвержено тленью.
Забудется всё,
что подвластно забвенью.
Но душу всего
беспредельно живого
в себе сберегает
бессмертное Слово.
Одно лишь оно
негасимо извечно.
И звёздная жизнь
перед ним скоротечна.
Всё канет во тьму,
но когда-нибудь снова
наш мир воскресит
жизнетворное Слово.

1986

НЕНАВИСТЬ

И ненавидите вы нас...

А.С. Пушкин

Они ненавидят Россию
за горы, поля и леса,
за реки ее голубые,
за травы и небеса.

О, как же *они* ненавидят
ее непогибший народ,
которой не мстит за обиды
и Родины не предаёт!

За то, что любви не взыскует
и прошлое помнит своё,
за то, что еще существует, —
они ненавидят её.

И стоны, и вдовьи рыданья
сторицей отплатятся ей,
все раны ее и страданья
их только озlobят сильней.

Жестокости *их* не убудет:
хоть трижды распнут, но опять,
покуда себя не забудет,
всё будут ее распинать.

1986

* * *

Детство, да было ль оно? Или это
сон мне привиделся в сумраке лета?
Словно в звенящую даль утекло
юной души голубое тепло.

Синих лугов сладкозвучное пенье,
плавное сокола в небе круженье,
темного леса прохладная дрожь —
всё промелькнуло. Нигде не найдешь.

Что же ты видишь теперь пред собою? —
дыма окутан густой пеленою,
ввергнут в поток нескончаемых дел...
Разве такого ты счастья хотел?

Ясно и то, что тебя ожидает.
Лист одинокий по ветру летает,
в свете фонарном печально горя,
в землю вмерзает во мгле ноября...

1986

* * *

Лунный свет, как серебряный дождь,
проникает в окно сквозь гардину.
Унимая знобящую дрожь,
мягкой шалью ты кутаешь спину.

И глаза твои странно блестят,
отражая полночную лунность.
Устремляешь болезненный взгляд
то ли в старость свою, то ли в юность...

Ты сидишь в темноте у окна,
притянув к подбородку колени,
в безответной квартире — одна,
против собственной сжавшейся тени.

Как так вышло, что нет никого,
кто б обнял эти хрупкие плечи?
Не хватает тепла своего,
чтоб забыть о несбывшейся встрече...

А ведь был он, кто милою звал,
кто, еще не виновный в измене,
наяву и во сне целовал
эти руки и эти колени.

Быстро гаснет любовь без любви.
Долго длятся осенние ночи.
Сорок лет — это холод в крови
и прозревшие грустные очи.

И серебряной стружкой луна
протекает к ногам сквозь гардину.
Не уснуть. Ты сидишь у окна,
в шаль пуховую кутая спину.

1986

СТАРЫЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Зеленеет буйно старый сад,
и над ним с утра неугомонно,
надрывая душу, голоса
городские жители — вороны.

Яблони роняют лепестки,
и сирень тоскливо отцветает.
Выхлопному смраду вопреки
здесь медвяный хмель благоухает.

А когда в сиянье фонарей
меж ветвей ночная тьма клубится,
настоящий звонкий соловей
выдает коленца над столицей.

Щелкает, залиvisto свистит,
и выходят люди на балконы,
полквартала в этот час не спит,
вглядываясь в ночь заворожённо.

Ты откуда, милый, взялся тут,
у проспекта, что гудит всечасно?
Где моторы бешено режут —
песнь твоя нелепа, но прекрасна.

Ты подольше не смолкай, певец!
Мы сомкнем глаза лишь утром ранним.
Сколько ты иссохшихся сердец
заставляешь биться с замираньем!

Как отвыкли мы от тишины!
Как привыкли мы к ударным звукам!

И теперь живую песнь весны
уловили утомленным слухом.

И машины грохотом ночным
заглушить не могут чудной трели,
и заводов тает черный дым,
и дитя стихает в колыбели...

1986

БЫЛЬ

За что нам на этой планете
на звёзды с тоскою смотреть?..
Три главных печали на свете:
родиться, прожить, умереть.

К чему оставаться бессмертным
на брошенной в пропасть Земле?
Привыкнув к несчастьям несметным,
спасемся ль в пыли и в золе?

На что мы потратили время
клокочущих жизнью веков,
топча благодатное семя
шипами стальных каблуков?

Но всё же оно прорастало
сквозь гордые наши сердца
и нас доброю питало
под свистом плетей и свинца.

Мы с корнем его вырывали
в упорном познатье своем,
и ядом его поливали,
и жгли преисподним огнем.

А семя в земле прорастало,
всходило, листвою светя.
Побегом и деревом стало,
на желтом ветру шелестя.

Но, верные духу познания,
в его мы проникли нутро

и, цепь разорвав мироздания,
разъяли на части ядро.

И вздрогнула звездная сфера,
и воды качнулись до дна...
Злорадный оскал Люцифера
в тот миг отразила Луна.

И начало солнце крениться,
сияньем смертельным блеснув,
и замертво падала птица,
и рыба всплывала, уснув.

Уж лучше свой разум отвергнуть
чем в жизни такое узреть!
И дерево начало меркнуть,
листвой засыхать и чернеть.

Законы разъяв мировые,
забыли мы черную быль,
где прежние дети земные —
зола и бесплодная пыль,

где дух одинокий изгнанья
устало вздохнул о Земле...
И яблоко с Древа познания,
свистя, промелькнуло во мгле.

1986

РАЗЪЯТЫЙ МИР

Не разнимайте мир на части,
пусть будет он таким, как есть.
Сдержать распад не в нашей власти,
и неизбежных бед — не счесть.

Нас ввергнет в муки роковые
с природой глупая игра.
Все связи рухнут мировые
за расщеплением ядра.

Не расщепляйте вечный атом,
не разрушайте вещество,
в нем, только в целом, в неразъятом —
всей сущей жизни торжество.

Всесилье в нас вдохнет вития,
и силой дьявольской тотчас
освобожденная стихия
рассеет в пыль ничтожных нас.

С природой горького разлада
мы не боимся до поры...
Но за реакцией распада
всё полетит в тартарары!

1986

УЕДИНЕНИЕ

I

Аллеи Братцевского парка
прямы, тенисты и тихи.
Полянок травы блещут ярко,
овраги — в зарослях ольхи.
Воздушный тополиный хлопок
летит, не чувствуя земли...
Средь извивающихся тропок
аллеи стройно пролегли
над кольцевою автострадой,
над речкой узенькой... Они
мне стали грустной отрадой
в мои нерадостные дни.
Когда брожу я в парке этом,
в его вечерней тишине,
и небо темно-синим светом
сулит успокоенье мне, —
все растворяются невзгоды,
что в сердце я сюда принес,
в живом дыхании природы —
в чуть слышном шелесте берез...

II

Деревьев шепота не слышно,
не вздрогнет ни один листок,
застыли облака недвижно,
и погружен во тьму восток.
И одинокий голос птицы
над рощей постепенно смолк.
Росою кое-где искритя
травы темно-зеленый шелк.

Но все же кто-то неусыпно
за этой тишиной следит,
он меж деревьев ходит скрытно
и в ночь пронзительно глядит...

III

Там чудеса...
А.С. Пушкин

Люблю вечернюю порой
глубь затихающего леса,
когда клубится предо мной
тумана дымная завеса.
С неясной странностью люблю
деревьев темных окруженье,
и взглядом пристальным ловлю
ветвей внезапное движенье.
И всё мне кажется: вот-вот
я встречу сказочное что-то,
русалка за руку возьмет,
заманит леший на болото...
Кто это съежился на пне?
Чьи там глаза блестят в тумане?
Трепещет сердце, страшно мне!
А сумрак всё сильнее манит...

1986

В РАЗВАЛИНАХ

Ст. Куняеву

Теперь — бурьян, тоска и запустенье,
где прежде были дивные дворцы,
здесь красоты угасли образцы,
здесь входит в душу страх и омертвенье.

Вокруг — репей, чертополох, крапива,
береза ствол пускает из стены,
вороны гнезда выют, галдя счастливо,
а вдоль ограды — грязь и валуны.

Не верится, что здесь балы давали,
что черное болото — бывший пруд,
где лебеди когда-то зимовали,
а нынче — и лягушки не живут...

Кому в пустых продутых колокольнях
приятен ветра заунывный гул,
не звон воскресный праздников престольных,
а только пыли вихревой разгул —

те связь души навеки расторгают
с природой светлой и землей родной.
Где красоту в холодный мрак ввергают,
там лед и тлен зовутся красотой.

1986

УДЕЛ

Трудись и ни о чём не думай,
простой рабочий человек,
и не взирай с тоской угрюмой
на этот лживый, подлый век.

Тебе внушили, что зазорно
красиво и богато жить
и что обязан ты покорно,
бесстрастно свой удел сносить.

Тебе вдолбили, что почетен
твой бесконечный, нудный труд,
что должен тихим быть в расчете
на однокомнатный уют.

А те, что это нам внушают,
брильянты носят на руках,
на черных «Чайках» разъезжают,
давно живут в особняках.

Но всё ж об этом ты не думай
и на судьбу ты не пеняй.
И за станком с тоской угрюмой
свой план спокойно выполняй.

1986

* * *

Ломает ветер ветви тополей,
сгибает липы и листву срывает,
дождь моросит... Душе всего милей,
что непогода небо затмевает.

Меня опять охватывает грусть,
и назревает странное волненье...
Мелодия стиха слетает с уст,
становятся иными слух и зренья.

Я словно погружаюсь в нежный сон
и проникаю взглядом за пределы
обыденных явлений, слышу звон
полей и вижу лес оцепенелый...

Мне ветер песню тихую поет,
и шепчут тополя о сокровенном,
и мокрых листьев медленный полет
свободно льется в этом сне мгновенном...

1986

ТИШИНА

Полями брожу на закате
притихшего летнего дня.
Деревья далекие — в злате
залившего запад огня.
Витают над нивой волнистой
померкшие души цветов,
и клевера запах душистый,
и дух сенокосных лугов.
Соцветья слетают под ноги,
едва лишь качнет суховею
осевшую пыль на дороге
и белый от пуха репей.
Кузнечики мерно стрекочут,
уж свежестью тянет с реки,
босые ступни мне щекочут
травинки и колоски...
Забыв суету заводную,
и город, и грохот его,
здесь чувствуешь землю родную
и кровное с нею родство.
И кажется: жизнь безмятежна —
спокойно и мирно живи, —
природа, нежна и безбрежна,
достойна добра и любви.
И здесь невозможно поверить,
здесь трудно понять и простить,
что где-то железные звери
готовы ее победить.

1986

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ

Уж зазвенел в колокола «Данилов»,
«Иван Великий» светится вдали.
Одна судьба героев породнила,
что в землю под одной стеной легли,

где «Симонов» сторожевою башней,
поросшею березами и мхом,
безмолвно плачет над бедой вчерашней,
что прокралась в наш горемычный дом.

Боль запустенья в душах ли ослабла,
иль мы от славы отступились тут?..
Ни Пересвет не думал, ни Ослябя,
что к их могилам люди не придут.

Уйдя отсюда, не вернешься снова.
...Кирпич стены от сырости набух,
и на костях героев Куликова
цветет репейник и растет лопух.

А в лопухах на беспризорной свалке,
где воздух горькой прелостью пропах,
вальяжно бродят городские галки,
тревожа криком позабытый прах...

1986

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Вот и этот праздник угасает,
поржавели рощи от дождей.
Красный вяз прощальный взгляд бросает,
уходя тропинкою своей...

Все уходят по своим дорогам:
рыжий дуб и пестрый тополёк...
И в пути им вспомнится о многом,
потому что будет путь далёк...

Все уйдут, смахнув слезу украдкой,
с карнавала света и тепла,
разбредутся с грустной оглядкой —
кто куда, чтоб вьюга не нашла...

Я останусь подметать лоскутья,
собирать последние дары,
жечь листву опавшую и прутья,
ждать всю зиму радостной поры...

И придут их строгие собратья
наш дворец остывший сторожить...
Буду в прятки с холодом играть я,
с нелюдимою вьюгою дружить...

До поры, когда в своих нарядах
вновь придут друзья на карнавал...
И увижу я в их нежных взглядах,
как о встрече каждый тосковал...

1986

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Россия — Млечный Путь
моих скитаний вечных,
который никакой
длиной не измерим.
Средь россыпи ночной
миров межзвёздно-млечных
России светлый путь
душой не обозрим.

Вселенная — она.
Сама себе планета.
Огромней всех иных —
безжизненных планет.
...Всё ль выскажу я ей
от ночи до рассвета?..
Всё ль скажет мне она,
когда придет рассвет?..

1986

* * *

Что ж, всего повидал я немало
среди российских печальных равнин.
С кем бы в жизни судьба ни связала,
всё равно я останусь один.
Я души никому не открою,
и, наверно, никто не поймет,
что за голос звучит надо мною
и о чем он мне тихо поет...
Кто мне грустное сердце тревожит,
кто ввергает в восторг и тоску...
Я о нем в этой жизни, быть может,
никогда рассказать не смогу.
Но ничто мне дороже не станет,
столько счастья и муки не даст,
и большее никто не обманет,
и страшнее, чем он, — не предаст...

1986

* * *

Ходит смерть за тобой по пятам,
но не верит никто и не видит
мук твоих — по бескровным устам,
и любой равнодушно обидит.

И одно лишь осталось — терпеть,
ждать минуты отхлынувшей боли
и в мгновение это — хотеть
и полета, и счастья, и воли.

Но врезается в тело, как нож,
эта острая, долгая мука —
и спасенья ни в чём не найдешь,
всё навязчивей с жизнью разлука.

Но летит за строкою строка.
Кто-то счёты с тобою итожит..
Медицина ничем не поможет —
только слово мое и рука...

Западают глаза глубоко,
их горячая мгла застигает.
Но как ни было б нам нелегко,
чем жива ты — никто не узнает.
До победы еще далеко.

1986

ДИТЯ ПРИРОДЫ

В городах — автолавины.
А на травах — слез роса.
Размножаются машины.
Гибнут звери и леса.

Гордый баловень свободы
губит землю, веселясь.
Человек, дитя природы,
разорвал с природой связь.

Что за дьявол в человеке?
В нём — с самим собой разлад.
Стонут горы, плачут реки,
птицы мертвые кричат.

Словно он в краю забытом
не землею был рожден...
Ставший вдруг космополитом,
в темный космос рвется он.

Что ж, летит он не напрасно
в чужеродной страшной мгле,
он лишь там увидит ясно —
что оставил на земле...

1986

ДОМ

Мой адрес не дом и не улица...

(Из эстрадной песни)

Наш адрес — не тайна, есть улица, дом,
где ивы склонились над чистым прудом.

Где ласточки гнезда под крышею вьют,
где — мать и отец, чистота и уют.

Наш адрес — не пыльных дорог трескотня,
он там, где скворечник стоит у плетня.

Где желтый подсолнух за солнцем следит,
где кот под окном на завалинке спит.

Наш адрес — ухоженный дедовский сад.
Нас письма не ищут, летя наугад.

У каждого — стены родимые есть,
там — пращуров корни, их мудрость и честь.

На том и держалась великая Русь.
Наш адрес не просто Советский Союз.

Он даже не стройка, не степь, не рудник,
но — крыша отцова и светлый родник!

1986

* * *

Мы — дети страшных лет России...

А. Блок

Мы жили в самом страшном веке,
стальной придавлены пятой,
когда людей, леса и реки
губили с легкостью лихой.

Мы правду знали понаслышке,
как, впрочем, и сейчас еще...
Мы между строк читали книжки,
в Отчизну веря горячо.

Но что осталось от России?..
Прозренья грозный пробил час!
Две мировых — отцов скосили,
а третья — захлестнула нас...

1987

ЗАТОПЛЕНИЕ

Здесь прежде колосилась рожь,
цвели гречиха, лён и клевер.
Теперь — и шагу не пройдешь:
залит водою русский Север.

Кругом — куда ни глянь окрест —
грязь по колено и болота.
Сгонять людей с исконных мест —
вполне привычно для кого-то...

А землю и жильё — топить,
чтоб не осталось и помина...
Русь велика, тут есть где жить,
она не то что Палестина...

И в берега печальных рек
вгрызаются стальные звери.
Ты вспомни, русский человек,
свои последние потери?..

Во имя древней той земли,
потопленной, той самой ради
здесь наши предки полегли,
не уступив врагу ни пяди.

Врагов же было тьмы и тьмы...
Не зная мира и покоя,
здесь жили прашуры. А мы —
теперь уходим, сдав без боя.

Уходим под эстрадный вой
в могилы, что себе отрыли...
На мирной третьей мировой
нас, усыпленных, покорили.

О Русь, надолго ль, навсегда ль?
Кто вновь за нас на битву выйдет?
Душа с тоскою смотрит вдаль
и там земли родной не видит...

Там из искусственных морей
торчат лишь остовы лесные
да колоколенки церквей,
как символы былой России...

1987

* * *

Как скучно видеть их несовершенство
и отрицать их глупость без конца,
знать, что для них сладчайшее блаженство —
лесть дурака и пошлость подлеца.
Им слов не жаль, слова — как легкий ветер,
как листьев сор, летящий на ветру...
Сегодня вы — единственный на свете,
а завтра — вдруг уже не по нутру.
Как скучно пустоту и флирт нелепый
оправдывать их тонкостью натур,
их эгоизму подчиняться слепо,
служить капризам откровенных дур.
Сочувствовать их жалобам бесщётным,
от всех забот земных — освобождать,
внимать с досадой чувствам мимолётным
и прихотям дешевым угождать.
Терпеть их истеричность, вредность, вздорность,
к обидам беспричинным снисходить.
Боясь никчемных слёз, впадать в покорность,
себе их бредом душу бередить.
И повторять им, несмотря на годы,
что всех они прекрасней и умней,
и без сомненья — высший дар природы...
Как им непросто жить среди людей!

1987

СУДЬБА

Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

М.Ю. Лермонтов

Поэт с собой уносит тяжесть
поруганного идеала...
Одна рука, одна и та же,
поэтов русских убивала.
Она всегда была проворной
и хладнокровной в высшей мере,
верна себе на речке Чёрной,
на Машуке и в «Англетере».
И не однажды будет точной...
Ведь ей без жертвы нет покою...
Разит она не в схватке очной, —
чужой, предательской рукою.
И Пушкин понимал всё это,
судьбу предчувствуя заране,
ту, что российского поэта
достанет даже в Тегеране...
И что б ни делал, где бы ни был,
он всех вернее знал в России,
что рок ему готовит гибель,
а пред судьбой и Бог бессилён...
Судьбой ему повелевалось
оставить подлость без ответа,
чтоб чёрной кровью не смывалась
кровь неотмщённого поэта...

1987

ПОЭТ

Нельзя не быть поэту гражданином.
Всегда гражданствен истинный поэт.
И в этом званье, имени едином
ему другого назначенья нет.

Да, стихотворцы разные бывают.
Но суждено погибнуть одному...
Не за стихи поэтов убивают,
а за любовь к народу своему.

Пусть пишет он хоть про цветы лесные,
пусть воспевает хоть заросший пруд —
в сердцах людских приметы дорогие
однажды всходы добрые дадут.

Не он глядит с обложек и экранов,
пускай другие лица там пестрят...
Он всех эстрадных наших горлопанов
честнее и гражданственней стократ.

С дешевой славой он не породнится,
ему от сладких западных щедрот
не застят глаз проблемы заграницы,
когда унижен собственный народ.

И променять Отчизну не посмеет,
хоть и признанья не дождется в ней.
Душа его навек запечатлеет
и красоту, и боль родных полей.

Ему не надо ни похвал, ни лести,
ему скучна тщеславья круговерть.
Поэт во все века — невольник чести,
за честь земли своей идет на смерть.

1987

ЛАТВИЙСКИЙ БЕРЕГ

Лирический цикл

Щедрый дар

Лиловый вереск,
изумрудный мох
и беспредельность
белизны песчаной...
И плоский берег,
выгнутый как рог,
сливается с водой
в дали туманной.
Всё гуще лес
и всё туман бледней,
а небеса и море
тёмно-сизы.
И прибалтийской осени
капризы —
природы щедрый дар
душе моей.
Одна коса
сменяется другой...
Как день пройдет в пути —
и не заметишь.
Идешь, идешь —
и ни души не встретишь.
Безлюдье, тишь,
блаженство и покой...

Цветы на песке

Пустынный берег
бесконечный,

крик чаек,
карканье ворон,
осенний сумрак,
ветер встречный,
в летящих тучах —
небосклон.
Бесшумно море,
иногда лишь
волна зеленая
плеснет..
Куда свой парус
ни причалишь,
тебя нигде,
никто не ждет.
И только видишь
берег белый,
да средь песчаных дюн
кусты,
да на песке
букетик прелый —
чужие
мертвые цветы...

Ночь

Луна над морем
штормовым,
маяк мигает
в отдаленье,
кипенье волн
и звёзд круженье
сквозь облаков
зеленый дым.
И, в лунном свете
серебрясь,
под небо
гребни волн взмывают,
пологий берег
размывают,
бурля, играя,
веселясь.
Всё блещет,
всё озарено...

Грохочут волны
громогласно!
И на ветру стоять
опасно,
и спать в такую ночь
грешно...

Шторм

Расходилось,
разгулялось море!
Ураганный ветер
слишком голосист!
В беспредельном,
штормовом просторе
надрывают душу
грохот, стон и свист.
Из тяжелых,
черных волн рождаясь,
заливает берег
белая волна,
словно бы от пут
освобождаясь,
норовит, как птица,
ввысь взлететь она.
Всё бушует:
море, лес и ветер,
рвет с деревьев листья
беспрерывный дождь...
Кажется, покоя
нет на целом свете,
и нигде приюта,
мнится, не найдешь...

Покой

Бездонной ночи
пустота,
маяк,
мигающий лениво,
прибрежных елей
немота,
густая чернота
залива.

Ненарушаемый
покой,
усталость
послештормовая...
Над бездыханною водой
иду,
ее не узнавая.
И странно мне:
еще вчера
она под небеса
взлетала,
кружась и пенясь
до утра,
всё на пути своем
сметала...

Сосны Райниса

Красноствольное
притяжение,
эта странность
их кривизны,
с морем
радостное сближение,
хвоя
цвета морской волны.
Что вы шепчете,
сосны Райниса?
К вам дорогу
я сам нашел.
Ели Пушкинских Гор
вам кланяются
и дубы
подмосковных сёл.
Сколько добрых чувств
ни растрчивай —
всё ж подарит свет
ясных дум
сосен Юрмалы
шёпот вкрадчивый,
Вологодчины
сосен шум...

Слияние

Люблю, когда ревут
могучие валы
и чайки высоко
кружат с тоскливым криком,
когда высоких сосен
красные стволы
качаются вблизи
с гудением и скрипом.
Когда свинцовых туч
стремителен полет,
когда они вдали
сливаются с волнами,
когда поток воды
на землю небо льет
и будто бы грозит
трескучими громами.
Как весело в тот миг
стоять на крутизне,
сливаясь всем собой
с безудержной стихией,
и знать, что стаи туч,
взгляд леденящих мне,
над Балтикой летя,
прольются над Россией...

Парусник

Небо нежно-голубое,
тёмно-синяя вода.
Этот берег
нам с тобою
будет помниться
всегда.
Тут скворцов приморских
стайки
зарываются в песок,
тут непуганные чайки
гомонят у наших ног
и, сверкая белизною
над сияющей водой,
уносимые волною,

манят в море
за собой,
где в лучах
искристо-ломких
горизонт, дрожа,
блестит,
где, касаясь
неба кромки,
алый парусник
летит...

Лиелупе*

Плакучие ивы,
зеленая тина,
реки тихоструйной
зеркальная гладь.
Куда бы ни плыть нам с тобой —
всё едино,
лишь только б друг друга
из глаз не терять.
Холодное небо,
вода ледяная,
рука серебрится
в прозрачной реке.
По Лиелупе светлой
от края до края
плывем мы, а весла
лежат на песке...
Несет нас течение
в лодке без вёсел,
вот так и по жизни
плывем, может быть...
Средь ив полусонных
и дремлющих сосен
до *выхода к морю*
всё плыть нам и плыть...

Облака

Это море
в душу мне войдет,

---

* Л и е л у п е — река в Латвии (произносится как Лёлупе).

я запомню,
как оно поет,
как висят,
приплыв издалека,
облака над морем, облака.
Я смотрю,
взобравшийся на холм,
как бегут
барашки белых волн
и воды касаются слегка
облака над морем, облака.
Этот шумный, пенистый прибой
навсегда останется со мной,
и, быть может,
черная вода,
мы простимся тоже навсегда.
Вспомню я,
и нежен, и угрюм,
этот гулкий,
бесконечный шум,
вновь увижу я издалека
облака над морем, облака...

Сигулда*

Ландшафтом горным окружен,
легенде старой тихо внемлю:
когда-то здесь
неверных жён
живьем
закапывали в землю.
Но даже верная жена
порой подвластна
подозрению...
Здесь не одна погребена
была по злomu наущенью.
Кто в жертву дикости принес
любовь,
тот сгинул, позабылся.
Родник невинных
женских слёз
сквозь камни грота
заструился.

---

* С í г у л д а — город в центральной Латвии.

К нему губами я приник,
солёный привкус ощущая.
И отразился в нём
на миг
живой фонтан
Бахчисарая...

В Домском соборе

Играй, орган,
печалься и рыдай,
лей над землей
торжественные звуки,
под купол белый
душу воздымай,
снимай с нее
все горести и муки.
Щуми, волнуй,
не умолкай, орган!
Вздыхает вечность
в каждой низкой ноте...
Здесь понимаешь:
суета — обман,
душа живет и любит
лишь в полете.
Играй, маэстро,
ты сегодня — бог!
Дай сердцу
чистой музыки напиток.
Еще мгновение
и еще глоток —
и я свободен буду,
словно птица...

Рига

Площадь Домского собора,
стреловидность красных крыш...
Я вернусь, мой друг,
не скоро
к тем камням,
где ты стоишь.
Ветер северный,
сентябрьский
продувает нас насквозь.

В старый город этот
райский
дай нам Бог
прийти не врозь.
Не для этого ль
возврата
нам кивнули
с высоты
разноцветные «три брата»,
башен черные коты?..
И в дороге нашей мглистой,
верю я,
не раз блеснет
в Даугаве
серебристой
отраженный небосвод...

Ветер Юрмалы

Ветер,
стремительный ветер,
сосны гибая,
свистит!
День —
ослепительно светел —
с ветром
пронзительно слит.
Льды
из открытого моря
гонит на берег
волна,
яркая
их белизна
блещет
на синем просторе.
Сосны
порывно шумят!
Небо и море —
Сияют!
Душу
ветра продувают
пятые сутки
подряд...

Расставание

Поезд желтый...
Отправленье...
И щемящая тоска.
Глаз печальных
откровенье,
и прощальная рука...
Уезжаю
и не знаю,
скоро ль
свидимся
потом...
Но в пути
к родному краю
вижу
за ночным
окном:
волны в снежных
пенных рунах...
И бегут,
бегут за мной
берег белый,
сосны в дюнах,
ветер с моря
ледяной...

1987,
Юрмала — Рига — Москва

* * *

Снился мне удивительный сон,
будто сплю я и вижу во сне:
я в томительный сон погружён,
и луна полыхает в окне.
Золотыми лучами она
надо мною окно золотит
и сиянье свое из окна
мне в глаза беспокойно струит.
Не очнувшись от сна своего,
я встаю, приближаюсь к окну
и не вижу во тьме ничего,
а глаза отражают луну.
И в слепящую мглу, в пустоту
я шагаю, и луч золотой,
подхвативший меня на лету,
поднимает над спящей землей...
Не с того ли так хочется мне,
лишь в окне засияет луна,
вот сейчас, наяву, не во сне,
сделать шаг из ночного окна?..

1987

* * *

Нет *им* прощения, Отчизна,
тем, плюнувшим в людские души,
кто шел к победе коммунизма,
всё лучшее в тебе порушив.
И вот, развал страны устроив,
устроив из нее помойку,
так ничего и не построив,
они взялись за «перестройку»...

1987

* * *

Седьмой десяток лет живем в республике.
Царь у России был, наверно, плох...
Избавились.
И наказал нас Бог —
страною стали управлять преступники.

1987

ВЫРУБКА

По утрам с тротуаров сгребают
кочья грязной пожухлой листвы...
Вековые дубы вырубают
на старинных аллеях Москвы.
Посвалили дубы, постарались,
и подстригли пустынный газон,
чтобы наши глаза упирались
в темно-серый асфальт и бетон.
Чтобы копоть машин, как зараза,
в нас проникнуть могла без труда,
чтобы к запаху смрадного газа
мы привыкли уже навсегда.
Всё слабее над нами, всё глуше
шум деревьев, дыхание рек,
чтобы наши иссохшие души
очерствели, померкнув навек.
Чтобы грохот и скрежет металла
поражал наш измученный слух,
чтоб эстрада сердца сокрушала,
притупляя природный испуг.
Чтоб последние чувства живые
в нас добил металлический рок...
Вырубают дубы вековые,
и всё гуще над городом смог.
Листья в пыльные кучи сгребают.
Утром город неон погасил.
Вековые дубы вырубают
те, кто храмы недавно сносил...

1987

* * *

Пусть ты во всем права,
а я — ни в чем не прав,
и лгут — мои слова,
и твой прекрасен нрав.
Ругай, кляни меня.
Опять уйду я — в ночь,
туда, где нет огня,
от страшных мыслей прочь.
От счастья, от любви
уйду я навсегда.
Ты больше не зови
меня назад, когда
лишь я ни в чем не прав,
а ты во всем права,
и мой ужасен нрав,
и лгут мои слова.

1987

* * *

Как я тебя не раз прощал,
прости мои грехи.
Прости за то, что посвящал
тебе свои стихи.

Не потому, что всё прошло,
и даже не затем,
что мы храним еще тепло
любви
на злобу всем.

Но оттого, прошу, прости,
что верною строкой
пытался людям донести
усталый голос твой.

И тем трудней меня сейчас
простить, как я прощал,
что строки грустные не раз
тебе я посвящал...

1987

* * *

Миг отчуждения
теперь уж недалёко.
Должны друг другу мы
всё худшее простить.
Зачем стремишься ты
так истово, жестоко
больней унизить словом,
отомстить?

Пусть чувство прежнее
уже давно остыло,
пусть память добрая
растает без следа...
За всё хорошее,
что между нами было,
я не отвечу тем же
никогда...

1987

* * *

Не верю, нас не развели.
Но кто-то празднует победу...
Уже я вижу, как вдали
укор идет за мной по следу.

А за тобой тоска ушла
вослед дорогою иною.
Но что же это столько зла
я слышу за своей спиною?

Зачем ты верила не мне,
но — подлым и ничтожным слухам?
Ведь нам гореть в одном огне
за всё, что сделали друг с другом.

Ведь мы зачем-то сведены
судьбой, придя на землю эту,
не раз друг другом прощены
за всё, чему прощенья нету...

1987

* * *

Они придут в твой дом
с угаром новостей.
Меня не будет в нём —
в кругу твоих гостей.
Они — тебе друзья.
Но в лицах тех друзей
бездушие видел я
и подлость всех мастей.

1987

* * *

Не бойтесь, я вам не скажу
ни слова горького упрёка.
И слёз ночных не покажу,
они уйдут со мной далёко.
И лишь одно трудней всего
понять мне было рядом с вами —
что лучше, если б ничего
я не умел сказать словами,
что лучше, если б глух и нем
я стал, угробив чувства эти,
что лучше не было б совсем
меня для вас на этом свете...

1987

* * *

Эта горечь усталой земли
не иссякнет во мраке столетий.
Всё, к чему мы сегодня пришли,
не простят нам печальные дети.

Всё, что выбрали мы для себя,
будет нам бесконечным укором.
По истлевшей отчизне скорбя,
внуки век наш покроют позором.

Что с того, что любили и мы
и на Бога в душе уповали,
и что лучшие наши умы
нас к смертельной борьбе призывали!..

Целый век разрушали наш дом,
ну а мы прославляли разруху.
Да и ныне нам крикнуть о том
не хватает ни сердца, ни духу.

1987

КЛИЧ

Так защитим и храм, и кров!
Спасем Россию от... «жуков»!
Им русской крови надо.
Они — исчадь ада.

Кто не ослеп и не оглох —
разбейте цепи. С нами Бог!
А все, кто спит, — проснитесь
и за булат возьмитесь.

Спасали Русь немало раз.
И сила есть еще у нас.
Ряды теснее сдвинем,
с плеч эту сволочь скинем.

Они три шкуры с нас дерут
и сладкий яд нам в душу льют,
чтоб мы про всё забыли
и отчий край пропили.

Услышьте рек и пашен стон!
Леса — сплавляют за кордон.
А там... «жуки» другие
жрут боль и свет России.

Очнитесь, Родины сыны,
испейте горечи вины
пред русскою землею
и верою святою!

1987

ОТСИДЕВШИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Арестуют, конвоируют,
упекут на двадцать лет,
после — реабилитируют:
мол, вины твоей тут нет.

И живи потом с сознанием
справедливости суда
и с невольным оправданием
семижильного труда.

А другим — могилы выроют,
расстреляют полстраны,
после — реабилитируют:
мол, убили без вины.

И найдут причины веские,
скажут: Сталин виноват,
ни при чём тут власть советская
и партийный аппарат.

Власть народная, природная,
лучше не было и нет..
Верь, настанет жизнь свободная
через двадцать горьких лет.

Ну а коль во сне причудится
Френкель, Фирин, Раппопорт, —
каждый пусть тебе забудется,
их нам выдумал сам черт.

Не взирай на мир потерянно,
не желай судьбы иной

и смотри вперед уверенно —
там маячит рай земной.

Ну а если «делать жизнь с кого»,
отсидевши двадцать лет,
то — с Дзержинского, Менжинского,
как сказал один поэт.

1987

ТРИПТИХ

Не дай мне Бог сойти с ума.

А.С. Пушкин

I

Куда судьба меня влечёт,
к какой могиле?
Забывать ее кровавый счёт
я впредь — не в силе.

Стал стариком я за три дня
душой и телом.
Не будет прежнего меня
на свете белом.

Погасли мысли и глаза,
и на ресницах
слёз беспросветная роса
не испарится.

14 августа 1987

II

Еще борюсь, еще держусь
за эту землю.
Пока еще от сердца грусть
я не отъемлю.

Пойму у роковой черты:
всё — понапрасну.
Сожгу я прошлые мечты,
душой погасну.

Ни в чем спасенья не найду,
сны — бесполезны.
И молча ринусь в пустоту
разверстой бездны.

15 августа 1987

III

Прижали голову к земле,
нет сил подняться.
Лицо измазано в золе,
глаза слезятся.

Глупец, еще надеюсь я —
всё поправимо...
Но равнодушные друзья
проходят мимо.

Каблук железный бьет мне в бровь...
Бить не умеет...
И на ладонях чья-то кровь,
блестя, чернеет...

16 августа 1987

* * *

Что случилось со мной?
Что случилось со мной?
Кто ответит мне, друг?
Кружат черные дни
над моей головой,
в сердце — смертный испуг.

Смотрят в землю глаза,
головы — не поднять,
в пальцах — нервная дрожь.
Жгучей боли не снять
и тоски не унять,
и отчаянье — сплошь.

Не узнает никто
этих слёз, этих мук —
их в себе затаю.
Помоги мне спастись,
мой единственный друг,
я стою на краю...

1987

ГОД ПОЛЫНИ

Пронеслась над нами черная звезда
и хвостом своим коснулась нашей сини.
Потекла по рекам смертная вода,
за бедой другая катится беда —
эти слёзы Украины и России.

Эти слёзы не просохнут никогда,
нам в сердцах не растопить морозной стыни.
Всё кружит над нами черная звезда,
и течет по рекам смертная вода,
и свистит убийца-ветер. Год Полыни.

Плачь, Россия, плачь, былинный Киев-град,
над покоем зеленеющей пустыни,
где отравленные яблони шумят
и малиновки по-прежнему звенят,
да покинули их люди. Год Полыни.

Мы оплачем этот новый Черный год,
и судьбу свою, и мертвые святыни.
Но какое испытанье ни грядет —
всё равно его никто не ответит.
Век двадцатый — безутешный Год Полыни.

1987

* * *

Я умру, а кто осиротеет?
Разве только тихая звезда.
Чуть заметным холодом повеет
от реки — и зарядит вода.

Память сердца, будь со мной повсюду!
Далеко ли, близко ли уйду —
ни в каких мирах я не забуду
ни луга родные, ни звезду.

Боль моя, прими в свои объятия
запах трав и шорохи дерев.
Там, на небе, буду тосковать я
по лесам, без них осиротев.

И боюсь, что в том краю безгласном
будут руки и глаза — пусты,
что в полете вечном и напрасном
ни травы не встречу, ни звезды...

1987

* * *

Моя убийца — коммуналка.
Здесь никому других не жалко.
За стенкой пьянка день и ночь,
и мне терпеть ее невмочь.

За стенкой — дикий вой и визги,
там крутят западные диски.
И душу надрывает рок.
Как до сих пор я жить здесь мог?

Но для меня став сущим роком,
кому-то может выйти боком
бесчеловечный, мерзкий рок,
сулящий мне суму и срок...

1987

ЭСТРАДА

О чём смеешься ты, эстрада?
Чему так безоглядно рада?
С каких ребяческих утех
твой лошадиный, плоский смех?

Со сцен хихикают, как бесы,
всех рангов и мастей дантесы,
и сотни мерзких чертенят
с экранов дико голосят.

Твоя великая блудница
на всю страну, как дьяволица,
похабным голосом орет,
презрев несчастный наш народ.

И стало ясно мне, эстрада,
что ты печалям нашим рада,
во все на свете времена
так хохотал сам сатана.

Нечистых оргий излиянья —
ужимки эти и кривлянья.
Коль смерти мгла накроет всех —
останется лишь этот смех...

1987

* * *

Всё чаще страшно мне и горько
молчать наедине с собой.
Уже не верю я нисколько,
что жизнь пойдёт стезей другой.

Уже не верю я, что где-то
избавлюсь от душевных мук,
что песня лучшая не спета,
что Бог меня заметит вдруг.

Не для меня приобретение
того, чем этот мир хорош...
Но мне — в висках сердцебиенье
и в пальцах — гибельную дрожь.

Мой крест — всю жизнь искать покоя,
на миг впадая в забытьё,
клясть до могилы зло людское
и одиночество своё.

1987

* * *

Эта осень похожа на путь мой вдали,
потускнели глаза и цветы отцвели.
Седина — в волосах, на ветвях — желтизна,
а дорога моя холодна и темна.

Вновь пойду я куда-то по грустной земле
и растаю в осенней сырой полумгле,
не увидит никто из оставшихся тут,
как в метель по сугробам меня уведут..

И накроют снега этот голос навек,
будут волосы — снег и глаза будут — снег.
Эти слёзы мои — будут искорки льда.
И назад я уже не вернусь никогда.

12 сентября 1987

ПРОЩАНИЕ

Чего я ждал? О чём я пел?
Кому всё это нужно было?
...Твоя рука бела, как мел,
глаза в окно глядят уныло.

А там — осенняя пора,
тоскливый праздник увяданья.
И нам с тобой давно пора
сказать хоть что-то на прощанье.

Но как сказать, когда слова
беззвучно застревают в горле?
И оба держимся едва,
чтоб не усилить наше горе.

А за окном, а за окном
холодный ветер небо студит.
Еще чуть-чуть — и этот дом
таким чужим и лишним будет

тебе и мне, когда уйду,
и в темноту рванут колеса...
Я взгляд померкший отведу,
чтоб не прочла ты в нем вопроса.

Ты двери крепче затвори,
стань осторожнее и строже,
молю тебя, не говори:
«Я буду ждать», — не дай-то Боже!

Быть может, все до одного
смогу я вытерпеть страданья,
но нет страшнее ничего
тебе такого ожидания.

Не жди меня...

13 сентября 1987

* * *

Не узнает никто, сколько тихой любви
я пронес по земле в непокорной крови.

Не узнает никто, сколько истинных слёз
и в глазах, и в душе по земле я пронес.

Не узнает никто, сколько радостных сил
я впитал от земли и в себе схоронил.

Не узнает никто, сколько мыслей и грёз
с этой грешной земли я с собою унес...

14 сентября 1987

ПРОЛЕТАРСКОМУ ПОЭТУ

Не знал он силы слов
и был пустым набат,
которым он гремел
бесстрастно и уныло.
Слова его, как дым,
летающий наугад,
рассеялись, ушли,
истаяла их сила.

Когда б набат гудел
по небесам родным,
по взорванным церквам
расстрелянной Отчизны,
когда бы всей душой
святыням вековым
поэт принадлежал
в жестокой этой жизни,

тогда бы сам народ
сказал о силе слов
и жертвенной любви
поэта и пророка,
чей голос сквозь века,
презрев эстрадный рёв,
звучал бы над землей,
не замечая срока.

1987

КАЗНЬ СЕРДЦА

Глупое сердце, не бойся!

С. Есенин

Со свободой, как с жизнью, прощаюсь.
И о счастье уже не молюсь.
Словно в омут с обрыва бросаюсь.
На судьбу роковую — не злюсь.

Что же делать, коль нет оправдания
в этой жизни всем жертвам моим?
И признанья мои, и рыдания
безразличны губам дорогим.

Грудь себе разорвав, как рубаху,
слышу сердца усталый укор.
Но его я бросаю на плаху,
и над ним поднимаю топор.

24 сентября 1987

* * *

Этой ночью, как перед дуэлью,
не могу уснуть.

Ты какому привороту-зелью
мой подвергла путь?

Ты такой ценой берешь в свой омут,
что не встать с колен...

Отчего же мне, а не другому
этот выпал плен?

Этим утром кто из нас погибнет?

Кто спасенья ждет?

Входишь ты — ни пол, ни дверь не скрипнет.

Так лишь смерть идет.

24 сентября 1987

* * *

До сих пор не жизнь была, а шутка.
А теперь она пошла всерьёз.
Скоро до того мне станет жутко,
что не хватит слёз.

И тогда я перестану плакать,
будет мне тогда не до стихов,
и в душе останется лишь слякоть
от беззвучных слов.

Если, друг, на жизнь ты смотришь гордо,
это значит — смотришь не всерьёз.
Но когда берет она за горло,
то — ни слов, ни слёз.

24 сентября 1987

ГРЕХ

Не жду приговора другого
за то, что с собою в борьбе
живое высокое слово
на службу поставил себе.

Я грех свой вовеки не смою
и — проклят на тысячу лет —
за той не погибну чертою,
где мне оправдания нет.

3 октября 1987

* * *

Всё самое лучшее в мире — было.
Всё самое худшее в мире — будет.
Что в душах людских не совсем остыло,
то будущий век навсегда остудит.

3 октября 1987

* * *

Мы всё перетерпим, Татьяна.
Нам доли другой не дано.
Поэтов смертельная рана
настигнет и нас всё равно.
Останемся духом спокойны,
исполним нам вверенный долг,
чтоб вражеский вой непристойный
над нашей землею замолк.

1987

* * *

Над моей головою сгущаются тучи.
И сильна безысходностью наша любовь.
Никуда не уйти от беды неминучей.
Ты к разлуке себя и к тоске приготовь.

Как нам хочется верить, что всё поправимо!
И, забывшись, еще улыбаемся мы.
Словно поезд вдали, жизнь проследует мимо,
не заметив меня в дебрях мертвой зимы.

Я живыми глазами увижу оттуда,
точно звёзды, — вечерние окна домов.
И на нынешний день посмотрю, как на чудо,
что встречал я в полете космических снов.

И оставшимся дням помашу я рукою,
и лицом упаду в припорошенный лёд...
Я от жизни хотел тишины и покоя,
и расплата за это с лихвою грядёт.

1987

* * *

Я сжёг дневник. Я не жалею.
Да-да, никто не должен знать
того, что я в стихах не смею
другому сердцу рассказать.
Я посвящал его страницы
подробностям унылых дней,
в нём — лиц случайных вереницы.
Нет в жизни ничего скучней.
Ту жизнь я выжег без остатка,
и вслед за нею сжёг тетрадь,
мне сознавать отныне сладко,
что жизнь назад не пролистать.
Да-да, я прожил жизнь не эту,
она не впишется в дневник,
мои стихи подскажут свету
ее какой-то краткий миг..
Огню причиной не бравада
и не суда людского страх.
Быть может, более, чем надо,
я о себе сказал в стихах.

1987

ДУША И РАЗУМ

Нет, не избегнуть нам признанья,
что взор наш к небу обращен.
Пусть атеизм вошел в сознание,
но в душу не проникнул он.
И что над нами в самом деле
нет высшей силы никакой —
мы разум приучить сумели.
Но что поделаем с душой?
...Сума, тюрьма, болезнь, могила
очертят безнадежный круг,
когда помочь уже не в силах
ни мать, ни женщина, ни друг.
В тот миг жестокий, безысходный
душа к кому устремлена?
Молчит покорно ум холодный,
когда полна мольбы она.
Но вот беда проходит мимо,
уже и след простыл ее...
И разум наш неутомимо
всесилье празднует свое.

1987

* * *

Отчего так долго длятся
горевые дни мои?
Я устал сопротивляться,
будь что будет, черт возьми...

Мне одно лишь остается —
душу выплеснуть до дна...
Что ж за жизнь свою бороться,
если жизнь обречена?

На судьбу махнув рукою,
в первый раз легко вздохну.
И на время успокою
боли звонкую струну.

Чашу горя понемногу
должен я до дна допить...
Если так угодно Богу,
что́ тут сможешь изменить?..

1987

* * *

Как тяжело, Господи, как грустно.
Зачем? — скажи. Зачем всё так?
Вокруг — и холодно, и пусто,
а на душе тоска и мрак.

И никому сказать не смею
об этой тяжести своей.
Как странно мне, что я умею
безмолвно уживаться с ней.

Не ведал я, как это горько
слезам пролиться не давать,
дней и ночей грядущих сколько
их суждено внутри скрывать.

Душа — отравленное море.
Не знать мне долго чувств иных.
Где слёзы — там терпимей горе,
куда страшнее — прятать их.

И хоть я грешен перед всеми,
я всё ж в себе покорно нёс
души погибельную темень
и груз невыплаканных слёз.

Ноябрь 1987

* * *

В любви невиноватых нет.
С тобой мы оба в ней повинны.
Твой взгляд моим не обогрет,
слова обид не беспричинны.
Связала нас одна вина,
что мы несем друг перед другом,
и на двоих беда одна
на души нам легла недугом.
Уже на свете никуда
от общей той беды не скрыться,
пусть разметают нас года —
она еще не раз приснится.
Но если чем и скреплены
мы будем в мире этом шатком, —
лишь горькой памятью вины,
что промелькнет в прозренья кратком,
как просвист жгучего свинца,
сквозящий меж тобой и мною,
и станет в жизни до конца
нас захлестнувшюю петлёю.

1987

* * *

О, как играет мной судьба!
Сжав горло мне рукой холодной
и превратив меня в раба,
казнит и милует бессечно.
То кинет в омут головой,
не дав надежды на спасенье,
и вдруг — увижу над собой
необозримых звезд круженье...
То даст увериться в себе
и — ввергнет сердце в муки ада...
Но, может быть, моей судьбе
лишь только этого и надо:
чтоб не осталось и следа
в душе от воли и покоя
и чтобы слышал я всегда
ее дыханье ледяное...

1987

* * *

Я виноват перед тобою.
Мне долго этот крест нести.
Затравленный своей судьбою,
я не сумел тебя спасти.

Со мной еще хлебнешь ты горя.
Не мой удел счастливым быть.
Меня сама ты бросишь вскоре,
чтоб жизнь свою не погубить.

И в том без всякого сомненья
права ты будешь пред собой.
Я у тебя прошу прощенья
за миг той встречи роковой...

Поверь, души твоей ненастья
мне высший не простит судья.
Да, в жизни ты не знала счастья,
и счастье дам тебе не я.

1987

УТЕШЕНИЕ

Пластинку возьму наудачу —
прольется забытый мотив.
И тихо о прошлом заплачу,
в ладони лицо опустив.

Но я не о том опечалюсь,
что всё безвозвратно прошло,
истлело, сгорело, промчалось,
сквозь сердце во мрак протекло.

В прогорклом душевном ненастье
я вдруг неизбежно пойму,
что сам убежал я от счастья
и счастья не дал никому.

Ни лет, ни себя — не жалею.
Всё снова начать — не хочу:
я чувство ничьё не согрею,
а сам полюблю — промолчу.

И новые годы — расстрочу,
свободу свою прокляня,
и тихо, как прежде, оплачу
всех тех, что любили меня.

Над музыкой светлой и плавной
безмолвные слёзы пролью.
Лишь грустной мелодией давней
утешу я душу свою.

1988

УХОД

I

Мне время настало уйти.
Прости, дорогая, прости.
Я прошлого не уберёг..
Как тяжёк твой каждый упрёк!

И все-таки я ухожу,
в глаза твои молча гляжу,
не смея лица отвернуть,
собой не оправдан ничуть.

Я кары достоин любой,
расправься как хочешь со мной,
любые швырни мне слова —
и будешь навеки права.

Зачем и куда я уйду? —
Туда, где совсем пропаду?
Навстречу ли новой беде?
Но счастья не будет нигде.

В ночи и в сиянии дня
пусть все позабудут меня.
Во тьме растворюсь навсегда,
дорогу покажет звезда.

II

Прости, дорогая, прости.
И руки мои отпусти.
Я нашей любви не сберёг,
истаяло сердце не в срок.

Я был бы остаться готов,
но властный мне слышится зов...
Меня ты казни иль прости,
я знаю, что должен уйти.

Я знаю — приду я туда,
где блещет ночная вода,
в которой звезда, как цветок...
Там сделал я первый глоток.

Там к небу губами приник,
и в душу там свет мне проник.
Ты видишь — теперь он угас,
и нет уж опоры для нас.

Расстаться настал нам черёд.
Меня неотступно влечёт
найти тот заветный исток,
чтоб сделать последний глоток...

1988

* * *

В серый туман ухожу по насыпи.
Рельсы упругие с двух сторон.
В мире не выпало места пасынку...
Шорох щебенки, поезда стон...

Черные шпалы и рельсы черные,
мой бесконечный, мой верный путь.
Грудью к земле захочу прильнуть —
белые кости растащат вороны...

Только в тумане мое пристанище.
Что ж я? Куда я? К кому? Зачем?
Срок мой погибельный не настал еще,
сердце обрушилось не совсем...

Там я останусь на веки вечные,
буду, невидим, на мир смотреть.
И поезда мне расскажут встречные,
сколько я рук не успел согреть.

Знаю — оттуда не возвращаются,
там от раскаянья — отрешись,
время, сны и года — смещаются,
перемежаются смерть и жизнь.

Мир никогда не полюбит пасынка.
Люди поверят — он просто пьян.
Скажут, что кто-то ушел по насыпи
в серый вечерний сырой туман...

1988

ЖИЗНЬ

Люди плачут, на свет появляясь,
точно жизнь им дана в наказанье,
словно с берегом дальним прощаясь,
знают — ждет их борьба и страданье.

Словно ведают: больше не будет
ни покоя, ни счастья, ни воли...
Скоро каждый из них позабудет
радость светлой и тихой юдоли.

Станут ложным учениям верить,
предавать, изменять, продаваться,
клеветать, доносить, лицемерить,
сластолюбивым грехам предаваться.

В ожиданье машинного рая —
будут строить плотины, заводы
и природу губить, утверждая:
человек — совершенство природы.

Но в деяньях своих воплотившись,
люди мир сей легко покидают.
И над ними угрюмо склонившись,
те, что здесь остаются, — рыдают...

1988

* * *

Сгорит звезда в ночном окне...
Мы сердцем опалим сознание.
И к нам, как будто в полусне,
подступит смертное признание:
всё в мире этом — пыль и прах,
но есть прекрасный миг единый,
когда с улыбкой на устах
смиримся со своей кончиной.
И нам покажется тогда
вся эта жизнь пустой затеей,
а дней прошедших маета —
чем суетливей, тем пустее.
Еще не скрывшись в той пыли,
внушим себе для утешенья,
что мы в сей грустный мир пришли
лишь ради этого прозренья.

1988

ГЕРОЙ

Он долго курил перед боем,
окутанный дымом седым...
Не трудно погибнуть героем,
труднее остаться живым.

Он понял, что мертвому — легче.
Он больше страдать не хотел.
Пронзая, рубя и калеча,
металл над землею свистел.

Устав от немого терпенья
на кровь и на муки смотреть,
решил он, что смерть — исцеленье
от горечи думать про смерть.

Тот лучшую долю изведал,
кто сгинул под вихрем свинца,
ведь там, за порогом победы,
страданию не будет конца...

Когда он поднялся в атаку,
то первым рванулся вперед,
бежал он, не чувствуя страху,
туда, где трещал пулемет.

Светясь как звезда, амбразура
волнующей силой влекла,
но пуля — известная дура —
его ни одна не брала.

Разрывы кругом грохотали,
гася атакующий вал.

Но пули — его облетали,
сражая других наповал.

Когда он в последнем усилье
закрыл амбразуру собой,
то пули сквозь грудь — проходили,
не стал им помехой герой.

Не знал он, под пули бросаясь,
в надежде покой обрести,
что, смертью от жизни спасаясь,
живых невозможно спасти.

1988

УХОДИТ ВРЕМЯ

Ищу в вечерние часы
успокоенья на природе,
а на руке моей часы
напоминают: жизнь проходит.
И жалко времени... Опять
в душе рождается смятение.
И днем волненья не унять,
и ночью нет успокоенья.
И не поделать ничего,
теченье жизни — тоже бремя.
Часы даны нам для того,
чтоб видеть, как уходит время...

1988

ЗА ЧТО?

Под общей тяжестью вины
мы в сердце ложь носили.
Лишь только б не было войны, —
себе мы говорили.
И отводили мутный взор,
когда с глухой сторонки
всей нашей трусости в укор
летели похоронки.
О горести своей страны
мы доблестно молчали.
Лишь только б не было войны —
себя мы утешали.
Но год за годом шла война,
не зная оправданья,
и, на позор обречена,
не ведала названья.
За что — не ясно до сих пор —
солдаты гибли наши?
Не за печальный наш простор.
Не за родные пашни.
И всем не слышно было нам,
как матери страдали.
Припавши к цинковым гробам,
за что они рыдали?
Гитары пели на броне,
не слыша вдовьих стонов.
И всё погибших на войне —
лишь двадцать миллионов.

1988

В ПОЛЯХ

Этот год седин умножил,
он еще свое возьмет..
Боже, как его я прожил?
Как я выжил в этот год?

Снова солнце в небе летнем,
снова я брожу в полях.
А казался мне последним
прошлогодний летний шлях...

По его прибитой пыли,
как и прежде, я иду,
на обочинах застыли
травы в сладостном бреду.

Жар полдневный отражая,
неподвижны облака,
только стрелки иван-чая
наклоняются слегка.

Я нагнусь, сорву ромашку
и спрошу в сиянье дня:
то ли смерть дала промашку,
то ль судьба спасла меня?

Но она головкой жёлтой
покачает мне в ответ:
мол, зачем сюда пришел ты,
иль другой дороги нет?..

Солнце жаркое высоко.
Поле яркой желтизны...

Я присяду одиноко
под кустами бузины.

Как ни будет в жизни трудно,
станет на сердце светлей,
лишь смогу вдохнуть всей грудью
эти запахи полей.

Лебеда, полынь и мята...
Лён, гречиха и овёс...
И уже не надо прятать
здесь своих открытых слёз...

1988

ЛИСТ

Капли стекают с деревьев.
Воздух июльский душист.
Падай на землю скорее,
мокрый оранжевый лист.

Что ж ты засох одиноко
в летней веселой листве?
Раньше печального срока
тихо истлеешь в траве.

Миг рокового рожденья
старостью стал для тебя.
Свет голубого цветенья
жаром наполнил, губя.

Братья остынут под снегом,
зálиты темной струёй.
С дымом — уж будешь ты небом,
с пеплом — ты будешь землёй.

Радость паденья всё ближе.
Тяга земли всё сильней.
Что-то знакомое вижу
в участи этой твоей...

1988

КТО ВИНОВАТ?

С каждым годом
всё выше успехи науки.
Ею досконально изучен
окружающий мир,
она классифицировала
все виды живых существ,
растений, клеток,
исследовала строение генов
и далеких звёзд.
Но каждый день
с нашей планеты
исчезает
один вид живых организмов...

1988

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Я верю
в существование высших сил.
А многие — не верят
и всё время доказывают
их несуществование.
Высший разум недоказуем.
Иначе
он перестанет быть
высшим.

1988

МУДРЫЕ МЫСЛИ

Не хочешь вертеться —
умей жить.
Сколько бы волк
ни смотрел в лес,
его надо кормить.
Яблоня от яблока
недалеко падает...

1988

ПАМЯТНИК ПАЛАЧАМ

Им мало жить богато и красиво,
очиститься от крови нужно им,
и памятник победы над Россией
стал дозарезу им необходим.

И многие опять увидят вскоре,
какую ложь мы к небу вознесли,
когда увековечат наше горе,
сбравши с нас несчастные рубли.

Запечатлеть навеки наши беды
хотят они, чтоб мы смирились тут...
И вот, взорвав народный храм Победы*,
могильный кол над нами возведут.

И будем мы с тоской и содроганьем
стоять под ним, как племя дураков,
не замечая в гробовом молчанье
ни подлых их насмешек, ни плевков.

И принесут сюда цветов корзины
потомки позабытых стукачей.
По-старчески согнув худые спины,
поплачут вдовы жертв и палачей.

Удачней места для победных оргий
и кутежей ночных им не сыскать...
Россия, Русь... Ну где же ты, Георгий!
Ну сколько ж нашу землю им топтать?!

---

* Храм Христа Спасителя, построенный на народные деньги во славу победы России над Наполеоном.

Мы были все на «стройках коммунизма»
в своей стране — как в лагерном плену,
как те — в двадцатом — «жертвы сталинизма»,
расстрелянные Троцким на Дону.

Не надо нас, коленопреклоненных,
забитых, возводить на пьедестал,
не отделив невинно убиенных
от тех, кто направлял и убивал.

И вновь кричу я голосом охрипшим,
бредя, как тень, в расстрелянной ночи:
ну кто же ставит памятник погибшим,
когда среди нас живут их палачи?!

Пропущенный сквозь костоломный жернов,
восстань, народ, унижен, сир и наг!
Не надо ставить памятника жертвам,
когда смеется за спиною враг.

1988

СОРОКАЛЕТЬЕ

Пришла пора — печаль сорокалетия.
Успел и помрачнеть, и постареть я,
хоть и не прочь казаться молодым.
Но жизнь моя уходит понемногу,
оглядываюсь на свою дорогу,
а там — лишь гарь и беспросветный дым.

Да, жизнь моя уходит понемногу.
К сорокалетию, грустному итогу
я подошел с усталостью в глазах.
Для всех чужим как был, так и остался,
и сколько б я ни ждал и ни скитался —
с мечтой своей не встретился впотьмах.

Уходит жизнь... Какою высшей мерой
за этот путь ее бесцветно-серый
наказан буду я в последний раз?..
И пусть она уходит понемногу,
ведь что-то в ней я сделал, слава Богу,
чем вымолю прощенье в судный час.

И пусть судьба все годы жгучей плетью
мне была по глазам, — к сорокалетию
ее улыбку вдруг увидел я:
когда мне смерть сказала об отсрочке, —
она дала на свет родиться дочке
и оправдала сущность бытия.

Ну что ж... Как видно, вовсе не напрасно
я брел во тьме. Пожалуй, жизнь прекрасна.
Не всем же — счастье встретиться с мечтой.
Но я еще под нею сердцем греюсь,
и я еще на что-то ведь надеюсь,
коль всё бреду куда-то за звездой...

1988

ЗАЧЕМ?

Зачем ты рвешься в космос, человек? —
в безлюдное астральное пространство...
Взгляни: на поле выпал первый снег,
и полон лес багряного убранства...

Но что так тянет в золотую тьму,
в немую пустоту и смертный холод?
И голоса, не внятные уму,
зовут туда, где белый свет расколот.

Нам не понять неистойвой тоски,
гнетущей душу с самого рожденья,
она всю жизнь, рассудку вопреки,
сжимает грудь и нет ей утешенья.

Зачем она волнует и влечет
к мирам, на зов не жаждущим ответить?
Туда, где нас никто давно не ждет,
где никого мы не желаем встретить...

1988

* * *

В небесах уснули сказки...
Я качу тебя в коляске —
проблеск в горечи моей, —
а тебе лишь двадцать дней.

До смешного удивленно
ты глядишь на белый свет.
Что ты скажешь мне, Алёна,
через двадцать быстрых лет?

Может статься, жизнь остудит
сердце мне к тем дальним дням
иль меня совсем не будет
к двадцати твоим годам...

Всё же что-то да случится...
Только чужд мне смертный страх:
вижу я — мой взгляд лучится
в голубых твоих глазах.

1988

* * *

Куда идти, когда кругом разруха?
Когда зола и пепел за спиной...
Я репродуктор слушаю вполуха,
что голосит призывно над страной.

Как я устал от лозунгов ударных,
сулящих рай на выжженной земле!
И глохну я от голосов бездарных,
и слепну в ядовитой дымной мгле.

Куда идем? — никто из нас не скажет,
лишь взгляд угрюмо отведем в ответ.
И всё мы ждем, что кто-то путь укажет,
куда пути нам не было и нет.

1988

* * *

Жизнь моя,
ты останешься тайной для всех.
След глубокий
покроет бестрепетный снег.
И никто
не прочтет этой книги судьбы,
все страницы ее
я сожгу без душевной борьбы.
Жизнь моя,
никогда ты не станешь иной.
Только — ночь,
только ветер и снег за спиной.
И зачем,
и зачем, чтобы кто-то узнал,
сколько слёз я пролил,
сколько светлых надежд растоптал?..

1988

УРОК

В своем величье гордом и убогом
угас народ под бременем оков.
Так было суждено России Богом —
распяты на звезде большевиков.

Вы, шедшие штыками брат на брата,
будёновки надвинув до бровей,
вы не мечтали, что придет расплата
за подлость вам подброшенных идей?

Ах, вам хотелось равенства и братства:
мол, коммунизм рассеет жизни мрак...
А вместо братства — черное богатство:
«кулак», барак, архипелаг Гулаг...

Ну что ж, под красным светом большевизма
не зря в окопах вы кормили вшей,
вы получили вдоволь коммунизма
и равенства — на нарах лагерей.

За что боролись, то оно и вышло.
И поздно плакать, хоть и жалко вас...
Ведь за Россию ваших слов — не слышно.
Куда страшней — ее никто не спас.

Но как ни горько, всё ж поверить можно —
есть справедливость высшая во всём.
Пусть видит мир, насколько безнадежно
идти российским гибельным путём.

Январь 1989

* * *

Ветер снег подымает в полях,
снег летит рассыпную поземкой,
горизонт в серебристых лучах
голубою горит окоёмкой.

Эта снежная пыль, как мука,
залепила хатёнки оконце.
Пробивается сквозь облака
молодое морозное солнце.

Здесь бродил я полгода назад
по траве и цветам придорожным,
это кажется мне невозможным —
так поля белизною слепят.

И белым здесь бело, и светло,
и тепло под сугробами нивам,
и блестят небеса, как стекло,
между туч темно-синим отливом.

Снежной далью наполнен мой взор,
той, где вьюга со свистом гуляет..
Лишь раздольный гудящий простор
все печали мои исцеляет.

С каждым годом сильней и верней —
что зимой, что малиновым летом —
посреди этих ярких полей
я себя ощущаю поэтом.

...Дремлют нивы в густой белизне,
растревоженным ветром продуты.
Жизнь моя, что́ готовишь ты мне
в эти сладкие сердцу минуты?..

1989

* * *

Лыж замечательней бег..
Падает, падает снег..
Замер бестрепетно лес.
В нем ото всех я исчез.

В этом беззвучном лесу
все я невзгоду снесу.
Лыжи, как крылья, несут..
Лишь от тоски не спасут...

Январь 1989

* * *

Неистребима сила естества,
и как бы ни крушили, ни травили —
вдоль тротуаров ластится трава
к машинной гари и бетонной пыли.

Куда ни глянь — всё по воде плывут,
блестя, разводы смрадные бензина.
И непонятно, как еще живут
в речушках щуки и в морях дельфины.

И неизвестно, чем спасемся мы
в круговороте дыма и отравы,
распотрошив долины и холмы,
изгадив рощи, вырубив дубравы.

Зачем ты в мир явился, человек,
не пожалевший ни реки, ни леса?
В наш беспробудный, в наш кровавый век —
заложник озверевшего прогресса...

Февраль 1989

* * *

Поглощены разоблачением
давно почивших палачей,
мы всё клянем с ожесточением
свой скорбный путь
в пылу речей.
Нас поношения крошечные
уже накрыли с головой,
и мы опять не видим,
грешные,
как прославляем культ иной.
Мечты и подвиги ущербные
отцов —
уже открыты нам,
покуда лживые учебники
еще пылятся по углам.
Но спэцы высшей категории
нас новой ложью обдадут.
Фальсификаторы истории —
взамен ушедших —
тут как тут...

Февраль 1989

* * *

Голубая кофта, синие глаза.

С. Есенин

Пасмурное небо,
темная вода.
Я к тебе приеду,
может, навсегда.
Золотые нивы,
синие дожди.
Ты меня увидишь —
скажешь: уходи!

Поселюсь я тихо
на краю села,
где густою тиной
речка заросла.
Буду из окошка
на тебя смотреть.
Знаешь, здесь не страшно
даже помереть.

И скажу однажды,
как бы невзначай:
истопил я печку,
заходи на чай...
Отвернешься гордо
на мои слова.
Серая дорога,
желтая трава...

Я же — терпеливый,
я же всё могу.

Под речною ивой
заглушу тоску.
Улетай, кручина,
уплывай, печаль.
Красная рябина,
голубая даль...

Февраль 1989

ПОСЛЕДНИЕ

Наша горькая забитая страна
на съедение буржуйам отдана.

А буржуи — иудеи-шулера,
фирмачи и торгоши, и маклера...

А буржуи — за бесценок и туфту
всё на Запад гонят нашу красоту.

Называют нас безмозглою толпой
и брезгливо кормят тухлой колбасой.

Чтобы свалку мировую сделать тут,
очень скоро нас со света изведут.

Очень скоро нас не будет на земле.
Мы — последние, последние, после...

Февраль 1989

КОЛДОВСТВО

О, как тихо в этот вечер,
как безгрешно и темно...
Я зажгу сегодня свечи
и поставлю на окно.
И во мраке отразятся
их дрожащие огни,
плавно стёкла заслезятся,
и кому-нибудь приснятся
золотые в прошлом дни.

Кто не спит — уж тот не ляжет.
Кто уснул, тому расскажет
свет дрожащий обо мне.
И, как дальняя зарница,
всё он будет золотиться
на моем живом окне.

Кто не спит — уже не ляжет...
Это пламя ей подскажет
распахнуть свое окно
и, накинув шаль на плечи,
погрузиться в нежный вечер,
где так тихо и темно...

Февраль 1989

* * *

Не затем я с тобою прощался,
чтоб опять навсегда уходить,
не затем я назад возвращался,
чтобы снова навек разлюбить.

И никто нам уже не поможет,
и никто среди вселенских забот
два разрубленных сердца не сложит,
от холодных ночей не спасет.

Между нами — постель, как могила,
непроглядная мгла и метель.
Но влечет безрассудная сила
в эту пропасть и в эту постель.

Вот стоишь ты у самого края,
ненавидя и грешно любя,
и бездонная пасть ледяная
поглотить уж готова тебя.

И навеки простившись со мною,
ничего не желая простить, —
с головой укрываешься тьмою,
чтоб очнуться и вновь разлюбить...

Февраль 1989

ИЗВЕСТНОМУ ПОЭТУ

Продавал ты и друга, и брата
и несчастных детей предавал,
вспомни всё, что кричал ты когда-то,
что ты клял и кого воспевал...

В той эпохе застойно смердящей
чем вскормил ты известность свою? —
ни любви, ни тоски настоящей
не познавший в родимом краю.

Отслужив на кремлевских паркетах,
ты и нынче, как прежде, хорош:
проклинаешь тобою воспетых,
но и в этом — по-прежнему лжешь.

Ты на сценах, бодрясь как мальчишка,
всё танцуешь на длинных ногах.
Как бельмо, всё торчишь и торчишь ты
у России в усталых глазах.

Всё о чем-то кричишь агрессивно...
Брось кривляться, пижон записной!
Неужель самому не противно
грязный кукиш держать за спиной?

Февраль 1989

* * *

Чужие мы с тобой, чужие,
уже давно чужие мы.
Глаза бесстрастно-ледяные
погасли в сумерках зимы.

И нет ни радости, ни боли,
что можно было б разделить...
И продолжаем поневоле
шутить, смеяться и грустить.

О, Боже мой, к чему всё это?
Земля уходит из-под ног..
И всё ж не надо нам ответа,
его не слышать дай нам Бог..

Того узла мы не развяжем.
Зачем всё это и к чему —
друг другу мы не перескажем
и не откроем никому.

Февраль 1989

* * *

И хорошо, и жутко
гулять в лесу ночами,

друг к дружке ели жмутся
широкими плечами.

А тьма небес играет
мерцающей звездой,

а лес всё глубже манит
усталой немотою...

Февраль 1989

* * *

Сказала: «Будь мне другом».
Я был повсюду им.
Любым твоим недугом
болел я, как своим.

Бросался безоглядно
я за тобой в борьбу,
хоть этим беспощадно
ломал свою судьбу.

Я был тебе слугою,
хранителем, пажом.
А за моей спиною
шипели все кругом,

хлестали грязной сплетней,
язвительной молвой,
что правит безответно
завистливой толпой.

Ты знала лишь отчасти
про многие мои
несчастья и напасти,
и горевые дни.

Когда в мой дом прокрáлась
жестокая беда,
с тобой соприкасалась
лишь тень ее следа...

Терпя, не допуская
ее на твой порог,
себя от зубоскальства
уже не уберег.

И слышал, не спасённый
от сердца долгих мук,
твой голос оскорблённый:
«Ты больше мне не друг!»

Но ты сказала: «Будь мне...»
Я *был*, как только мог.
И так еще закрутит
нас в мире этом рок!..

Друзей не выбирают,
им дарят жизнь свою.
Словами не играют
у бездны на краю...

Июль 1989

ПРОРОК

Поэту в этой жизни места нет.
Его презренно отовсюду гонят.
Приют ему — лишь там — среди комет,
лишь там, средь звёзд, увиден он и понят.

Как сладко многим в низости своей
всю подлость мира пристегнуть к Поэту.
И чем они ехидней и подлей,
тем яростней его зовут к ответу.

Ему открыта истина веков,
с его душой соприкасалась тайна...
И в шепот трав, и в жалобы лесов
ему дано проникнуть не случайно.

Любая власть ничтожна перед ним.
Власть на земле бессильна без обмана.
Поэт руки движением одним
животный страх наводит на тирана.

Он знает всё, угрюм и одинок,
подвержен униженью бесконечно,
среди людей — единственный пророк.
Так было на земле и будет вечно.

Июль 1989

ЖЕСТОКОСТЬ

Живых надежд растоптано без счёта,
затравлено без счёта душ людских...
У русских есть любимая работа:
уничтожение своих.

Проникло в плоть и кровь нам дело это,
и слаше нам, пожалуй, дела нет.
Особый счёт у русского поэта:
покуда не погублен — не поэт.

Затравлены, оплёваны друг другом,
друзей порою видим во врагах...
В глаза друг другу мы глядим с испугом,
предательство таящие в глазах.

Нет ничего больнее козней брата,
ведь он тебе от Бога — кровный брат.
Забыли мы: за всё грядет расплата,
любой наш грех, содеянный когда-то,
как бумеранг, воротится назад.

Да, гениальны мы и терпеливы,
добры к евреям, немцам и другим...
Но как бездарно, подло и трусливо
жестоки и безжалостны к своим!

Июль 1989

СТАНСЫ

Если жизнь тебя обманет..

А.С. Пушкин

Жизнь напрасно не кляни,
если свет немилым станет.
Пусть она тебя обманет —
ты себя не обмани.

Над собою — усмехнись,
верь мечте, мой друг печальный,
ведь надежды проблеск дальний
душу поднимает ввысь.

Всё уйдет, мой друг, во тьму,
всё покроется туманом,
станет боль твоя — обманом,
непонятна никому.

И сочувствия не жди,
нет его на свете белом.
Будь спокойным, гордым, смелым.
Знай, победа — впереди.

Но о ней не думай ты,
блеск удачи — бред ничтожный.
Все победы в мире — ложны,
и свершенья их — пусты.

Ты свободное житьё
до конца, мой друг, изведай.
Станет истинной победой
одинокчество твоё.

Июль 1989

* * *

Тот же август и те же поля,
и всё так же, беспечно пыля,
по обочинам сельских дорог
на закате брожу, одинок.

Что я здесь для себя нахожу?
И зачем каждым летом брожу?
Чем же так наполняет мой взор
этот русский спокойный простор?

Почему-то всё кажется мне,
будто я по какой-то вине
здесь в последний свой раз нахожусь
и сюда никогда не вернусь.

Здесь моя утихает тоска
оттого, что могу я пока
видеть лес и небес синеву,
что, как прежде, на свете живу,

что гляжу на цветы у дорог
и что на ночь я лягу под стог,
буду слушать трепещущий звон
с четырех предосенних сторон...

Август 1989

* * *

Последние сны скоротечного лета,
последние дни голубого тепла...
В сырой тишине предосеннего света
сквозит бесприютная звёздная мгла.

И жалко, и грустно до боли сердечной,
что время уходит, что лето прошло.
Я снова своею тоской бесконечной
упьюсь, потеряв и любовь, и тепло.

Промчались, проплыли, иссякли бесследно,
как будто и не было их никогда —
любовь и тепло — далеко, безответно
ушли, как уходит сквозь пальцы вода.

Забывать ли о них иль запомнить навеки?
Но сколько такое уж было со мной!
Вот так остывает душа в человеке
и так возвращается в душу покой.

Холодные ночи — плохая примета,
но слабо дымятся еще, как зола,
последние дни скоротечного лета,
последние сны голубого тепла...

Август 1989

* * *

Ну вот, я пережил и это лето.
Теперь и осень как бы пережить...
Пусть за окном померкшим до рассвета
унылый дождик будет моросить.

Пусть ничего кругом не происходит,
дожди и ветры пусть одни шумят.
Для сердца есть покой в плохой погоде,
когда ничем не растревожен взгляд.

Пусть за окном дрожит и гнётся ива
под хмурым небом, от дождя темна.
Над ней ворона пусть летит лениво,
и лишь не шелохнётся — тишина.

Когда осточертеет всё на свете
и станет всё таким ненужным тут,
лишь ива за окном, лишь дождь и ветер
покинуть эту землю не дадут.

29 августа 1989

* * *

Синее пронзительное небо,
белые сугробы облаков...
Сколько б раз, о Боже, здесь я не был,
этот свет — загадочен и нов.

И своей неистребимой новью
он всю жизнь к себе меня влечёт.
Кровь моя наполнена любовью
к нежному до дрожи Подмосквью,
и лишь вместе с неподкупной кровью
из меня любовь моя уйдёт.

1989

* * *

Мы не начнем с тобою всё сначала,
обида мрак в сердцах перетерпя.
Я не хочу, чтоб ты меня прошала,
я не прошу прощенья у тебя.

Себя от мук душевных не спасая
и наш союз навеки прокляня,
не думай, будто женщина другая
сумела у тебя отнять меня.

Принадлежать я никому не стану,
прикованный еще к чужим устам...
И никакому новому обману
свою судьбу на откуп не отдам.

Я пронесу до смерти дань расплаты.
И нам никто не может быть судьей.
Пусть я один останусь виноватым
за годы те, что прожили с тобой.

1989

* * *

Листья этого года лежат на земле...
А давно ли — о вечном шептали?..
Как звенели и пели о синем тепле,
как они на ветру трепетали!

Я по красным и жёлтым — ступаю по ним,
прохожу, как по углям горячим.
Вот и мы, точно листья, уйдем, облетим,
станем дымом и пеплом бродячим.

Что запомнят про нас через тысячу лет?
Чем мы будем? — золой из-под снега.
Отлетает наш век, мы уходим под снег,
люди этого века.

Но играют еще лепестками огня
в серой хмари небесного свода
и тоску бередят, и волнуют меня
листья этого года...

23 октября 1989

* * *

На этот свет безрадостно гляжу,
душа устала.
Вдоль шумных улиц медленно хожу,
мне дела мало.
Нет ничего, чем было б можно жить,
остались в прошлом
мечта и вера, некого любить
на свете пошлом.
Зачем, кому нужны мои слова?
Они ничтожны.
Толпа гудит, она всегда права,
и невозможны
иные чувства, нежели вражда
к благим порывам.
Грозит нам вскоре новая беда
жестоким взрывом
резни любимой и других утех
природы вольной.
Но даже это породит лишь смех
во тьме застольной.

Октябрь 1989

ГОЛОС НАРОДА

Ободрали вы нас, демагоги,
разорили страну, болтуны.
И мы сами — во тьме, без дороги —
на стезю выбираться должны.

Но народная эта стихия
исцелит наш израненный век.
Есть на свете и в сердце Россия,
как была, так и будет вовек.

Час пробьет — и примолкнут чухонцы
перед гордой ее высотой.
Сбросьте спесь, латыши и эстонцы,
к нам придете и вы на постой.

Мы восстанем из пепла и праха,
мы услышим отцов голоса,
если только без подлого страха
бросим нашим витиям в глаза:

крикуны, лицемеры пустые,
отрастившие брюха в тепле,
плюралисты, да кто вы такие,
чтобы думать о русской земле?!

Ни души в вас, ни Бога, ни рода,
вы страну на позор обrekli,
те, кто землю забрал у народа,
кто народ оторвал от земли.

Мы наслушались ваших *советов*,
в них ни правды, ни совести нет.

Это наша земля — без декретов
мир кормившая тысячу лет!

Есть земля и народ, остальные
о *правах* будут вечно кричать...
Есть народ и земля, и Россия,
остальным же — пора помолчать.

Ноябрь 1989

ПРИГОВОР

В убийстве он одно любил...

С. Есенин

Его земля не приняла.
Так было Господу угодно.
Лежит, изгнивший принародно,
в позорном склепе из стекла.

Себя всегда он окружал
преступной сворой проходимцев.
И палачей — своих любимцев —
вождями он провозглашал.

Один из них — его сосед
по однокамерной неволе —
в земле зарыт по Божьей воле.
И лишь ему прощенья нет,
его доныне точит свет.

В убийстве он любил убийство.
Еще свершится Высший суд.
И дети наши проклянут
его безродное витийство.

За кровь и слёзы всех калек,
за все погубленные души
сей черный храм его разрушит
им начатый безумный век.

12 ноября 1989

НИКОЛАЮ ГУМИЛЕВУ

Былой России перекройщики
нас гнут в погибель всё дружней,
а плюралисты-перестройщики
нам оправдали палачей.
С безродной сворой эмиграции —
сошлись, про *муки* их трубя...

Не надо реабилитации
от тех, кто погубил тебя.

Будь неоправданным нисколечко,
чтоб в этот жалкий ряд не встать
среди всей той бесовской сволочи,
что поспешили оправдать.

Твоей вины не обнаружено
пред бывшей властью до сих пор.
В ЧК, расстрелянный *заслуженно*,
ты заслужил *их* приговор.

Ты сам — без подноготной зауми —
предвидя наш кровавый мрак,
всех розенфельдов, апфельбаумов
перестрелял бы, как собак.

14 ноября 1989

* * *

Нынче мёртвых — репрессируют,
как врагов и палачей.
Мёртвых — реабилитируют
после пламенных речей.
От репрессий — отрекаются,
расстрелявши полстраны,
и теперь — пред нами каются:
мол, сгубили без вины.
Им вину других выпячивать
безопасно в наши дни.
Как легко нас одурачивать!
Ведь у власти — вновь *они*.

1989

* * *

Я знаю, слёзы облегчают душу.
Я это знание нынче не нарушу,
и не сдержу своих беззвучных слёз,
и буду плакать у окна ночного
за то, что жил грешно и бестолково,
что никому я счастья не принёс.

Я вспомню всё, что было безутешно,
и то, в чем сам повинен был, конечно.
В своих утратах сам я виноват.
И если скажут: не жалея о прошлом,
его мы часто видим в свете ложном, —
я молча отведу угрюмый взгляд.

Прошедшее во мне не умирает —
болит и лечит, жжёт и согревает,
живет каким-то неразлучным сном.
И потому, что жизнь моя печальна,
все эти слёзы льются не случайно,
когда струится тьма в окне ночном...

1990

* * *

Мы всё с тобой уже сказали
в проклятье этих горьких чувств...
И в мире нет такой печали,
что не касалась наших уст.
Чем удивим еще друг друга?
Какою новой прямою?
И вряд ли вздрогнем от испуга
за той последнею чертой,
когда, в глаза взглянув угрюмо,
уйдем безропотно во тьму,
где — ни обидных слов, ни шума
и жизнь не в тягость никому...

1990

* * *

Ты ушла, словно в пропасть шагнула.
Чем прельстилась ты снова, скажи?
Ну зачем ты меня обманула
среди всемирной бессмысленной лжи?

Наши руки друг друга любили,
и ласкали друг друга глаза.
Мне не хватит чернобыльской пыли,
чтобы страсть загасить до конца.

Я к тебе приползу на коленях,
чтоб к груди прикоснуться на миг,
на кремлевских источенных стенах
напишу свой измученный стих.

Но смотри, даже ради спасенья
в преисподнем прекрасном огне,
у меня не проси ты прощенья
и не смей возвращаться ко мне.

1990

ГУМАНИСТ

На лбу с отметиной кровавой,
захваченный всемирной славой,
он строит «европейский дом».
И превратив страну в Содом, —
ее залил речей отравой.

Три кресла подминает задом,
народным управляя стадом
в угоду мировым дельцам
и нашим «левым» подлецам,
пропахшим сатанинским смрадом.

...Идет буржуй походкой бравой,
доволен рыночной расправой
над обворованной страной...
Смеется за его спиной
последний Михаил Кровавый.

1990

НАСЕЛЕНИЕ

Вы, одураченное племя,
несёте милое вам бремя
избранников стальных оков.
Глотатели программы «Время»,
опять вдолбили в ваше темя
всю подлость прожитых веков.

Вам племя низкое Иуды —
парламентские словоблуды
пообещали новый рай.
И вы опять, развесив уши,
за грош им продаете души,
а заодно — и отчий край.

И всё ж, ничтожные болваны,
самопрезренные Ивановы,
не ждите, что и в этот раз
простится вам позор России
и что сыны ее иные
не заклеят позором вас.

Уж вы тогда, свой ум развеяв,
не тычьте тупо на евреев —
те пожалеют о другом...
Но вы — безмозглые бараны —
(вдвойне глупей, когда не пьяны)
своим умоетесь дерьмом.

1990

НЕПОЛНЫЙ СПИСОК

Россия, содрогнись!
Грибоедов — убит.
Пушкин — убит.
Лермонтов — убит.
Гумилев — убит.
Блок — доведен до гибели.
Есенин — убит.
Корнилов — убит.
Клычков — убит.
Приблудный — убит.
Ганин — убит.
Орешин — убит.
Хлебников — доведен до гибели.
Маяковский — убит.
Павел Васильев — убит.
Клюев — убит.
Цветаева — загнана в петлю.
Кедрин — убит.
Рубцов — убит.
Прасолов — загнан в петлю.
Передреев — доведен до гибели.
А кто процветал
последние тридцать лет? —
Известная четверка.
Аксиома самоиска...
Список не окончен*.

1990

---

* После написания этого стихотворения погибли русские поэты Игорь Тальков, Иван Лысцов, Борис Примеров.

ДОЧЕРИ

В своем углу смешно играешь...
Пока еще не понимаешь,
и так не скоро ты поймешь,
какую боль в себе несешь.
И ясный взгляд, и ум твой зоркий
всех будут мудростью дарить,
сполна ты сможешь оценить
мой трудный путь и опыт горький.
Не бойся имени отца,
иди по жизни с ним спокойно,
ни перед кем не прячь лица,
в глаза врагов смотри достойно.
Поверь, я знал ничтожность их,
отмеченных бездарной метой.
И никогда от слов моих
не отрекайся в жизни этой.
Судьба моя — бессвязный сон,
и ей одно лишь оправданье—
среди плевков со всех сторон
вот эти грустные писанья.
За то, что ты на свете есть,
их возвратить не жалко Богу.
Наверно, ты пришла, как весть,
что вот и мне пора в дорогу..

1990

СОБРАТУ ПО ПЕРУ

Не жди похвал и добрых слов
от пишущих друзей.
Ты будешь знать лишь брань врагов
и зависть всех мастей.
Надейся только на себя,
верь своему чутью.
И, нервы намертво скрепя,
храни печаль свою.
Одна она лишь не предаст
среди общей слепоты,
и только с нею Божий глас
расслышать сможешь ты.
Готовь себя не к ясным дням,
но к будням грозovým,—
и станешь дорог небесам
и вечностью любим.

1990

* * *

Не оставляй меня, о Боже,
среди житейских бурь и гроз.
Любви не надо мне, и всё же —
не отнимай последних слёз.

Я в жизни всё познал с лихвою,
и всё с лихвой вернул бы сам...
Но дай завистникам покоя
и счастья дай моим врагам.

Убереги меня, Всевышний,
от мелкой подлости друзей.
Пусть я со всеми буду — лишний,
чужой, неузнанный, ничей.

И награди бездарных славой,
пускай гремят, иных дразня...
Но сделай так, о Боже правый,
чтоб все забыли про меня.

1991

МОЛЧАНИЕ

Колоколам связали языки.
Их бросили в подвалах пропадать.
Грохочущей эпохе вопреки
им велено безмолвствовать и ждать.

Колокола молчат. Но близок час,
когда они застонут, закричат
и воем безъязыким заглушат
в бесовской лжи осатаневших нас.

Как скорбна немота колоколов!
И страшен будет их безумный крик.
Беззвучие бесплодных наших слов
познает каждый в тот великий миг.

И этот гул расколется небеса.
И скажет Бог, что время истекло...
И в мире все земные голоса
померкнут. И за всё ответит зло...

1991

ПРОЩАЛЬНЫЕ ОГНИ

В гремящем гулком тамбуре
и в таборе вагонном
меня дорога дальняя
качала день за днем,
и столько раз в заснеженном
пространстве полусонном
мне вслед махала станция
прощальным фонарем.

И что-то было тайное,
необъяснимо нежное
в сиянье полупризрачном
исчезнувших огней...
Давно во мгле растаяло
пространство то безбрежное,
но этот свет всё теплится
еще в душе моей...

1991

* * *

Вечерний лес заснеженный,
луна среди ветвей
вдали от серой слякоти
и городских огней.

Морозным сочным воздухом
так дышится легко,
заботы и волнения
остались далеко.

Деревья величавые
темны, тихи, стройны,
и звуки безотрадные
отсюда не слышны.

Так сладко избавление
от всех ничтожных пут!
И слава тебе, Господи, —
здесь люди не живут...

1991

БЕСОВЩИНА

Что ни идея — то разруха,
и что ни мысль — то стыд и срам.
И смерть — злорадная старуха
с эстрады подвывает нам.
Разъединить нас всех сумели,
куда б ни шли — идем мы врозь,
уже и дышим еле-еле,
но для петли — вбиваем гвоздь.
И в петлю сдуру лезем сами,
крича о братстве и любви;
друг друга растолкав ногами,
опять танцуем на крови.
Мы веселы, в крови танцуя,
глаза горят, распахнут рот.
И смерть в костлявый зад целуя,
кричим: свобода! власть! народ!
И наслаждаемся в пороке,
в желанном равенстве своем;
с петель на шее — в едком роке
вопим, трясъмся... И кругом —
заводы, трубы, грохот стали,
бетон, машины, дым и смрад,
родиться дети перестали,
в земле — отравы, в реках — яд.
А на краю разверстой бездны
витают прищур Ильича...
И потирают руки бесы,
припрыгивая и гогоча...

2 февраля 1991

СОБЛАЗН

Не ищите свободу, ищите себя.
Никому не доступна свобода.
Словно солнце, она обожжёт, ослепя...
И не будет иного исхода.

Есть надежное, главное право — в себе.
Не гоняйтесь за призрачной тенью
бесприютной свободы. В унылой борьбе
не найдётся дороги к спасенью.

Только там, в глубине одинокой души,
всем дарована мудрая воля.
Суть ее в беспокойной подлунной глуши
познают единицы, не боле.

Но спасительный путь есть для всех на земле,
он указан доверенно свыше:
усмиряющий дух свой в сердечном тепле —
будет к Богу и к истине ближе.

Мы еще не забыли с природой сродства,
и дарованы нам от рожденья
в бесконечных сплетениях тайн естества
и чутье, и явлений прозренья.

Так чего же еще и свободы какой
добиваться под солнечном небом?
Но опять и опять наш душевный покой
соблазняют отравленным хлебом...

3 февраля 1991

* * *

По белой дороге, по мягкому снегу
бреду и бреду неизвестно куда.
Пора бы навстречу пройти человеку,
но нет ничьего на дороге следа.

Хотелось бы мне всё брести бесконечно
по белой дороге в широких полях,
по мягкому снегу — легко и беспечно —
идти и не думать о прожитых днях.

Чтоб солнце морозно сияло бы в небе
и было бы ветру со мной по пути...
Всё шел бы и шел без тревоги о хлебе,
ведь к людям дорога должна привести.

Хочу я, чтоб встретились крепкие срубы,
улышался лай, застучал бы топор,
чтоб мирно дымились над крышами трубы
и свет деревень согревал бы мой взор.

И чтоб улыбался со мною при встрече
приветливо каждый простой человек,
чтоб в первую дверь постучавшись под вечер,
я мог бы найти и тепло и ночлег.

Но взгляду лишь снежные дали открыты.
Мертвящая тишь и безлюдье вокруг.
В деревнях ослепшие окна забиты.
А там, где живут, — не открыли на стук...

8 февраля 1991

ОЧИЩЕНИЕ

Я предлагаю Свердлова расплавить,
Дзержинского — туда же — на металл.
Уже под ними рухнул пьедестал.
И хватит нам врагов России славить.

Нам разобрать пора бы мавзолеей.
Как черный гроб на площади на Красной,
стоит он в сердце Родины несчастной,
оберегая мертвых палачей.

Я верю, что настанут времена,
когда Россия выйдет из разброда
и от имен душителей народа
очистится Кремлевская стена.

Надеюсь я дожить до этих дней,
увидеть, как, чугунно-бронзовея,
три главных истукана-иудея
уйдут во мрак с московских площадей.

Под их ярмом довольно шею гнуть!
И пусть мы все пока разноголосы,
но вспомним гордо — мы великороссы!
Нам есть один для очищенья путь:

из сердца вырвать эти три занозы
и полной грудью наконец вздохнуть!

21 апреля 1991

* * *

Мы живем в коммунальной России,
нам соседи достались лихие:
то устроят пожар, то резню,
то с разделом большую возню...
Кто ж придумал ее, коммуналку,
превратив в разношерстную свалку
основательно срубленный дом? —
разобраться мы сможем с трудом.
Кто-то шепчет о страшных масонах,
об известных еврейских персонах,
что решили нас всех погубить...
Но евреев нам надо любить.
Ведь евреи в управах жируют
и банкуют, и пьют, и воруют,
как в Талмуде предписано быть.
Надо их уважать и ценить.
То зальют кипятком коммуналку,
то опять разожгут перепалку
о бесщётных соседских долгах,
чтоб решались дела на ножах.
А соседи — ребята крутые:
тесаки затупили кривые,
им теперь подавай автомат
и на каждого — связку гранат.
Управдомы, они ж — демократы,
поделили на всех автоматы:
докажите свою правоту,
чтоб слова не бросать в пустоту.
И за нами следят, торжествуя...
Их заботу о нас вековую
мы не сможем уже позабыть.
Управдомов должны мы...
любить.

21 апреля 1991

* * *

Перестройка — это война.
Не разведка и не пристрелка.
Переломанная страна.
Разобщенных людей разделка.

Перестройка — разлом, раскол.
Страх и боль — в материнском слове.
И костей, и мозгов перемол
и река человеческой крови.

Мы попали в густой замес,
ни к кому не придет пощада.
Весел хитрый плешивый бес,
в пропасть гонящий наше стало.

У шакалов глаза мутны —
их кровавая ждет попойка —
в наше время гражданской войны
под названием «Перестройка»...

Июнь 1991

НАШЕСТВИЕ

В лонах нашей земли
вновь погромы, пожары,
снова Русь оплели
и распяли хазары.
Прут из тёмных щелей
всем галдящим кагалом.
Демократ иудей
правит дьявольским балом.
Где без всяких помех,
где железом каленым —
заставляет он всех
жить по волчьим законам.
Смотрит дико во тьму
и плюёт на укоры...
Служат верно ему
спекулянты и воры.
Ненасытная рать,
всё им мало, хазарам,
что не могут сожрать —
то вывозят задаром.
Не боясь никого,
грабят Русь год от года,
вот уж нет ничего —
ни земли, ни народа.
Бесприютный разброд,
пересохшие глотки...
Где он бродит, народ,
одуревший от водки?
То ли на площадях —
бьет витиям поклоны,
то ли в очередях
мнет в ладонях талоны?..

Без царя в голове,
без ума и без Бога...
В иудейской Москве
есть народу подмога:
шапку бросить к ногам,
не боясь наказания, —
здесь дозволено нам
попросить подаянье.

7 июля 1991

ВОЛЧИЙ МИР

Жила Россия, честью дорожа,
но погубило русских благородство
среди вселенской власти барыша
и торгашей всемирного господства.

Неисправимо алчное нутро,
взлелеянное на кровавом пире...
И в этом подлом, в этом волчьем мире
жестоко наказуемо добро.

И гонит в шею русского грузин,
и предаёт Россию Украина...
Вы все язык познали бы один:
собачий лай остзейца-господина...

Кем без России были б вы сейчас,
болгары, чехи, венгры и поляки?
Спасённые от гибели не раз,
на русский штык рычите, как собаки.

И вновь туда глядите, где сытней...
Ну что ж, своя рубаха ближе к телу.
Славянский эст, не помнящий корней,
в объятья к немцу рвется оголтело.

О, полуистреблённый русский люд,
опомнись, оглянись в своем дурмане!
Еще немного — и тебя сожрут!
Очнись от спячки в этом волчьем стане!

Все только жаждут гибели твоей.
Не верь льстецу, икающему сыто.

Стекает кровь твоя с его когтей,
из-под плаща его торчат копыта.

В беде не оставлял ты никого,
тебя же предал в волчьем мире каждый.
Обман, бесчестье, трусость и продажность —
вот подлинные ценности его.

Мы всё искали в хищниках друзей —
следы от их клыков горят на коже...
На русском теле выживший еврей
нам харкает в глаза и корчит рожи.

Ему не осознать своей вины...
Но ты, Россия, в этой мгле угарной
в последний раз от власти сатаны
спаси себя и мир неблагодарный.

12 июля 1991

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Безгласное время грядёт
для правого дела страдателей.
Когда оболванен народ,
страна выбирает предателей.

Герои уже не нужны
стране, где привычно предательство,
где стали обычным ругательством
слова: «патриоты страны».

А преданных — как не продать?
За горло взяла демократия
всю интеллигентскую рать
и всю пролетарскую братию.

И хоть ты от крика умри —
надежна ухмылка предателя.
Валютчики и блатари
три шкуры дерут с обывателя!

А он, обыватель, и рад —
свобода предпринимательства!
Над кровью и бездной утрат
сияет ухмылка предательства.

Пришедшие издалека —
не прячут нахальной вальяжности...
О, как же пьяняще сладка
стихия всеобщей продажности!

Как лихо стремится народ
продавшимся стать населением!

А тех, кто его предаёт, —
возносит на трон с упоением.

Всё радостней, выше, острее
щемящее это желание!
Кто против — того поскорей
он должен отдать на заклятие...

Пусть ангелы грозно трубят
во мраке глухого затмения...
Уже патриотов — казнят.
Но будет — похмелье прозрения...

16 июля 1991

ВЕСЕЛО...

Занюханный инженер,
рабочий, пропивший зарплату,
склеротик пенсионер
уставились в рот демократу.

А тот демократ — не дурак,
его не напрасно учили,
он всех большевистских собак
навесил на Джугашвили.

И каждый пенсионер,
и слесарь, пропивший зарплату,
и даже сопляк пионер
поверили демократу.

А тот демократ — не дурак,
его не собьешь, демократа,
он незаменимый мастак
на сказки для нашего брата.

Все стали умней и смелей
и отдали власть демократу.
Теперь нам и жить веселей,
и не на что тратить зарплату...

Август 1991

* * *

Всё лучшее, что прочили весталки,
я оставлял угрюмо на потом...
Вагончики, общаги, коммуналки —
мой неизменный, неразлучный дом.

Я словно чей-то грех несу с рожденья...
По всей дороге — то капкан, то сеть...
Ничто мне не давалось без боренья.
О, сколько в пустоту ушло терпенья,
как много предстоит еще терпеть!..

Август 1991

* * *

Всё продали, всё предали,
всё отдали на слом.
Мы жили и не ведали,
что к этому придем.

В своей стране — как странники,
нигде нам места нет.
Народные избранники
смеются нам во след.

И толпы обывателей,
продав отца и мать,
с восторгом за предателей
бегут голосовать.

Август 1991

22 АВГУСТА 1991 ГОДА

...И армия ушла,
оставив нас одних.
И некого нам ждать,
и нет пути надежде...
Сжимает грудь испуг
за близких и родных,
да жгучая тоска
гнетёт сильнее, чем прежде.

Нас предали опять
трусливые лгуны.
Нас бросили, как сор
и точно кость, — шакалам...
Ну что же, не впервой
в истории страны
спасать свой жирный харч
ничтожным генералам.

Мы вновь лицом к лицу —
с тобой, наш давний враг.
Ты снова на коне,
беснуйся и злорадствуй!
Вцепившись, как в топор,
в трехцветный русский флаг,
прорвался, вечный вор,
ты к власти и богатству.

Но сколько б нашу кровь
ты жадно ни лакал
и сколько б ты ни грыз
России плоть живую, —
на русских на костях
издохнешь, как шакал,
ни Русь не истребив,
ни суть ее святую.

22 августа 1991

НОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Настанет год, России черный год...

М.Ю. Лермонтов

И год настал. И повторился.
Он будет проклят, как и тот..
Но снова молча покорился
лжецам беспамятный народ.

Опять изменой и злодейством
агент верховный осиян..
Опять покорное лакейство
явило стадо россиян.

Умов и душ переворотом
вновь надругались над страной:
стал ненавистник — «патриотом»,
ее изменник стал «герой».

И вновь народную стихию
означил павший иудей..
А кто хотел спасти Россию —
опять «изменник» и «злодей».

Август 1991

* * *

Былой страны не существует.
Величье отдано за так.
Смеется враг и торжествует,
и на костях танцует враг.

Народ бессмысленный и жалкий
молчит трусливо, как всегда.
Надежды тают в общей свалке,
всех держит за руку Нужда.

Идут навстречу Смерть и Голод,
а позади — крошечный дым.
На сердце — мрак, тоска и холод,
последний свет в глазах — размолот,
язык — он будет вновь немым.

Август 1991

* * *

Мы остались одни
без друзей и защиты.
И уже мы себя
не способны спасти.
Никуда не уйти.
Все границы закрыты.
И сочувствия к нам
на земле не найти.

Сентябрь 1991

* * *

Вот и этого года
листья сброшены все...
Мы подходим к развязке
двадцатого века.
Мир усталый в осенней
предсмертной красе
смотрит в душу себе,
как на церковь — калека.

В сквере листья дымятся...
Угасает тепло...
Мы сгорим на границе
в иное столетье.
Наше время, как дым,
в небеса утекло,
никого не шадя
в вековом лихолетье.

Мы последние жертвы
эпохи вождей,
мы еще в листопаде
бессильно кружимся
над отцветшей,
над влажной
землею своей
и на черную землю
спокойно ложимся...

Октябрь 1991

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Ушел от нас безродный президент,
плешивый бес, наследник словоблудья,
и чернь ему воздвигнет монумент,
вскормившая его своею грудью.
Нет больше прежней Родины моей.
Опутана страна очередями.
С экрана лжет картавый иудей,
кляня наш Дом последними словами.
Развесив уши и разинув рот,
чернь эту ложь глотает ежечасно.
Еще недавно верил я в народ...
А нынче вижу — верилось напрасно.
Толпа гниёт в тупых очередях
там, где не сняты вывески «Колбасы»,
лишь пустота в глазах покорной массы,
и мерзкий синий номер на руках.

21 декабря 1991

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Убивали царей и великих князей,
и доныне они убивают
и певцов, и поэтов, и лучших друзей
и презрения к нам не скрывают.
Патриотов казнят, умертвляют детей,
направляют убийц на героев,
с каждым годом число неотмщённых смертей
в безысходности нашей удвоив.
Нам известны они. Мы их знаем в лицо.
И от нас никуда им не скрыться.
Всех не вытравить нас ни огнем, ни свинцом,
и расплата, конечно, свершится.
И они не напрасно от страха вопят..
Всё прочней и тесней наши звенья.
Осеняет Россию Божественный взгляд,
ей уже не избегнуть прозренья.

Декабрь 1991

БОРЬБА

Нет, никто нам уже не поможет,
мы лишь сами поможем себе.
Видно, многие головы сложат
в предстоящей смертельной борьбе.

Да, такая нам выпадет доля...
И про многих забудут про нас...
Но гораздо печальней неволя
среди бессилья потупленных глаз.

И увидеть гораздо страшнее
безысходные взгляды детей...
Чем сегодня мы станем смелее,
тем они будут завтра сильнее.

Хватит русским молчать и бояться!
Мы спасали от гибели всех!
Вот и не с кем нам в мире брататься,
все разграбили нас под орех.

Вновь Россия черна и несчастна.
Но Европа — жирна и бела —
пусть запомнит: она не напрасно
русской кровью полита была.

Все потери, все наши страдания
сквозь асфальты ее прорастут,
и бетонные стены прожгут
наших вдов гробовые рыдания.

И двадцатого века расплата
уж грядет, русской болью дыша,

за всеобщую сладость разврата,
за картавую речь демократа,
за ехидный оскал торгаша.

Той расплаты сам Бог не отложит...
И в священной последней борьбе
нам на свете никто не поможет,
мы лишь сами поможем себе.

Январь 1992

* * *

Тихое утро, белый покой,
шёлковый снег шелестит под ногой.
Небо белесо, дорога бледна,
лес не очнулся от снежного сна.
Свежие рядом с дорогой следы
тянутся к речке — до льдистой слюды.
Сонный слегка нарушают покой
льдинки в ведре с ледяною водой...

Февраль 1992

РУССКАЯ КРОВЬ

Сколько ж можно нас бить и неволить,
рушить, грабить, пытать и громить?
Или впрямь надломились мы, что ли,
и не в силах себя защитить?

Или вправду упали мы духом —
и никак не подняться с колен?
Всё не можем ни взглядом, ни слухом
различить этот гибельный плен.

Всё никак, всё никак не очнется
бывший, втоптаный в грязь богатырь.
И над ним одичало смеется
в черном полыме русская ширь.

Вот лежит он у края могилы,
называвшийся прежде — народ...
Нет уже ни ума в нем, ни силы —
безъязыкий, бессмысленный сброд.

Руки спутаны горькой подачкой,
той, что вор, оказав, повязал...
Рот залеплен газетною жвачкой,
телевизорным кляпом — глаза.

Раздевают его и пинают,
пьют последнюю тёмную кровь...

...Воры пьют нашу кровь и не знают,
то что ею отравятся вновь.

7 февраля 1992

ПРИЗЫВ

Если не предал свой край,
трусом не стал и глупцом,
если ты русский — вставай!
Враг — у тебя под окном!
Хватит бессильно молчать,
немошно сжав кулаки...
Жадная подлая рать
Родину рвет на куски.

Кто нашей гибели рад?
Кто навязал нам позор?
Лжец — лицемер — демократ,
он же — убийца и вор.
Сколько ж мы будем терпеть
эту преступную власть?
Сколько же тихо смотреть
волку в кровавую пасть?

Братья и сестры, пора
в наших сплотиться рядах!
Хватит с утра до утра
маяться в очередях!
Жалкий, затурканный сброд
молча поляжет в гробы.
Лишь патриоты — народ.
Все остальные — рабы.

Ночь с 8 на 9 февраля 1992

МЕССИЯ

Россия, Русь, откуда ты взялась?
И где пределы всех твоих страданий?
Ты до высот великих вознеслась
и оказалась вновь у смертной грани.

Святая, богоносная страна,
всем угождала, оставаясь бедной.
Судьба сплошных несчастий суждена
тебе в бессмертной доблести победной.

Каким ты чудом в грешный мир пришла,
став для него счастливым искупленьем?
Как Божий Сын, в пучине лжи и зла
ты рождена, как видно, Провиденьем.

Иуда вечно будет предавать,
ему всегда готово оправданье.
Спасая шкуру, этот мир опять
тебя продажно отдал на закланье.

Отец, вдохни еще немного сил!..
Вновь на кресте неузнанный Мессия.
Предатель всё в избытке получил.
XX век. Распятая Россия.

10 февраля 1992

В КОНЦЕ ВЕКА

Наш век — бесприютный калека —
к концу помутился умом...
...В начале жестокого века
антихрист ворвался в наш Дом.

Змеились чужие идеи,
в подвалах жила Красота,
покуда всё те ж иудеи
опять распинали Христа.

В подполье скрываясь донине,
врагу Красота не сдалась.
Быть может, молитвами Сына
Россия из пепла спаслась.

Кровавые сверглись идеи,
издохла бесовская рать...
Да только всё те ж иудеи
Россию взяли распинать.

Раздули свинцовые вихри,
свое нам подсунув ярмо...
Но знает лукавый антихрист,
что мир без России — дерьмо.

Упившийся кровью, от жажды
он в ярость иную придет,
и кончится тем, что однажды —
иудино племя распнет...

И в Доме поруганном, сиром
всех Божьи коснутся уста...
И властвовать будут над миром
Россия — Любовь — Красота.

Ночь с 11 на 12 февраля 1992

* * *

Боренья горькая услада
нас в деревянный фрак оденет...
Насильно жизнь менять не надо,
она сама себя изменит.

Но остаемся мы всё те же,
приверженцы свободы внешней.
В душевном небе свет безбрежен,
а мы бредем во тьме кромешной...

12 февраля 1992

ОМЕРТВЕНИЕ ГОРОДА

Уныл последний снежный взмах
февральской старческой метели...
В московских каменных домах
сердца людей окаменели.
Окаменевшие сердца
глухи, слепы и безязыки.
Ночные улицы безлики,
и у столицы нет лица.
Холодных окон тусклый свет,
непроницаемый для взгляда,
таит в себе забытый бред,
и бередить его не надо.
Но и в бесчувственных сердцах,
окаменевших не на шутку,
томится и трепещет страх
за хрупкую свою скорлупку.
И потому в домах глухих
покрепче надо затвориться
и вовсе мертвым притвориться,
чтоб тайн не вымолвить своих.
Не видеть взгляда ничьего,
ничьим сердцам не открываться,
не знать, не слышать ничего,
не помнить и не отзываться...

22 февраля 1992

* * *

Зима прощается, уходит,
союз наш краткий был неплох...
Но вновь на сердце грусть наводит
ее глубокий долгий вздох.
Ее последние сугробы
еще пронзительно белы,
и леса дрёмные чащобы
душе по-прежнему милы.
Ее живительным покоем
еще душа окружена,
и снежным воздуха настоем
еще пьянит меня она.
Еще деревьев сонный трепет
уныл в бесчувствии своем.
Но всё ж зимы предсмертный лепет
уже мне слышится во всем.
Ее усталое дыханье
еще мне долго не забыть...
Но вновь — разрыв и расставанье
с той, что успел я полюбить...

24 февраля 1992

* * *

Идет бессмысленный поток
пустых, жующих и бескрылых,
на лицах — тупость и порок,
их озарить никто не в силах.
В глазах — предательство и ложь,
а на губах царит ухмылка,
их душ грошовую копилку
ничем печальным не проймешь.

Июль 1992

МЕСТЬ

Я пути своего не нарушу,
множа список врагов и потерь.
Раньше просто плевали в душу,
а теперь...

Как темно на больничной койке!
Перевязаны туго глаза...
И тоскливо, как после попойки,
и бинты увлажняет слеза.

Но ничуть здесь нельзя расслабляться
и нисколько нельзя унывать.
Скоро будем нещадно драться,
будем долго долги отдавать.

Здесь, на койках казённых, узких
мысли чёрные череп сверлят.
Да, открыто я бился за русских,
и за это мне трусы мстят...

26 августа 1992

* * *

Больница. Скука. Безутешность.
Боль. Равнодушие. Темнота.
Дней и ночей пустых кромешность.
Души слепая маята.

Здесь каждый звук в себя вбираешь,
не внятный вялому уму.
Здесь полной мерой понимаешь
причастность жгучую к Нему..

Ноябрь 1992

Отклики современников

Николай КУЗИН

ПОЭТ, КРИТИК, ГРАЖДАНИН

(К 50-летию Валерия Хатюшина)

В первых своих сборниках он публиковал весьма уравновешенные и даже вполне умиротворенные лирические стихи, какие писали и пишут люди, очарованные звуками, красками, тайнами окружающего мира.

В лесной тиши, в глухом затоне
речной воды
я взял в холодные ладони
цветок звезды.
Вонзился в руку, словно жало,
её огонь,
звезда, шипя, в затон упала —
прожгла ладонь.
Тогда, склоняясь над зыбкой глубиью
ночной воды,
ладони свел я и пригубил
глоток звезды...
И мне с тех пор во тьме кромешной
светло всегда,
в моей душе, земной и грешной,
горит звезда!

В подобных «тихих» стихах нетрудно было узреть все приметы русской поэтики с ее магистральным пушкинско-есенинским направлением без всякой претензии на внешнюю броскость, метафорическую изошренность, ритмическую экстравагантность. Естественность дыха-

ния «покоя и воли» в ранних стихах Валерия Хатюшина, казалось, была «запрограммирована» надолго, если не навсегда. Даже в итоговом для 70-х — 80-х годов сборнике «Год Полыни» (1990), в котором заметно усилилось ощущение тревоги и предчувствие грядущих бед, все-таки преобладает мажорное восприятие жизни, вернее, вера в то, что духовная сумятица, зачистившая в душу поэта, непременно пройдет.

Огонь моей несбыточной мечты...
Он будет полыхать перед глазами,
пока во мгле под вечными снегами
мои совсем не скроются следы.

...Внутри себя бездонность рассмотри
и не страшись пространства, ради Бога,
когда приснится дальняя дорога,
где будут звёзды, словно фонари...

И веру тому придавала кровная связь с родной Отчиной, горделивое чувство слитности с ней.

Девушка. Птица. Россия...
Песня грустна и светла.
Что́ мне иная стихия? —
ночь без любви и тепла.

Версты дорог отмеряя,
шёл я, дрожал на ветру.
Нету без Родины рая,
здесь я рожден и умру.

Небом ли душу омою,
в глине бесследно ль сгнию —
только бы небо — родное,
только бы землю — мою.

Однако за последнее десятилетие в творчестве поэта произошел подлинный переворот, не оставивший и следа от былой созерцательно-умиротворенной благодности — это особенно заметно в сборниках «Русская кровь» и «Пришла пора». И причиной тому послужили смутно-разбойные метаморфозы, произошедшие в жизни

нашей Отчизны, когда у нас насильно пытаются отнять и небо, и землю.

Из негромкого нежного лирика, старавшегося в меру сил и способностей пробуждать в читателе «чувства добрые», Валерий Хатюшин в буквальном смысле перерождается в поэта-трибуна, в поэта-агитатора, в поэта-трубача, страстно призывающего русский люд проснуться, очнуться от зомбированности, в какую нас загнали средства массовой информации преступного правящего режима, и решительно встать на защиту поруганной чести и чувства национального самосознания.

Если не предал свой край,
трусом не стал и глупцом,
если ты русский — вставай!
Враг — у тебя под окном!
Хватит бессильно молчать,
немошно сжав кулаки...
Жадная подлая рать
Родину рвет на куски.

А как изменились интонации, темперамент, общий пафос литературно-критических и публицистических статей В.Хатюшина! Если сравнить, к примеру, его статьи, публиковавшиеся в 80-е годы и составившие его книгу «Кровная связь», со статьями 90-х годов (книги «Посмотрим истине в глаза...», «Горькие плоды», «Пароль президентской власти» и др.), то можно с полным основанием говорить о преображении критика и публициста. В «Кровной связи» перед нами, хотя и далеко не беспристрастный, но все-таки опять же довольно уравновешенный литературный критик, яростный приверженец Аполлона Григорьева, часто увлекающийся той или иной взволновавшей его идеей, но никогда «не выходящий из себя», не теряющий чувства такта и меры даже при разборе произведений, далеко не вызывающих симпатий у критика (статьи «Слепой «поиск» и духовные прозрения», «О мнимом и подлинном в поэзии»). То есть еще десятилетие назад, выступая на критическом поприще, В.Хатюшин при всем своем полемическом задоре оставался аналитичным и спокойным исследователем литературного процесса.

Но уже в его литературно-критических книгах, увидевших свет в 90-е годы («Посмотрим истине в глаза...»,

«Горькие плоды»), — перед нами не беспристрастный толкователь литературных текстов, а пламенный публицист-трибун, не просто убеждающий читателя аргументами, но страстно призывающий его к решительным действиям. Не говорю уже о публицистических книгах, так сказать, на политические темы («Пароль президентской власти», «Перед выбором жизни и смерти», «Русским нужен вождь»)...

К каким же действиям призывает нас поэт, критик и гражданин Валерий Хатюшин в дни сегодняшние?

Еще в публицистическом сборнике «Посмотрим истине в глаза, или Что спасет Россию», изданным в 1990 году, В.Хатюшин набатно предупреждал, что наше Отечество попало в беду, что ему грозит смертельная опасность вырождения и обрушения. Правда, в поле зрения публициста — пока еще было культурное поле (бичует засилие масскультуры на эстраде, яростно полемизирует с защитниками всяких «новаций» в литературе, утверждая, что с девальвацией подлинного искусства общество неминуемо придет к духовной деградации). И даже в сугубо политических, что ли, статьях («От покаяния к искуплению», «Урок на века», «Отчужденная земля») еще нет и намек на уготовленный для России «демократами» молах развала, потому что автор, как и все мы, вряд ли мог предположить возможности столь скорого торжества сатанизма на русской земле, горькие плоды которого мы продолжаем вкушать и по сей день.

К слову сказать, первый сборник публицистики, изданный уже после ельцинского переворота в августе 1991 года, В.Хатюшин так и назвал: «Горькие плоды». Здесь тоже еще преобладает литературный фермент словесности, что вполне понятно — ведь В.Хатюшин прежде всего поэт, писатель, критик, литератор до мозга костей. Но вслушаемся в его критические размышления:

«В России только русские писатели понимают жизнь народную и знают, как ее изменить к лучшему. Один порядочный писатель важнее всех политиков. Писатель идет от жизни, и он имеет право указать путь, по которому должно развиваться общество»; «Там, где писатель хоть в чем-то сознательно говорит неправду, перестаешь верить всему остальному, всё остальное, даже и то, что написано в художественном отношении неплохо, не будет иметь нравственного смысла»; «Искусство и литература сближают народы. Политика их разделяет».

Пожалуй, хватит цитат. Сами по себе они никаких откровений не содержат, но я намеренно хочу обратить внимание на то, как В.Хатюшин изо всех сил стремится оставаться **только** литератором, напроць избегая политической окраски в своих суждениях. Правда, с Хатюшиным-критиком одновременно выступает Хатюшин-поэт (сборник «Русская кровь», 1990 г.), в стихах которого, напротив, довлеют политические мотивы — не случаен и подзаголовок сборника: «Поэзия русского сопротивления». Тут горестные раздумья о разваливающейся Отчизне, проклятия в адрес виновников унижения и уничтожения великого государства («Идет буржуй походкой бравой, доволен рыночной расправой над обворованной страной... Смеется за его спиной последний Михаил Кровавый»); тут и резкие нарекания в адрес населения страны («Вы, одураченное племя...», «Всё продали, всё предали...», «Былой страны не существует...»), наивно поверившего политическим авантюристам; тут щемящее чувство безысходности чередуется с верой в неминуемое возрождение России («И в доме поруганном, сиром всех Божьи коснутся уста... И властвовать будут над миром Россия — Любовь — Красота»).

Вообще сборник «Русская кровь» — в своем роде явление уникальное, и я чуть ниже еще вернусь к нему. Пока же отмечу такой момент: хлестко и гневно бичуя растлителей и разрушителей Отчизны, не щадя и «пропущенного сквозь костоломный жернов» народа, В.Хатюшин все же ведет разговор с читателями несколько обобщенно, что ли, порицая каких-то демагогов вообще, безымянного «известного поэта», продающего «и друга, и брата», толкует опять же **вообще** о предательстве, о бесовщине, т.е. при всей обнаженности своей гражданской позиции, при всей политической страстности В.Хатюшин и здесь остается прежде всего литератором, как и в критико-публицистическом сборнике «Горькие плоды».

Но вот книга В.Хатюшина «Пароль президентской власти», увидевшая свет через два года после «Горьких плодов». За эти годы произошли события, ошарашившие весь мир: пришедшие на волне смуты к власти Ельцин и его «демократическая» камарилья, почувствовав полную безнаказанность после Беловежского сговора, предприняла попытку установления своей **сионо-масон-**

ской диктатуры, однако встретила решительное сопротивление даже в среде беспринципных депутатов Верховного Совета, совсем недавно с помпой голосовавших за ратификацию того преступного Беловежского соглашения. На депутатский протест, как известно, «всеенародно избранный» палач ответил танковой стрельбой по зданию Дома Советов, потопив в крови сотни безвинных, вышедших на защиту советской власти людей. А затем под угрозой репрессий стране была навязана ельцинская конституция, возникла декоративная Госдума во главе с оборотнем Рыбкиным.

Вот тогда-то Валерий Хатюшин заговорил уже не только как поэт и литературный критик, озабоченный узко литературными проблемами. Он заговорил языком страстного Гражданина, как бы резко опровергая собственное полемическое утверждение: *«Я не согласен со словами Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Лучше сказать иначе: уж если ты поэт, ты не имеешь права не быть гражданином».*

Именно в книге «Пароль президентской власти» В.Хатюшин уже не отстаивает любимый тезис, что всякий поэт обязан быть гражданином, а в полный голос заявляет о первостепенной необходимости прежде всего сражения с аморальным и преступным режимом — ельцинизмом, а уж только потом — и о проблемах чисто литературных. Примечательнейший момент в жизни поэта-борца, пострадавшего право заявить во весь голос: «Пора говорить прямо» (так называется одна из статей сборника). И он прямо, без обиняков называет всех и вся своими именами (а не вообще, как в упомянутых выше ранних книгах), клеймит В.Астафьева за оборотничество, высмеивает нерешительность и приспособленчество лидеров оппозиции от Г.Зюганова до С.Бабурина, резко полемизирует с теоретическими изысканиями С.Кургина, А.Дугина и других, видя в них опасные для нашего общества рецидивы масонского словоблудия; много нелицеприятных слов высказывает В.Хатюшин в адрес руководителей сопротивления ельцинскому режиму в октябрьские дни 1993 года: А.Руцкого, Р.Хасбулатова, А.Макашова, слов, справедливость которых подтвердило время (а в отношении А.Руцкого они оказались прямо-таки провидческими).

Книга «Пароль президентской власти» с убедительной наглядностью раскрывает высказанное В.Хатюшиным в высшей степени актуальное утверждение:

«Нам давно пора понять, что демократия на языке разрушителей России — это никакой не общественный строй, не система управления государством и уж тем более не власть представителей народа. Демократия — это пароль. Тот, кто нынче в России называет себя демократом — внутри диктаторского демофашистского режима, — знает, что он будет узан своими и легко навесит лапшу на уши чужим».

Эта же мысль как основная проходит и через книгу «Перед выбором жизни и смерти» (1995), в которой В.Хатюшин дает и историко-философское обоснование свалившимся на нашу Родину бедам (статья «Дети погибели»). Исследуя бесовской шабаш новоявленных российских «демократов» — всех этих бурбулисов, шахраев, гайдаров, явлинских, якуниных, — В.Хатюшин показывает, что у них были куда более изощренные предтечи, ведущие свою родословную от библейских Люцифера и Каина, вышколившие свою методологию в талмудически-каббалистических сектах и масонских ложах и получившие «философическую» завершенность в марксистском интернационализме. Россия, по мнению В.Хатюшина, переживает нынче период прозревания истины через боль, кровь и унижение. И если мы это поймем, то сумеем выжить и возродиться.

Этот несколько прямолинейный тезис я не собираюсь оспаривать еще и потому, что в душе-то сам разделяю просветленно-романтический взгляд на будущее нашей страны. Хотя должен с печалью констатировать, что наш «прозренческий» период обретает слишком затяжной характер. И чересчур кровавый, о чем с огромной взволнованностью пишет сам В.Хатюшин и в статьях, составивших книгу «Перед выбором жизни и смерти», и в дополненном переиздании сборника стихов «Русская кровь» (1995):

Мир погряз в разврате и вражде —
светлый мир, задуманный прекрасно.
Что же мы, живя в большой беде,
множим злость и зависть ежечасно?

Только хватит врать самим себе,
будто жизнь жестока беспредельно, —
в этой глупой и больной судьбе
каждый русский виноват отдельно.

...Доброта в наш мир не забредет,
красота уже не даст спасенья...
К нам прозренье, может быть, придет
вслед за страхом самоистребленья...

Поэтический сборник «Русская кровь» — это одновременно и реквием по Родине, и гимн ее возрожденческому будущему (после прозрения истины).

Этот подлый мир не устоит.
Будет всем дарована расплата.
Русь Святую небо воскресит,
преданную русскими когда-то...

Это снова возвращение к тому «родному небу», про кровную связь с которым поэт поведал в юношеском стихотворении «Девушка. Птица. Россия...»

Особо следует сказать о последних по времени выхода в свет книгах В.Хатюшина «Под колесом истории» (1996), «Русским нужен вождь» (1997), «Пришла пора» (1997), статьях и стихах, опубликованных в периодике, в частности, в журнале «Молодая гвардия», в газетах «Дуэль», «Завтра», где талантливый поэт и публицист выступает уже непосредственно как **политический** писатель.

Ядронная энергия этих работ сосредоточена вокруг жгучих проблем, захватывающих все сферы нынешней жизни: от политологических размышлений о последствиях позорной чеченской бойни и переизбрания Ельцина на второй президентский срок (статьи «Унижение России», «Выбрали — и проиграли») до футурологических предсказаний («Русским нужен вождь») и самых что ни на есть ставших будничными событий с политическим оттенком (о протестах шахтеров — статья в «Правде-5»; о беспринципности и продажности Госдумы, утвердившей на посту главы правительства бывшего гражданина Израиля С.Кириенко — статья «Суки отвязанные» в «Дуэли»). Но все эти в самом пря-

мом смысле злободневные статьи, к счастью, напрочь лишены журналистского скороделанья, в них видны серьезность и глубина размышлений и мастерская писательская рука человека-словотворца для которого

Есть на свете и в сердце Россия,
как была, так и будет вовек.

*Август 1998 г.
«Завтра». 1998. №46*

Евгений ОВАНЕСЯН

**Из книги
«КОГДА НАСТАНЕТ ДЕНЬ ПРОЗРЕНИЯ»**

Чувство Родины в моем опыте
есть основа творчества.

М. Пришвин

Десятилетие назад, в предчувствии роковых для Отечества последствий перестроечной смуты, Валерий Хатюшин, опираясь на заветы русской классики, определил сущность и назначение поэта в годину суровых испытаний, несомненно соотнося это суждение с духовными истоками и смыслом собственной литературной деятельности: «Сейчас, когда страна в беде, когда она нуждается в защите и в добром умном слове, ей нужен поэт-подвижник, поэт-патриот, пришедший от самой земли русской и вскормленный ее горькими соками».

Конечно же, такая позиция не рождается по заказу или вдруг, в ее основе — глубинное, выстраданное чувство ответственности за всё происходящее на родной земле. Лирик по преимуществу, В.Хатюшин выдвинул на первый план гражданственную поэзию и неразрывно связанную с ней патриотическую публицистику, которые явили собой взаимопроникающие ипостаси его творчества, бросающие отблеск и на лирические произведения.

Осмысливая драматически сплетенные судьбы России и своего поколения, поэт создает емкий образ уходящего столетия:

Мы жили в самом страшном веке,
стальной придавлены пятой,
когда людей, леса и реки
губили с легкостью лихой.

Мы правду знали понаслышке,
как, впрочем, и сейчас еще...
Мы между строк читали книжки,
в Отчизну веря горячо.

Но что осталось от России?..
Прозренья грозный пробил час!
Две мировых — отцов скосили,
а третья — захлестнула нас...

Не случайно здесь в эпитафии — слова А.Блока «Мы — дети страшных лет России...» Начало и конец XX века сомкнулись, очертив трагическую, зловещую дугу над страной. Сейчас особенно остро ощущаешь, какие небывалые еще в истории, поистине космического масштаба потери понесло наше государство в трех лицах: Российская Империя — Советский Союз — Россия. Революции и войны — страшное зло, но оно меркнет перед самым адским, пожалуй, способом самоистребления человечества — гражданской войной, разделяющей единый народ на «своих» и «чужих».

...Русские писатели, из которых в 80-е годы сформировалось ядро патриотического движения, не могли молчать при виде гибнущей Отчизны. Несмотря на все препятствия, чинимые идеологическими жрецами, они несли обществу свое правдивое слово, с невероятным трудом пробиваясь на страницы газет и журналов, насыщенных бравурным пафосом певцов «развитого социализма» и наигранной гордостью борзописцев, славащих его «достижения»...

Но не гордость, а горечь испытывал Валерий Хатюшин, приезжая на свою малую родину, уже помеченную безжалостной печатью разрухи и нищеты:

Моя деревня... Что с тобою стало!
Тебя снега засыпали до крыш.

«Уходят люди», — бабушка сказала.
Окрест стояла дремлющая тишь.
Угрюмых чувств и странных мыслей полный,
я здесь внезапной болью обожжен...
Как грустно-беден вид избы безмолвной,
где нет привычных в старости икон.

Эти строки, пронизанные мягким лиризмом, в то же время насквозь гражданственны, в них достигнута полная гармония, слиянность мысли и чувства, формы и содержания. Поэтическое мастерство как бы и не ощущается, настолько органично печальная внутренняя музыка слов сплетена с патриотическим мотивом. И это не противоречие, ибо подлинный патриотизм — не только восхищение отчим краем, но и скорбь по его утратам.

...Патриотические мотивы в русской поэзии имеют многозначный образный смысл: это и разноплановые признания в любви к Отчизне, и отстаивание ее интересов, и борьба с ее врагами, и бичевание пороков общества — причем разделить эти мотивы чаще всего невозможно, как нельзя разложить по полочкам внутренний мир художника.

Такой же неразъемный сплав представляет собою поэзия Валерия Хатюшина: из нее трудно выделить какое-либо сугубо патриотическое стихотворение, она вся излучает эти мощные волны, за исключением, конечно, любовной и отчасти философской лирики. Воспевает ли поэт родную природу, разоблачает ли болтунов-плюралистов или палачей народа, бросает ли тому же народу упреки в слепоте и бездействии, — всем этим движет безраздельная любовь к Отечеству.

Произведения Хатюшина отличаются цельностью, гармоничное единство содержания и формы, неуклонное следование традициям русской классики, которое проявляется в строгости стиля, четкости рифм и ритмов, скупой точности метафор, ясности мысли и изложения.

Видимая простота стихотворений Хатюшина обманчива — за ней кроется огромное напряжение разума и души, высокая требовательность к слову и образу в сочетании с чувством личной ответственности, что позволяет ёмко выразить и глубокие философские раздумья, и тонкие лирические откровения, изобразить панораму народных бедствий и создать галерею политических

портретов. И, что присуще далеко не всякому стихотворцу, нередко политика, лирика, философия совмещаются в одном произведении, взаимодополняя и обогащая друг друга, как это происходит, к примеру, в стихотворении «Ушедшая Родина», пронизанном острейшим чувством ностальгии, словно судьба забросила поэта в постылую эмиграцию.

Дочь моя,
родилась ты в Советском Союзе,
лишь три года ты в нём пожила.
Об огромной стране как о тяжкой обузе
нам безродная нечисть лгала.

Да, мы Родины нашей тогда не ценили,
к морю южному мчась без труда.
Мы, как блудные дети, семье изменили,
и пришли к нам нужда и вражда.

Ты услышишь не раз как о сказочном чуде
об ушедшей Отчизне своей.
Той великой страны больше нет и не будет.
Много раз мы поплачем о ней.

Мы свободными были, спокойно общались,
всех нас праздник за стол собирал...
Мы с червонцем в кармане
на поезде мчались
хоть на Запад и хоть за Урал.

Не смогли удержать мы бесценного груза
ясных лиц и открытых дорог..

...Я стоял на земле пограничной Союза,
и Балтийское море плескалось у ног...

В этом стихотворении, написанном за три недели до разгрома «Белого дома», в тяжелой атмосфере политического безвременья, — всё как будто незатейливо и просто. Но почему же при чтении мороз идет по коже и долго стоит ком в горле?.. В чем загадка этих пронзительных слов? Каким чудом они оказались на бумаге именно в таком, а не в ином сочетании, приведя нас от бытовой

зарисовки к эпической трагедии? Какие импульсы были необходимы, чтобы совершилось волшебство поэзии?..

Есть в «Уединенном» В.В. Розанова одна краткая записка, которая, пожалуй, стоит многих литературоведческих томов: «Секрет писательства заключается в вечной и невольной музыке в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель...»

У каждого истинного поэта эта невольная музыка возникает, наверное, в самом раннем детстве — и потом сопровождает его всю жизнь, связывая с корнями и не давая взять фальшивую ноту. Благодарная память, навсегда запечатлевшая образы родной земли, не раз возвращала В.Хатюшина к своим истокам:

«Куда б мы ни мчались упорно, // всё держат нас вечные корни // полей и тропинок родных. // Ну как оторвёшься от них? // Ведь где-то в российской глубинке // мерцает деревня Починки. // И как мне забыть про нее? // Там светится детство мое»...

«Не потому ль, что я // крестьянского сословья, — // в себя впитал и вновь // я впитывать готов // спокойную красу // родного Подмосковья, // его лесных озер // и луговых цветов»...

Убегая от городской круговерти с ее «обманом, коварством и враждой», поэт окунается в целительное раздолье тихой малой родины в надежде, что она и впредь всегда будет спасать от «помраченья городов», — и, в свою очередь, дарит ей проникновенные слова, в которых сквозит безотчетное чувство вины: «Провинция, покинутая нива!.. // Прощая всем нам отчужденья лед, / / она к себе зовет нас терпеливо, // как сына мать — из года в год нас ждет»...

И хотя расставание всякий раз неизбежно, снова и снова, признается Хатюшин, «...в московском отчаянье грешном // мне приснится земли уголок, // где в просторе полей белоснежном // я от скверны отчиститься мог». Отсюда многое видится по-другому. Здесь восстанавливаются истинные оценки и отступают мнимые, порожденные столичной жизнью, с ее борьбой, склоками и сплетнями... Здесь не нужно лукавить, играть вынужденную, отведенную обществом роль, придавать вселенское значение бесплодной суете, навязанной окружением, — здесь ты наедине с природой и Космосом. Холо-

дея от беспредельности времени и пространства, ты всматриваешься в прожитые дни и годы, раздумывая о своей судьбе, погруженной в вечность, перебирая в памяти непреходящие мгновения творческих открытий и озарений...

Листья этого года лежат на земле...
А давно ли — о вечном шептали?..
Как звенели и пели о синем тепле,
как они на ветру трепетали!

Я по красным и жёлтым — ступаю по ним,
прохожу, как по углям горячим.
Вот и мы, точно листья, уйдем, облетим,
станем дымом и пеплом бродячим.

Что запомнят про нас через тысячу лет?
Чем мы будем? — золой из-под снега.
Отлетает наш век, мы уходим под снег,
люди этого века.

Но играют еще лепестками огня
в серой хмари небесного свода
и тоску бередают и волнуют меня
листья этого года...

Сколько же осталось ненаписанного об этом благо-словенном мире? Сколько поэтических красок, ярких образов и метафор канули в пропасть, растраченные на политические воззвания и литературные дуэли! Как прекрасно было бы ощутить себя просто поэтом, созерцателем жизни, далеким от мирских потрясений!..

Не было, наверное, в России поэта, который бы не испытывал подобного смятения чувств, оставаясь один на один со своим недоовоплощенным творчеством. Но такова уж судьба русской литературы, никогда не стоявшей в стороне от ключевых проблем государства, не представимой вне общественной борьбы. И сегодня точно так же Валерий Хатюшин был впряжён в нее, по собственным словам, как в «смертную узду», сбросить которую было и невозможно, и постыдно.

...Чем неотвратимее катилась страна в пропасть, тем печальнее становилась поэтическая интонация, тем

сильнее — чувство одиночества. В моменты тяжелых, мучительных раздумий уже не спасали ни поля, ни звёзды, ни письменный стол.

Незадолго перед расстрелом «Белого дома», в сгустившейся обстановке политического кризиса и апатии населения В.Хатюшин обращается к себе с горьким вопросом: «Кому нужны твои стихи? // Кому ты нужен сам? // У человечества глухи // сердца к твоим словам»...

После тех страшных дней поэт пытается найти успокоение «в лоне грустной тишины» природы, «чтоб не проклясть осточертевший город, чтоб не смотреть на казнь своей страны», — и не находит желанного покоя («Отражения»):

Но не унять в висках сердцебиенья,
и давит горло спазм глухой тоски.
В окне тех дней витают отраженья —
так, что от глаз не оторвать руки...

Но даже и закрыв глаза рукою,
еще подробней вижу и острее
и дым пожара над Москвой-рекою,
и дочки взгляд, летящий вслед за мною,
и ужас лиц расстрелянных детей...

Городской толпе, одержимой стяжательством, жадной развлечений и рыночными искушениями, было безразлично всё, что ранило поэта, что надолго лишало его душевного равновесия. Легко ли было ему, отдавшему себя служению Отечеству, видеть вокруг бездумные глаза, слышать бессмысленное «гоготанье над «Полем чудес» или косноязычное словоблудие «реформаторов»?.. Каково ему было постоянно ощущать за спиной злобное шипенье и ужимки клеветников и провокаторов, читать о себе глумливые экзерсисы продажных критиков?..

Кто знает, что творилось на душе у поэта, когда в ночной тишине он откладывал начатое стихотворение и до рези в глазах вглядывался в огни бесконечного города: отзовется ли кто-то на его зов? Или опять ответом на огненные строки будут малодушное молчание «своих» и мерзкие ухмылки «чужих»?.. Наверное, в такие моменты образ поэта-пророка и вытеснял демонически отчужденный изгой:

Лишь голосу неба послушен,
среди моря людского — изгой,
смешон, одинок и не нужен,
поэт в этой жизни — чужой.

Дитя беспризорное света —
на мир этот грустно глядит...
Печальное сердце поэта
гармонию неба хранит.

Он время грядущее знает,
но там — утешения нет...
Звезда в небесах угасает,
когда погибает поэт. <...>

Изгоями, пасынками видели себя в родной стране еще в бухаринско-авербаховские 20-е годы Есенин («Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть») и вся плеяда крупнейших крестьянских поэтов — Н.Клюев, А.Ганин, И.Приблудный, П.Орешин, С.Клычков... Такими же чужаками ощущали себя в либерально-оттепельные 60-е А.Прасолов и Н.Рубцов... Их современник А.Передреев, словно предчувствуя наступление эры бездуховности, писал в застойные 80-е: «Всё беззащитнее душа // В тисках расчетливого мира, // Что сотворил себе кумира // Из темной власти барыша. // Всё обнаженной его суть, // Его продажная основа, // Где стоит всё чего-нибудь, // Где ничего не стоит слово»...

Жизнь отдавший, по собственному признанию, «трагической лире», В.Хатюшин едва ли не разуверится в необходимости своей поэзии в рыночно-демократические 90-е годы: «Сколько было потрачено лет, // чтобы влить в безответные души // горьких мыслей спасительный свет!.. // Отраженьё всё глуше и глуше».

Поэту-гражданину остается лишь с болью констатировать и обличать «демократические» злодеяния — ибо предотвратить их из-за инертности масс он не в силах, хотя и наделен в полной мере способностью предвидеть, прозревать события. Сколько же их было, этих строк страшной летописи наших дней!..

...Затмение России не может длиться бесконечно: не зря же в самые безысходные времена Хатюшин воскли-

цал, что «солнце наше ярко светит и реки русские — текут», что «никакая в мире нечисть из нас не вытравит людей»... И есть главная цель, дающая силы для борьбы и творчества, — и поэту

не жалко жизни, чтоб ее достигнуть:
Империю былую воссоздать,
врагам России по делам воздать
и Храм Спасенья на крови воздвигнуть.

...Да, текут еще полноводные русские реки, шумит еще полновесная крона могучего русского леса, звучит еще чистая русская речь. И не иссякает подлинно русская литература, как бы ни пытались подменить ее русскоязычной синтетикой. И настанет день, когда русская книга вновь обратится к высотам человеческого духа и народ вновь припадет к этому вечному источнику мудрости и добра. Поэзия Валерия Хатюшина убеждает, что время прозрения неизбежно придет, ознаменовав собой истинное возрождение русского национального самосознания.

М. «Палея». 1998 г.

Ростислав ПОДУНОВ

НЕ ЗАГЛОХНЕТ НИВА РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В семидесятые годы прошлого века он заявил о себе как добротный советский поэт, воспевающий труд на стройках социалистического государства. Он был тогда романтиком, уехавшим на Север, а потом на строительство КамАЗа, что ярко отразилось в его стихах того времени («Работа», «Репортаж с газопровода «Сияние Севера», «Тайга», «Встречи», «Высота», «Активированный день», «Романтики», «Про нас еще напишут» и т.д.). Поэзия эта рождалась из его трудовой биографии, была реалистична, имела общественное звучание.

Нам тогда всё еще принадлежала страна воинской доблести и доблестного труда, хотя жизнь наша уже была изъедена раковой опухолью мещанского сознания — зачатками ползучей духовной контрреволюции, постепенно изменяющей общественные и личные отношения советских людей. Это особенно бросалось в глаза в столице — в Москве, куда после всех своих странствий попал герой моего очерка. В этом во всех смыслах значимом городе Валерий Хатюшин, уроженец подмосковного Богородска, романтик, лирик и одновременно рабочий поэт, столкнулся с ураганным обстрелом информационно-психологической войны (как забугорных «голосов», так и диссидентствующей интеллигенции) и на какое-то время поддался этой мозговой обработке.

Да, это горькая правда: послевоенное поколение сдало без боя советское государство, которое создали и отстаивали наши отцы и деды. Страна-мечта, чудо истории, величайшее достижение русского народа — были загублены в **наше** время, и мы все вместе и каждый в отдельности в ответе за это.

Но Валерий Хатюшин прозрел одним из первых. Он ужаснулся содеянному и начал бесстрашную, непримиримую борьбу с врагами России, стремящимися ее окончательно уничтожить. Именно из сопротивления разрушительным, антирусским процессам отечественной (и мировой) истории и родился Валерий Хатюшин нынешних дней — выдающийся русский поэт. Его рождение и утверждение как нового **национального** поэта запечатлены (не испугаюсь этого эпитета) в гениальных стихах: «Клич» (1987 г.), «Призыв» (1992 г.), «Ушедшая Родина» (1993 г.), «Осталось — одно» (1996 г.), «Иуды» (1997 г.), «Оккупация» (1998 г.), «Они» (1999 г.), «За Родину, за Сталина» (2000 г.), «Возмездие» (2001 г.), «Солнце русских» (2001 г.), «Страна Ru» (2003 г.). Именно по этим (и подобным) стихам, изданным в 2003-м году в его «Собрании стихотворений», невозможно не сделать заключения, что Валерий Хатюшин — один из крупнейших русских национальных поэтов нашего времени, жизнь и творчество которого есть подвиг и даны нам свыше во спасение.

Создавать такие стихи, я уверен, возможно только в «соавторстве» со своим народом и со святым русским духом. Духоносный поэт создает духоносные стихи, что-

бы из этих искр возгорелось пламя национально-освободительного восстания. В названных выше стихах говорит с читателем не просто поэт Валерий Хатюшин, а сама небесная Россия. Его гражданские стихи — это набат колокола, возвещающий, что час народного восстания пробил.

Валерий Хатюшин — поэт народной войны, время которой уже пришло. Таких поэтов всегда единицы — во всех странах и во все времена, и появляются они в лихие години, предвещая величайшее духовное и физическое напряжение народных сил. Они всегда появляются на переломах истории, при угрозах самому существованию народа, как, например, появились на переломе истории Есенин и Маяковский. Имена у них могут быть разные, но «автор», по сути, всегда один: народ как мистическая сущность истории. Именно так рождается гений.

Гений — это талант, подключившийся к гению народа. Это и произошло у Валерия Хатюшина — то, ради чего он родился и жил. Он — человек состоявшийся, он выдержал все экзамены жизни, выпавшие на его долю, и выковал характер бойца в смертельных схватках с нашим главным врагом, он закалился, и отныне, как ни тяжел будет крест, возложенный на него судьбой, он выдюжит, не надломится, не изменит себе, народу и Родине.

В советское время у Валерия Хатюшина была обычная творческая жизнь, а теперь его жизнь — это наша надежда, она и подвиг, и жертва.

О том, как он смог подняться до такой высоты, рассказывает его «Собрание стихотворений», увидевшее свет в 2003 году в издательстве «Российский писатель». И невольно вспоминаются хрестоматийные некрасовские строки из стихотворения «Памяти Добролюбова»:

Природа-мать, когда б таких людей
Ты иногда не посылала б миру,
Заглохла б нива жизни.

«Казачий Спас». 2004. №11

СОДЕРЖАНИЕ

НЕРАЗРЕШИМАЯ ТАЙНА	3
Звёзды	7
«Да, молод я, но путь избрал...»	8
Капли	9
«Улетели, скрылись за туманом...»	10
«В жизни много несчастий всяких...»	11
«Расплескалась рябина кровью...»	12
Случайный дар	13
«Кто видел горечь и смятенье...»	14
Повестка	15
«А деревья мне машут руками...»	16
Сибирь	17
«Иней на улице, иней...»	18
Не забывай	19
На посту	20
Зима в Сибири	21
«Синий, теплый, воздушный снег...»	22
Лунный пейзаж	23
По сугробам	24
Февральское утро	25
Весна	26
«Снега, метели и туманы...»	27
«Почему ты молчишь?...»	28
Весеннее	29
Последнее письмо	31
«Вот и всё — и не будет объятий...»	32
«Простая мелодия вальса...»	33
«Боже мой, это бред...»	34
«Скрылось солнце за гребни крыш...»	35
«Изумрудная чудная зелень...»	36
«Как легко разлюбила, так легко и забудешь...»	37
«Разлуки лед. Октябрь. Сухие листья...»	38
«Ты — как далекая звезда...»	39

«Нет, ты не отвернулась от меня...»	40
«Белая Россия, белая Сибирь...»	41
«За кабиной метелица выюжится...»	42
Звёзды первой любви	43
«Синева, сплошная синева...»	45
Одиночество	46
«Куда ни глянь — снега, снега...»	47
«По полям, как волки, всюду рыщут...»	47
Окна вечерние	48
В тайге	49
«Белый край...»	50
«Зачем меня ты мучаешь...»	51
«Плывут шальные облака...»	52
Степи	53
«Ветер, туман, дождь морозящий...»	53
«Выпал первый рискованный снег...»	54
«Тонкая пороша и ночная тишь...»	55
Спят солдаты	56
«Падает снег, заметает палатку...»	57
Хозяин тайги	58
«Какая тишина вокруг!...»	59
«Ты во мне поселилась, милая...»	60
«Мне на голову звезды падают...»	61
Прощание	62
Ненужная встреча	63
Бесчувственный	64
Неуважение	65
«Плывут, как письма, облака...»	67
Осенний лес	68
«Опять меня ты чем-то сладким потчуеть...»	69
Первые цветы	70
В ночь перед Рождеством	71
«Наш первый день...»	72
Я видел сон	73
Кинотеатры	74
Август	75
«Я хотел позабыть...»	76
В дороге	77
Воспоминания	78
«Ночь тяжела обидами...»	79
Работа	80
Репортаж с газопровода «Сияние Севера»	81
Романтики	82

Тайга	84
Музыка	85
Два стихотворения	86
Рассвет	88
Вот приеду	89
У реки	90
Возвращение	92
«Холодный воздух, звёзды, фонари...»	93
Всё равно	94
«Словно забывшись во сне бесконечном...»	95
Благодарю	96
«В любви несправедливой, нестрогой...»	97
«С осенним ветром печаль твоя...»	98
Встречи	99
Активированный день	100
Голос времени	102
Высота	103
Поздний час	104
Устаю	105
Про нас еще напишут	106
«Напряжена душевная струна...»	107
На свадьбе	108
«Мне суждено в порыве дерзком...»	110
Быть человеком	111
В Елабуге на кладбище	114
«А за окнами первый снег...»	115
Надрыв	116
«...Я ждал какой-то необычности...»	117
«Нет, я не был рожден жестоким...»	118
Лопата	119
Чужие двери	120
«Осточертела суета...»	121
«Не жди меня. Я не вернусь...»	122
«Проститься с прошлым невозможно...»	123
«...Ты и она. Неверно и несмело...»	124
Холодный дождь	125
Ночью	126
«Не пойму, что случилось...»	127
«Вход со двора. В полуподвале...»	128
Новая строка	129
Ожидание	130
«Милая моя девочка...»	131
«Забыв вчерашнюю вражду...»	132

Расплата.....	133
Единство.....	134
«Опять качаюсь в электричке...».....	135
Пустая комната.....	136
«Как грустно мне, когда луна...».....	137
Живая земля.....	138
«Сплошные стены пустоты...».....	139
Бессонница.....	140
Временные.....	141
«...Официантка, душу пожалей...».....	142
Бетон и муза.....	143
«Жизнь моя — бедная мачеха...».....	144
«Солгать в глаза — не стоит ни гроша...».....	145
Первый выход.....	146
Тайна.....	148
«Сквозь разрывы текущего времени...».....	149
«Как в винограде зёрнышко...».....	149
«Я шагаю устало...».....	150
Сон.....	151
Моя любовь.....	152
Цветок звезды.....	154
Печаль.....	155
«Я ждал земной любви. Но, видно, было надо...».....	156
«Человек, останься сам собою...».....	157
«Мне почудилось в дрожи волос...».....	158
Воздушный шар.....	159
«Я читаю по линиям рук...».....	160
Предчувствие.....	161
Осень.....	162
Глаза.....	163
Крылья.....	164
С той поры.....	165
Птицы.....	166
Тень.....	167
«Чужая боль не стала сердцу ближе...».....	168
Кто-то ночью по комнате ходит.....	169
«Как говорится, наша песня спета...».....	170
«Не погубить себя во зле...».....	171
«За тридцать мне. Пора остепениться...».....	172
«Если б знать мне: зачем я рожден?...».....	173
«Мальчишка, ты бросишь свой обруч гонять...».....	174
«Как долго падала звезда!...».....	175
«Подступит к горлу тишина...».....	176

«Прочна печаль, застывшая в глазах...»	177
«Была любовь, как сон случайна...»	178
«Солнце — мыльный пузырь...»	179
Российские леса	180
Холод	181
Природа	182
«Как это было? — понять не могу...»	183
В ночном лесу	184
«Красавица, признайся, ты откуда?...»	185
«Я что-то в жизни делаю не так...»	186
«Огонь моей несбыточной мечты...»	187
Потерянная мелодия	188
Скорость	189
Близость осени	190
Пробуждение	191
Зов	192
Вся жизнь	193
«В свои сомненья погружён...»	194
«Всё береза в окно мне стучала...»	195
«Ушла береза со двора...»	196
Поэт и мир	197
«Давно с деревьев листья облетели...»	198
Ночь	199
«На опустевшей тёмной улице...»	200
Было	201
Объятие	202
Цветы	203
«Похоронную играют...»	204
«Я никого так долго не лелеял...»	205
В храме	206
Инвалид	207
«Так выходит: когда провожаем...»	208
«Тая обиды про запас...»	209
«Не плачь, моё сердце, не надо...»	210
Влияние Лермонтова	211
«Россия прекрасна в страдании...»	212
«Что ж ты, лето, быстро постарело...»	213
Ангел	214
Романс	215
Рукопожатие	216
В новую жизнь	217
«Еще немного — и придет...»	218
«Мы тонем в глазах друг у друга...»	219

Как нас учили	220
Лица	221
Голос	222
«Сосны, сосны красные...»	223
Комета	224
Когда останешься один	225
Поезд	226
«Пред жалким их покоем...»	227
«Я песня — ты не слушаешь ее...»	228
Загадка	229
Коктебель	230
Две жизни	231
«Меня любить — несносно, право...»	232
Полет	233
«Нельзя ни с болью, ни с тоскою...»	234
Фонтан	235
«Тихо в хате и уютно...»	236
«Не умирай, пока живешь...»	237
«Я был угрюмым одиночкой...»	238
«Не ведаю — что было. Приснилось — не иначе...» ..	239
Наводчица	240
Мой путь.....	242
Солнечный берег	243
«О женщина! Сильны ее причуды...»	245
«Девушка. Птица. Россия...»	246
Разрыв	247
Жалость	248
ПАМЯТЬ. <i>Поэма</i>	249
Снежный ангел	253
«Стихи мои, когда слагались вы...»	254
Родина	255
«О чем нам плакать и тужить...»	256
На распутье.....	257
Мгновения любви	258
«Странная примета...»	259
Долг	260
«Приду я к той горе...»	261
Вьюга	262
«Жалеть ли мне о прошлом? Я не знаю...»	263
Прощание с деревней.....	264
Другу	265
«Выбиваюсь из общего строя...»	267
Рок	268

Центр Вселенной	269
Небо	271
Спасение	272
Потери	273
Инерция	274
«Мы этот мир напрасно не осудим...»	275
Время	276
Корни	277
«Воронки, воронки...»	278
«Невинна прелесть женских глаз...»	279
Мечта	280
«Входишь в лес, а лес уходит в осень...»	281
«Тайга глуха и бесконечна...»	282
Смерть	283
Всадник ветра	284
«Ну что ж, ты меня оттолкнула...»	285
Зимняя песня	286
УЗБЕКСКАЯ КАНВА (<i>По мотивам узбекской поэзии</i>) ..	287
Ответ	290
Надежда	291
«Чем одиночество больней...»	292
Помнить!	293
«Давит сумрак ночной...»	294
Два стихотворения	295
«Канаша, Канаша...»	297
Дитя науки	298
Ветераны	299
Поэзия	300
Твоя любовь	301
Прошлое	302
Вечное обвинение	303
Когда поэта перевел поэт	304
«Затем ли мы с тобой нашли...»	305
Боль	306
В городе	307
Реки России	308
XX век	309
ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ. <i>Поэма</i>	310
«Растрочу я весёлость...»	318
«За что тебе судьба такая...»	319
«Ко всему привыкнуть можно...»	320
«...И летит во мгле, пронзая...»	321
Колодезная вода	322

Слово	323
Ненависть	324
«Детство, да было ль оно? Или это...»	325
«Лунный свет, как серебряный дождь...»	326
Старый Ботанический сад	327
Быль	329
Разъятый мир	331
Уединение	332
В развалинах	334
Удел	335
«Ломает ветер ветви тополей...»	336
Тишина	337
Симонов монастырь	338
Прощальный взгляд	339
Млечный Путь	340
«Что ж, всего повидал я немало...»	341
«Ходит смерть за тобой по пятам...»	342
Дитя природы	343
Дом	344
«Мы жили в самом страшном веке...»	345
Затопление	346
«Как скучно видеть их несовершенство...»	348
Судьба	349
Поэт	350
ЛАТВИЙСКИЙ БЕРЕГ. <i>Лирический цикл</i>	351
«Снился мне удивительный сон...»	361
«Нет им прощения, Отчизна...»	362
«Седьмой десяток лет живем в республике...»	362
Вырубка	363
«Пусть ты во всем права...»	364
«Как я тебя не раз прощал...»	365
«Миг отчуждения теперь уж недалёко...»	366
«Не верю, нас не развели...»	367
«Они придут в твой дом...»	368
«Не бойтесь, я вам не скажу...»	369
«Эта горечь усталой земли...»	370
Клич	371
Отсидевши двадцать лет	372
Триптих	374
«Что случилось со мной?...»	376
Год Полыни	377
«Я умру, а кто осиротеет?...»	378
«Моя убийца — коммуналка...»	379

Эстрада	380
«Всё чаще страшно мне и горько...»	381
«Эта осень похожа на путь мой вдали...»	382
Прощанье	383
«Не узнает никто, сколько тихой любви...»	384
Пролетарскому поэту	385
Казнь сердца	386
«Этой ночью, как перед дуэлью...»	387
«До сих пор не жизнь была, а шутка...»	388
Грех	389
«Всё самое лучшее в мире — было...»	390
«Мы все перетерпим, Татьяна...»	390
«Над моей головой сгущаются тучи...»	391
«Я сжёг дневник. Я не жалею...»	392
Душа и разум	393
«Отчего так долго длятся...»	394
«Как тяжело, Господи, как грустно...»	395
«В любви невиноватых нет...»	396
«О, как играет мной судьба!...»	397
«Я виноват перед тобою...»	398
Утешение	399
Уход	400
«В серый туман ухожу по насыпи...»	402
Жизнь	403
«Сгорит звезда в ночном окне...»	404
Герой	405
Уходит время	407
За что?	408
В полях	409
Лист	411
Кто виноват?	412
Доказательство	413
Мудрые мысли	413
Памятник палачам	414
Сорокалетье	416
Зачем?	417
«В небесах уснули сказки...»	418
«Куда идти, когда кругом разруха?...»	419
«Жизнь моя, ты остаешься тайной для всех...»	420
Урок	421
«Ветер снег подымает в полях...»	422
«Лыж замечательный бег...»	423
«Неистребима сила естества...»	424

«Поглощены разоблачением...»	425
«Пасмурное небо...»	426
Последние	428
Колдовство	429
«Не затем я с тобою прощался...»	430
Известному поэту	431
«Чужие мы с тобой, чужие...»	432
«И хорошо, и жутко...»	433
«Сказала: «Будь мне другом...»	434
Пророк	436
Жестокость	437
Стансы	438
«Тот же август и те же поля...»	439
«Последние сны скоротечного лета...»	440
«Ну вот, я пережил и это лето...»	441
«Синее пронзительное небо...»	442
«Мы не начнем с тобою всё сначала...»	443
«Листья этого года лежат на земле...»	444
«На этот свет безрадостно гляжу...»	445
Голос народа	446
Приговор	448
Николаю Гумилеву	449
«Нынче мертвых — репрессируют...»	450
«Я знаю, слезы облегчают душу...»	451
«Мы всё с тобой уже сказали...»	452
«Ты ушла, словно в пропасть шагнула...»	453
Гуманист	454
Население	455
Неполный список	456
Дочери	457
Собрату по перу	458
«Не оставляй меня, о Боже...»	459
Молчание	460
Прощальные огни	461
«Вечерний лес заснеженный...»	462
Бесовщина	463
Соблазн	464
«По белой дороге, по мягкому снегу...»	465
Очищение	466
«Мы живем в коммунальной России...»	467
«Перестройка — это война...»	468
Нашествие	469
Волчий мир	471

Предательство	473
Весело	475
«Всё лучшее, что прочили весталки...»	476
«Всё продали, всё предали...»	477
22 августа 1991 года	478
Новый переворот	479
«Былой страны не существует...»	480
«Мы остались одни...»	481
«Вот и этого года листья сброшены все...»	482
Безысходность	483
Неизбежность	484
Борьба	485
«Тихое утро, белый покой...»	487
Русская кровь	488
Призыв	489
Мессия	490
В конце века	491
«Боренья горькая услада...»	492
Омертвление города	493
«Зима прощается, уходит...»	494
«Идет бессмысленный поток...»	495
Мечь	496
«Больница. Скука. Безутешность...»	497

ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННОКОВ

<i>Николай Кузин</i>	498
<i>Евгений Ованесян</i>	506
<i>Ростислав Подунов</i>	514

Выдающийся современный писатель, поэт, прозаик, критик, публицист Валерий Васильевич Хатюшин родился 13 ноября 1948 года в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Там же закончил среднюю школу. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север — Центр», строил КамАЗ. Первая книга стихотворений «Быть человеком на Земле» вышла в 1982 году. С 1986 г. член Союза писателей СССР и России. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Слово», «Кубань», «Дон», «Аврора», в альманахе «Академия поэзии». Автор многих книг. Творчество В.В. Хатюшина было горячо поддержано великими русскими писателями второй половины XX века — В.В. Кожиновым, А.К. Пердреевым, В.Д. Цыбиным, А.С. Ивановым.

Более двадцати лет Валерий Хатюшин отдал работе в журнале «Молодая гвардия». В настоящее время он — главный редактор этого русского национально-патриотического издания. Лауреат отечественных и международных литературных премий.

Хатюшин Валерий Васильевич

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

Том первый

Издательство «Голос-Пресс».
Москва, ул. Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.